

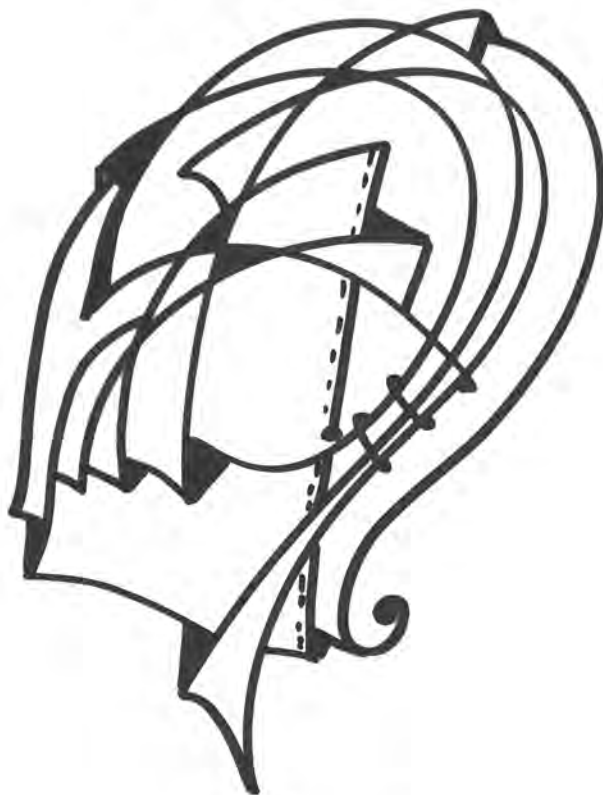
eISSN 2592-916X

ISSN 2592-9232

PALLADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal # 13 (2025/1)

COR IURIS

freeuniversity.education • freeuniversity.pubpub.org

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПΑΛΛΑΔΙΟΝ
#13 (2025/I)

COR IURIS

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfoundation.org

Palladium • Палладиум • Παλλάδιον

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •

Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CCo 1.0 Universal Public Domain Dedication

#13 (2025/1) «Cor iuris»

DOI: 10.55167/207A5D97DEBE

Редколлегия: Ирина Алебастрова, Екатерина Мишина, Елена Лукьянова

Рисунок на обложке М. С.

Ответственный за выпуск Владимир Харитонов

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

freeuniversity.education

Издательство Свободного Университета

freeuniversity.pubpub.org

(в 2025 году адрес издательства поменяется на freeuniversity.press)

В издательстве Свободного университета вышли в свет книги:

Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»; Елена Лукьянова, Илья Шаблинский «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.); Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте»; Елена Лукьянова, Евгений Порошин (при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилькина и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»; Elena Lukanova, Evgeniy Poroshin with the participation of Sergey Shpilkin, Andronik Arutyunov, and Ekaterina Zvorykina «Maximum Security Elections»; Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»; Михаил Минаков «Постсоветский человек и его время»

• А ТАКЖЕ ДВЕНАДЦАТЬ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «PALLADIUM»:

#1 «Город как текст» #2 «Современные угрозы свободе» #3 «Социология войны» #4 «Ролан Барт и культура демократического общества» #5 «Мир и война. Двойная оптика» #6 «Государство и война» #7 «Наука и культура в эпоху катастрофы» #8 (2023/4) «Русский мир: история болезни»

#9 (2024/1) «Язык и свобода» #10 (2024/2) «Патогенез суверенитета» #11 (2024/3) «Журналистика и образование во время войны» #12 (2024/4) «Язык и свобода II»

Содержание

COR IURIS.

К столетию Августа Алексеевича Мишина

- 8 Елена Лукьянова О роли и состоянии юридического образования и конституционно-правовой науки в условиях авторитарного правления
- 26 Екатерина Мишина Советское юридическое образование глазами изумленных граждан и зарубежных гостей
- 51 Анна Лукина, Екатерина Мишина
Преподавание советского права в XXI веке
- 98 Дмитрий Кузнецов
«А что у них?», или Размышления о сравнительном конституционном исследовании судебной власти
- 129 Ирина Алебастрова
Конституционные модели распределения чрезвычайных полномочий в постсоциалистических демократиях: дисперсия суверенитета или торжество парламентаризма?
- 145 Елена Лукьянова
Конституция как морковка. Место и роль конституции в системе права и в системе законодательства
- 177 Владка Кой О единорогах и тварях дрожащих: Животные в конституциях мира
- 211 Анна Каретникова Ограничения следственно арестованных, содержащихся в СИЗО, на связь с внешним миром
- 222 Профессор Мишин в наших воспоминаниях

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

- 242 Елена Лукьянова Хроники Свободного университета.
Зима 2024–2025

ЛЕКЦИИ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

- 254 Ирина Бусыгина Россия на постсоветском пространстве: попытка сохранить имперский проект
- 270 КОММЕНТАРИИ
Дмитрий Орешкин Феномен империи

Август Алексеевич Мишин всю жизнь проработал на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, где преподавал дисциплину, именовавшуюся сначала «Государственное устройство буржуазных стран», а затем «Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости». Лекции его были необыкновенно популярны, послушать Мишина нередко приходили студенты с других факультетов. Обязательное для данного предмета требование представлять критический взгляд на капиталистические страны Мишин виртуозно обходил; в его лекциях и книгах было много почерпнутой из англоязычных источников информации, пропаганды же и критики буржуазного строя практически не было. Однажды после недостаточно критического доклада профессора Мишина о специфике буржуазных выборов, сделанного на конференции в Казани, коллега написал на него анонимку; Мишин не был исключен из партии и не был уволен только потому, что был инвалидом Великой Отечественной войны и кавалером ордена Славы, но о поездках за рубеж пришлось забыть почти на 10 лет. Когда же его начали выпускать за границу, он на удивление быстро отшлифовал свой изначально книжный английский, дважды читал семестровые курсы в SUNY (США), а к середине 1980 г. вместе с замечательным американистом В. А. Власихиным написал ставшую бестселлером книгу «Конституция США: политико-правовой комментарий» — перевод и единственный комментарий к американской Конституции и всем поправкам к ней, написанный на русском языке. Книга эта вышла, когда я как раз перешла на четвертый курс и слушала лекции Мишина (но экзамен ему, конечно же, не сдавала).

Есть такой отдельный подвид — папины дочери. Представительницы этого подвида не сталкивались с проблемами отцов и детей, не знакомы с конфликтом поколений и не знают значения термина «токсичный родитель». Они безгранично любят своих отцов, гордятся ими и восхищаются. В моем ближнем кругу наиболее яркие папины дочери — это моя коллега Елена Лукьянова и моя подруга, адвокат Ольга Пельше. Как и они, я с самых нежных лет поняла, какое огромное место в моей жизни занимал отец.

Профессор Мишин был человеком, к которому невозможно было относиться равнодушно — его либо обожали, либо не любили, некоторые даже побаивались. Сам же Мишин к людям относился с искренним интересом, очень ценил юмор, а злиться не умел в принципе, мог вследствие контузии вспылить, но был отходчив. Ненавидел лесть и подобострастие, на использование хвалебной лексики же реагировал примерно так. В 1970-х годах в одном из отечественных юридических журналов была опубликована статья, в которой профессор В. А. Туманов был назван видным советским ученым, а профессор А. А. Мишин — крупным советским ученым. Туманов позвонил Мишину и поинтересовался:

— Август, а чем видный советский ученый отличается от крупного советского ученого?

Ответ был дан незамедлительно:

— Вова, это очень просто: видный советский ученый виден тогда, когда рядом нет крупного советского ученого.

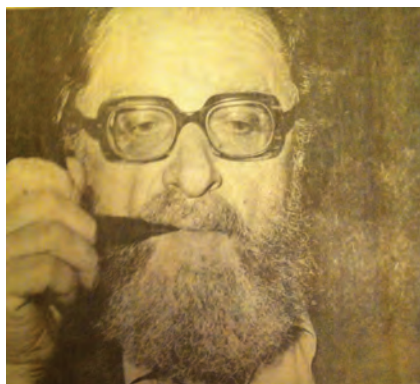
В начале 1942 года 17-летний Мишин потерял руку в битве под Москвой. Про инвалидность свою, равно как и про участие в войне, практически никогда не говорил, но одной рукой мог делать больше, чем многие люди — двумя. Одной рукой печатал свои работы на пишущей машинке, гениально готовил, бегал на лыжах и плавал в бассейне «Москва». Войдя в троллейбус или в вагон метро, всегда стоял, а если кто-то пытался уступить ему место, отказывался. Соглашался присесть только, если все женщины в вагоне сидели.

А еще он был необыкновенно благодарным человеком. И я абсолютно уверена, что он пришел бы в полный восторг, увидев, что компания симпатичных ему людей решила сделать для него отдельный выпуск журнала. И пригласил бы авторов в свою комнату, дабы выпить виски и закусить мишинскими знаменитыми пельменями, ухой по-монастырски, квашеной капустой и солеными грибами.

Екатерина Мишина

COR IURIS

К СТОЛЕТИЮ
АВГУСТА АЛЕКСЕЕВИЧА МИШИНА

О роли и состоянии юридического образования и конституционно-правовой науки в условиях авторитарного правления

Конституция — правовая культура-политика

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, профессор Свободного университета

Что произошло с юридической наукой и с юридической школой в России за последние 30 лет¹. Мы, российские юристы, окончившие юридические вузы в последней четверти XX века, оказались уникальным поколением специалистов, прожившим за одну неполную человеческую жизнь три совершенно разные конституции и работавшим в условиях невероятной политической турбулентности, когда ломались и перекраивались правовые системы. От тоталитарной сталинской конституции — к перестройке и демократизации государства, затем к возврату авторитаризма, диктатуры и войны, которую российская власть развязала в результате полного отказа от верховенства права и соблюдения своих международно-правовых обязательств. Мы также пережили невероятную для одного поколения трансформацию правовой науки. Как у Толкина — путешествие туда и обратно: от полностью изолированной от мира и замкнутой в самой себе советской юридической недонауки — к освоению всех достижений современной юридической мысли и обратно — к свертыванию научного пространства, псевдонаучной демагогии и политической имитации.

1. Все, что описано в этой статье, отражает общие негативные процессы в стране, но, тем не менее, касается только части юридической науки и юридической школы. Другая часть науки и школы требует дополнительного позитивного описания.

Часть ученых прошли этот путь достойно. Они полностью переучились и создали современные научные школы. Те, кому это удалось, стали совсем другими юристами и учеными-правоведами. Но далеко не всем хватило сил и упорства переучиться. 30 лет — это всё же не очень много. Значительная часть ученых осталась такой, какой она была на излете СССР, с устаревшими представлениями о государстве, произвольно диктующем любые выгодные для власти правила, и о праве как выражении воли правящего класса. Мы просто не успели переучить и перенастроить все юридическое сообщество.

Соответственно, нормальные юридические школы в условиях возврата авторитаризма стали невыгодны и опасны для политических элит. Их начали разрушать и к сегодняшнему дню организационно уничтожили практически полностью. Место этих школ и ученых постепенно занимали те самые непереучившиеся, с советским подходом, которым и слово «диктатура», и соответствующий ему политический режим были понятны и близки.

Именно поэтому в 2014 году, комментируя высказывания Президента России Владимира Путина по поводу аннексии Крыма, сорок четвёртый Президент США Барак Обама сказал: «У Президента Путина, вероятно, другой набор юристов. Может быть, у него другой набор интерпретаций»². Канцлер ФРГ Ангела Меркель высказалась тогда ещё жестче. Выступая перед членами Бундестага, она сказала: «Россия во время кризиса на Украине действовала по закону джунглей, актуальному для XIX–XX веков»³. Обама и Меркель были правы. Для грубого попрания всех международно-правовых приличий Президенту Путину нужны были другие юристы, и они у него, к несчастью, были. Эти же юристы (мы знаем их по именам) были у Путина, когда он в 2020 году ломал конституционную конструкцию и продлевал свое правление. Эти же юристы, вопреки действу-

2. См.: РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20140304/998156375.html>.

3. См.: «Ведомости». 13.03.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/03/13/merkel-rossiya-dejstvuet-na-ukraine-po-zakonu-dzhunglej>.

ющему российскому законодательству, охотно оправдывали законность полномасштабного вторжения России в Украину, захват и присоединение чужих территорий, военные преступления и неответственность за них российской власти. Потому что у них действительно совершенно иной, советский набор интерпретаций большинства общепринятых международно-правовых понятий, смыслов и ценностей.

То, что сейчас преподается в российских юридических вузах, не преподается больше нигде в Европе. Да и как можно преподавать демократические институты, права человека, конституционализм и парламентаризм в условиях авторитарной концентрации власти? Состояние юридической науки и юридического образования всегда и безусловно является маркером политического режима. Поэтому видение правовых процессов действующей юридической школой в России полностью соответствует тому, к чему пришла страна к 2020 году. В демократических режимах школа основывается на принципах конституционного ограничения государства и верховенства права. В недемократических системах принцип верховенства права подменяется принципом верховенства закона, независимо от того, являются законы правовыми или нет. Это не *rule of law*, это *rule by the rules*. Многие российские юристы остались социалистическими легистами.

Легизм⁴ не предполагает верховенства права. Все введенные государством правила оцениваются легистами с точки

4. В России, начиная с последних десятилетий XIX века и до 20-х годов XX века, активно разрабатывалась позитивная теория права в её юридическом, социологическом и психологическом вариантах. Е. В. Васильевский, М. Н. Гернет, С. К. Гогель, Д. Д. Гримм, Д. А. Дриль, А. А. Жижиленко, М. Н. Капустин, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, С. А. Муромцев, Н. А. Неклюдов, Н. И. Палиенко, С. В. Пахман, Л. И. Петражицкий, А. А. Пионтковский, С. В. Познышев, П. А. Сорокин, И. Я. Фойницкий, Г. Ф. Шершеневич — вот далеко не полный перечень российских ученых, которые внесли заметный вклад в ее развитие. Тогда это были новые идеи, имевшие западноевропейские корни, а правовой позитивизм был мировым трендом. За прошедшие полтора века взгляды на государство и право в мире сильно изменились в пользу естественно-правового подхода, где помимо права, создаваемого государством, существует ещё «естественное право»,

зрения политической целесообразности, а не с точки зрения принципов верховенства права. Легизм крайне удобен авторитарным режимам. Как мы помним, законодательство третьего Рейха долгое время принималось как должное и не оценивалось критически. Лишь после войны немецкий юрист Густав Радбрух описал его как неправоное и не подлежащее исполнению.

Факторы, способствующие бедственному состоянию юридической науки и школы

Кроме недостатка образования и перманентной авторитаризации законодательства, которую президент Путин начал с самых первых месяцев своего прихода к власти (дефедерализация, внеконституционное перераспределение полномочий в пользу президентской и исполнительной власти, трансформация избирательного законодательства с целью формирования зависимого парламента, ограничение свободы деятельности СМИ, создание системы зависимого правосудия, политического уголовного преследования, дискриминация граждан в зависимости от их политических взглядов и др.)⁵ существуют и другие причины бедственного состояния юридической науки. Они

имеющее бóльшую силу, чем позитивное, и включающее в себя представления о справедливости и общем благе и социальные институты, защищающие свободные обмены и позволяющие пресекать агрессивное насилие. В России же, наоборот, произошла консервация позитивистских взглядов на право. Потому что авторитарной Советской власти позитивный подход к праву был выгоден, и советские ученые, отвергая враждебные «буржуазные» исследования, продолжали изучать постулаты позитивистской теории права. В итоге единственным научным содержанием права стало изучение законов, а юриспруденцию подменили легистикой. Легизм — это максимальное проявление позитивизма. По наследству от СССР традиции юридического позитивизма образца столетней давности перешли к современной России как господствующее направление в науке. Господствующее, но, к счастью, не единственное. Потому что в настоящей российской науке есть много современного и интересного.

5. См.: Лукьянова Е., Порошин Е. и др. Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать? Москва, Челябинск: Свободный университет, Социум, 2022.

вытекают из переходного состояния государства, в котором после крушения социалистической системы оказалась не только Россия, но и другие постсоциалистические страны.

Фальсификация науки. Коррупция. По наследству от СССР новой России досталось значительное число профессоров, квалификация которых соответствовала общему низкому уровню советской юридической науки, далекому от международных научных стандартов. Именно эти люди, имеющие профессорские аттестаты, но являющиеся весьма посредственными учеными, руководили вузами и кафедрами и занимали почетные места в системе аттестации научно-педагогических кадров. И именно они в условиях переходной рыночной экономики создали коррупционную систему подготовки и одобрения псевдонаучных диссертаций, зачастую являющихся ворованным копипастом работ настоящих ученых. Основным лженаучный удар пришелся на экономическую, юридическую и историческую науки. В отличие от точных и естественных наук там было проще подтасовать данные.

Настоящая наука начала сопротивляться. Было создано сообщество «Диссернет» для выявления и анализа лжеученых работ и обнародования имен их авторов. Но коррупционная система сопротивлялась тоже. В итоге организаторы «Диссернета» были объявлены в России экстремистами и иностранными агентами и подвергнуты уголовному преследованию⁶. К сожалению, количество лжеученых и сворованных диссертаций в России не снижается, поощряя мафию, паразитирующую на науке, к дальнейшим действиям по охране созданной ею коррупционной системы.

Еще одной причиной слабости российской юридической науки является ее *языковая замкнутость*. Советский Союз специально не создавал широкой системы изучения иностранных языков. Он считал это для себя опасным, поскольку проникновение в страну знаний, отличных от официальной идеологии, могло привести к сомнениям в ее истинности. Знание языков

6. Суд в Москве заочно арестовал сооснователя «Диссернета» Андрея Заякина. URL: <https://www.forbes.ru/society/482501-sud-v-moskve-zaочно-arrestoval-soosnovatela-disserneta-andrea-zaakina>.

стало привилегией особо доверенной и проверенной элиты. Поэтому огромное количество российских ученых никогда ничего не читали, кроме как на русском языке. Таким образом, долгое время сохранялась закрытость советской науки и ее изоляция от науки мировой. Даже в библиотеках не ко всем иностранным материалам был свободный доступ. В итоге ряд советских исследований сводился, например, к уточнению какого-либо юридического определения путем переноса в нем знаков препинания или добавления одного слова. Все цитировали и перецитировали друг друга, изредка обращаясь к одиноким цитатам из западных научных работ, порой лишь для обозначения их антисоветской и буржуазной порочности. И хотя за прошедшие 30 лет на русский язык было переведено огромное количество классических юридических книг, но их прочтение и осмысление требовали времени и усилий. А если вдруг в результате такого осмысления окажется, что все твои многолетние «труды» устарели, недобросовестны или неверны? Может быть, тогда лучше сделать вид, что никаких опровергающих их исследований просто не существует? И тогда можно продолжать настаивать на своей пещерной позиции. Профессорский диплом позволяет не принимать иное знание под предлогом его «ненаучности». Называется такой подход чванством, ленью и нежеланием учиться. Этаким русский мир, который не признает объективную истину просто потому, что плохо образован и отвергает любую иную точку зрения.

Справедливости ради следует сказать, что новое поколение юристов не страдает проблемой языковой замкнутости и не ограничивается в своем научном поиске трудами исключительно российских коллег. Но значительное число людей, имеющих ученые степени, полученные коррупционным путем, в сочетании со специфической авторитарной кадровой политикой вузов препятствует развитию нормальной юридической науки.

Ситуация с развитием науки осложняется еще и *отсутствием междисциплинарного подхода*. Позитивистский взгляд на право отрицает возможность исследования проблем правового регулирования за пределами изучения текстов законов. Как и откуда взялись эти законы, каким парламентом и в каких

процедурах они принимались, каковы их правовая сущность и иные параметры? Эти и другие вопросы не всегда являются чисто правовыми. Ответы на них дают смежные науки. И эти ответы зачастую ставят под сомнение легитимность выборов, представительный характер парламентов и правовой характер законов. Поэтому максимально сужается исследовательская оптика и исследование ограничивается анализом слов и знаков препинания в юридических текстах. Но, как известно, искусственное ограничение академической свободы не приводит к получению достоверных научных результатов, а сам научный процесс превращается в имитацию такового.

Фальсификация юридического образования. К середине 90-х годов прошлого века юридическое образование в постсоветской России стало одним из самых дефицитных и модных. Появление частной собственности, развитие имущественных отношений и гражданского законодательства потребовали подготовки огромного числа новых специалистов, которых не было в СССР. Специальность стала престижной и хорошо оплачиваемой. Существующие юридические школы не справлялись с потоком желающих. Высокий спрос привел к тому, что юридические факультеты начали открываться в самых разных непрофильных вузах — в стоматологических, авиационных, торговых, горных и пр. Все эти факультеты были платными и, как правило, очень невысокого качества. Только лет через десять юридическое сообщество заволновалось и создало комиссию для проверки и аттестации подобных факультетов. Но целое десятилетие они выдавали дипломы о юридическом образовании, выпуская некачественную «продукцию» в виде людей, получивших доступ к юридической профессии.

Еще одна проблема — юридические факультеты региональных университетов. В них очень часто не хватает квалифицированных академических преподавателей. Поэтому туда после своей основной работы приходят преподавать адвокаты, прокуроры и юрисконсульты. Руководство больше заботит не качество, а наличие перечня предметов, необходимых для аттестации.

Особая беда российского юридического образования — создание специальных учебных заведений для бюрократии.

Это сеть ведомственных вузов силовых и правоохранительных структур, которые начали расти как грибы после дождя с приходом к власти Владимира Путина. Академия ФСБ, академия Прокуратуры, академия Министерства юстиции, академия федеральной службы исполнения наказаний — вот не самый полный перечень инкубаторов, в которых выращиваются весьма специфические юристы, имеющие весьма поверхностное представление о конституционном принципе приоритета прав человека, но зато хорошо изучившие правила оперативно-розыскной деятельности. Отчасти это такие специальные места для детей силовиков и для сотрудников, в которых правила отбора и оценки знаний существенно ниже, нежели в обычных юридических вузах. Заочные отделения таких вузов — это вообще профанация образования, массовая продажа юридических дипломов с нулевым качеством.

В результате выпускники разных юридических вузов даже в российских судах зачастую не понимают друг друга — у них принципиально разная подготовка. Кстати, в российскую прокуратуру практически невозможно попасть из Московского университета. Специалисты высокого уровня там не нужны — слишком много знают о правах человека. Так что Барак Обама был прав — в России действительно совершенно иной набор юристов, которые говорят на другом языке, нежели юристы других стран. Сейчас совершенно ясно, что при изменении политического режима все эти ведомственные вузы должны быть ликвидированы, а их выпускники подвергнуты переаттестации на пригодность к профессии.

О роли и значении конституционно-правовой науки

Сразу надо сказать, что роль и значение конституционно-правовой науки в постсоветской России были сильно недооценены. Страна, резко вступившая в рыночную экономику после десятилетий государственного планового хозяйства без частной собственности, бросилась восстанавливать свои знания в области частного права, оставив публичное право «на потом». Terra incognita цивилистики. И только спустя пару десятилетий, когда начала рушиться вся правовая система, пришло время серьезного осмысления роли и значения ее ядра — кон-

ституционного права. Именно тогда ко мне пришли представители разных юридических профессий, озабоченные тем, что у них в отраслях «ничего не работает», и мы начали проводить междисциплинарные семинары, выясняя, какие из конституционных принципов и ценностей были подвержены деформации и как это нужно поправлять. Но мы не успели. Начиная с аннексии Крыма, накопление энтропии авторитаризма пошло опережающими шагами, сужая пространство научной дискуссии посредством создания политических условий для появления академической цензуры. Все это закончилось конституционным переворотом 2020 года, отменившим сменяемость власти в России и завершившим процесс концентрации властных полномочий в руках одного лица. В итоге все закончилось развязыванием преступной войны, которая по модели, заложенной в российской Конституции, была невозможной. Часть российских ученых назвала все происходящее своими именами, открыто и внятно дав ему правовую оценку. За этим последовало кадровое уничтожение научных школ. И это лишь подтверждает гипотезу о том, что состояние науки и юридического образования всегда и безусловно является маркером политического режима.

Все тридцать постсоветских лет меня лично очень тревожила крайне слабая роль конституционно-правовой науки во всех сложнейших политико-правовых процессах, происходивших в стране в это время. Она оказалась крайне незначительной и ненастойчивой. Особенно с начала нового тысячелетия, с прихода к власти Владимира Путина. Да, конечно, мы много писали об углубляющейся пропасти между Конституцией и правовой действительностью. Но для серьезной науки задача состоит отнюдь не только в фиксации разницы между должным и сущим, а в поиске причин и путей ее преодоления. «В науке правильно сформулировать задачу часто значит найти ключ к ее решению» — это слова великого британского физика Стивена Хокинга⁷. И если задуматься, то выяснится, что мы сами пока не до конца постигли должное, а поэтому и сущее таково — оно прямо вытекает из недоосмысленного должного.

7. См.: Хокинг С. Мир в ореховой скорлупке. М., 2001. С. 150.

Можно ли в таких условиях формировать правосознание элит, что тоже является задачей настоящей науки? Вряд ли.

Что имеется в виду? Стремительные и масштабные постсоветские конституционно-правовые процессы все время подталкивали нас не столько к смысловой, сколько к описательной науке. Мы (большинство из нас) с энтузиазмом анализировали постоянно меняющиеся нормы, констатировали и исследовали новые правовые обычаи и деловые обыкновения. И в этой вынужденной гонке за сущим упустили должное, подзабыли о главном — о значении внутренней логики и о иерархии конституции в жизни любого государства, права и общества. О единстве системы, где любое искажение одного параметра имеет взаимосвязанные причины и последствия. Ведь чтобы поставить диагноз явлению, необходимо, в первую очередь, определить точку системного сбоя. И, определив эту точку, ученый как врач обязан донести до пациента (в данном случае — до политических элит и до общества) причины заболевания и способы его лечения, зачастую настаивая на смене образа жизни и отказе от вредных привычек.

Используя подобный образ, я имела в виду состояние российской конституционно-правовой культуры и наше участие в ее последовательном формировании, возможном только лишь на основе глубинной смысловой конституционной теории. Не на той, которая лежит на поверхности, а на той, которая постигается только очень сильно вооруженным глазом с учетом всех современных мировых исследований. Как в перефокусирующемся микроскопе, когда слой за слоем меняется изображение, открывая всё новые детали и подробности.

То есть налицо наша общая вина в том, что у нас до сих пор не создана система механизмов непререкаемости конституционных целей, задач и принципов, основанных на верховенстве права, и современной теории основных прав и свобод человека, имманентности их ограничения, значения разумных адекватных процедур в обеспечении.

Надо сказать, что подход к осмыслению этой проблемы заложен довольно давно в установочной статье судьи Конституционного суда России Г. А. Жилина под названием «Соот-

ношение права и закона»⁸. В этой работе Жилин ставит очень важный вопрос — вопрос о существовании российской конституционной модели. Он утверждает (и, по-моему, он совершенно прав), что Конституция не отождествляет право и закон, что в ней заложено именно юридическое, а не легистское правопонимание. Более того, он утверждает, что легизм, отождествляющий право и закон и рассматривающий право как систему общеобязательных норм, охраняемых силой государственного принуждения безотносительно к их содержанию, на практике противостоит конституционному правопониманию. Я цитирую эту его позицию полностью, поскольку она крайне важна: «Я исхожу из различия права как объективного регулятора общественных отношений и закона как формы выражения права; законы не всегда адекватно выражают право, в связи с чем от правовых необходимо отличать неправовые законы, которые законодателем не должны приниматься, а судами — применяться».

Такая посылка непосредственно вытекает из положений действующей Конституции, провозглашающей Российскую Федерацию демократическим правовым государством, правовая система которого ориентирована на понимание права как общеобязательной формы равенства, свободы и справедливости, где критерием выступает сам человек, его права и свободы, которые должны определять смысл, содержание и применение законов, а также деятельность всех органов государственной власти, в том числе и суда.

Закрепленному в Основном Законе страны юридическому правопониманию противостоит легизм, отождествляющий право и закон и рассматривающий право как систему общеобязательных норм, охраняемых силой государственного принуждения, безотносительно к содержанию нормативных установлений.

При юридическом правопонимании также не подвергается сомнению, что право для выполнения регулятивных и охранительных функций опирается на авторитет и силу государства, *воля которого, однако ограничивается, поскольку при*

8. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/7022>.

принятии и применении законов государство, в лице его органов законодательной, исполнительной и судебной власти, обязано действовать не по субъективному усмотрению, а в соответствии с объективными требованиями права».

То есть посыл был дан. Но его мы не продолжили и не развили. А ведь именно здесь находится точка бифуркации. Если оставить эти важнейшие позиции без внимания, перешагнуть их, как не имеющих краеугольного значения, и не основывать на них деятельность публичной власти, начинается разрыв (можно вежливо назвать его отклонением) базовой конституционной теории с практикой ее реализации. Но как раз в этой области у нас самое малое количество исследований и дискуссий. А в результате — тотальный отход от конституционных ценностей в законодательстве и на практике.

Да, мы изучили и исследовали огромное количество норм и практик. А изучать в первую очередь надо было примерно такие темы:

- «Права и свободы человека как критерий определения смысла и содержания законов»;
- «Права и свободы человека как критерий конституционного правоприменения»;
- «Права и свободы человека как критерий конституционности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления»;
- «Права и свободы человека как критерий оценки деятельности судов»;
- «Объективные требования права как критерий оценки содержания законов и пределов усмотрения законодательной, исполнительной и судебной власти».

Ну, или, как минимум, «Зависимость качества законотворчества от состояния избирательной системы» (список можно продолжить).

Отдельно надо сказать о необходимости расширения горизонтов наших исследований. В том числе о пересмотре подходов к сравнительно-правовым работам. Нужно было не только сравнивать практику разных стран для выявления позитивного опыта, применимого внутри России, но напря-

мую включаться в общеправовые международные дискуссии. В том числе в дискуссию о верховенстве права, начатую Венецианской комиссией за демократию через право⁹. Тогда было бы намного проще понимать контекст любых политических разногласий и ориентировать в нем национальные элиты.

Вот пример: в апреле 2015 года жители города Асбест Свердловской области, получившие квитанции за ЖКУ с новыми платежами и требованием заключить договор с региональным фондом — оператором, в массовом порядке отказываются это делать по тем правилам, которые установлены государством¹⁰. Что это? Правовой нигилизм, как привычно определяют подобные эксцессы в отечественной науке, или гражданское неповиновение? Теория гражданского неповиновения, порожденного неправомерными действиями государства, специфика ответственности за такое неповиновение подробно описаны и исследованы британскими и американскими учеными начиная с середины XIX века. И даже выведен термин «аморальные поступки правительства», и идет дискуссия об обязанности граждан таким поступкам сопротивляться. Основателем теории является известный американский писатель и общественный деятель Генри Торо, у которого много научных последователей. В итоге ученые уже давно вышли на уровень решения дилеммы об исполнении или неисполнении неправовых законов. Но для большинства российских ученых подход является абсолютно еретическим. Тем более, что они и слов-то таких не знают.

Полностью надо менять и междисциплинарный подход. Сегодня мы категорически не можем замыкаться не только в узких рамках одной отдельно взятой юридической специ-

9. См.: Доклад «О верховенстве права» Утвержденный Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия) на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 года). — Страсбург, 4 апреля 2011 года. Исследование № 512/2009. CDL-AD(2011)003rev; Сергей Головатый (*Serhiy Holovaty*). *The Rule of Law*. Kyiv: Phoenix Publishing House, 2006. LXIV, 1747 (Vol. 1: The Rule of Law: From Idea to Doctrine; Vol. 2: The Rule of Law: From Doctrine to Principle; Vol. 3: The Rule of Law: The Ukrainian Experience).

10. URL: <https://news.mail.ru/video/237192/>.

альности, но и отдельно взятой науки. Наши выводы будут неполными и недостоверными не только без учета наших коллег-теоретиков, но и без работ по другим смежным специальностям. Невозможно оценить эффективность конституционного регулирования без понимания того, как реализуются основные конституционные принципы в отраслевом правоприменении. А мы зачастую по чисто формальным основаниям шарахаемся от междисциплинарных исследований, не говоря уж об использовании достижений других, в том числе негуманитарных наук. Хотя эти науки (например, квантовая физика) упорно двигаются по пути естественно-гуманитарной конвергенции.

Приведу для примера защищенное уже два десятилетия назад исследование И. Н. Колкаревой «Проблемы теории правового закона и правовой законности», в котором автор предложил формулу оценки качества юридического закона, состоящую из четырех слагаемых:

$$K_0 = K_1 + K_2 + K_3 + K_4$$

где K_0 — общая оценка качества правового закона; K_1 — *степень широты* отражения в содержании закона общеправовых, межотраслевых и отраслевых принципов права; K_2 — *степень полноты* отражения в содержании закона гарантий правовой законности; K_3 — *степень адекватности* отражения в содержании закона правовой действительности; K_4 — *степень закрепления* прав, свобод, законных интересов и правовых обязанностей на основе оптимального сочетания правовых запретов и правовых дозволений, правовых поощрений и правовых наказаний, правовых стимулов и правовых ограничений»¹¹.

Это предложение теоретика. Но внедрение данной или подобной ей формулы в практику осуществляется посредством конституционно-правовых норм. То есть здесь была наша задача. Но мы не отследили, не обсудили и не развили предложение коллеги. Другой пример — исследование профессора Д. Ю. Шапсугова о правовом законе как условии обеспе-

11. Колкарева И. Н. Проблемы теории правового закона и правовой законности. Дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. URL: <http://www.dissercat.com/content/problemy-teorii-pravovogo-zakona-i-pravovoi-zakonnosti>.

чения оптимального единства государственной власти, предлагавшее 20 лет назад решение тех самых вопросов, которые мы ставим перед собой сегодня¹².

Еще сто лет назад профессор Богдан Александрович Кистяковский писал:

У нас при всех университетах созданы юридические факультеты; некоторые из них существуют более ста лет; есть у нас и полдесятка специальных юридических высших учебных заведений. Все это составит на всю Россию около полутора-ста юридических кафедр. Но ни один из представителей этих кафедр не дал не только книги, но даже правового этюда, который имел бы широкое общественное значение и повлиял бы на правосознание нашей интеллигенции. В нашей юридической литературе нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую, по существу не глубокую, но все-таки верную и боевую правовую идею, как иеринговская «Борьба за право». Где та книга, которая была бы способна пробудить при посредстве этих идей правосознание нашей интеллигенции? Где наш «Дух законов», наш «Общественный договор»?»¹³.

Прошло сто лет. Наверное, все же пришла пора нам со всем этим разобраться. И не только в своем собственном узком юридическом кругу за закрытыми дверями, а всем миром вместе. Мне нечаянно довелось вынести на широкое обсуждение чисто юридический материал, перепечатанный неюридической газетой¹⁴ из сугубо академического издания, и стало понятно, что таких материалов сегодня остро не хватает государству и об-

12. Шапсугов Д. Ю. Правовой закон как условие обеспечения оптимального единства государственной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. № 3. С. 3–9.

13. Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России 1909–2009. Сб. статей о русской интеллигенции. М.: Грифон, 2007. С. 173.

14. См.: Лукьянова Е. А. К вопросу о верховенстве права в контексте российской внешней политики // Труды по руссиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения. Вып. 5. М., 2014; Лукьянова Е. А. О праве налево // Новая газета. 19.03.2015. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/67715.html>; Зорькин В. Д. Право и только право // Российская газета. 24.03.2015. С. 11–12.

ществу. Потому что правосознание интеллигенции, и в особенности интеллигенции научной, рано или поздно формирует правосознание политических элит. Отсюда вывод о том, что разрыв между конституционной теорией и практикой ее реализации порожден, в первую очередь, нашими собственными научными недоработками, нашим суженным взглядом на мир и право. Я лично предпочитаю сначала замечать бревно в своем собственном глазу, прежде чем искать соринку в чужом. И мне очень не хочется, чтобы по моей вине диагноз, поставленный русской интеллигенции профессором Кистяковским, о том, что она «никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности, что из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»¹⁵, оказался хронической невылеченной в течение веков болезнью.

В итоге вместо юридических академиков вопрос о неправо-
вых законах и об их исполнении открыто и безапелляционно
поднял писатель Дмитрий Глуховский, когда его заочно суди-
ли в России за антивоенные посты в сети Instagram и в теле-
грам-канале. Вот выдержка из его письма, которое он направил
в Басманный районный суд города Москвы 22 марта 2023 года:

«Для чего нужен закон?

Закон нужен для того, чтобы слабых оградить от посягательств со стороны сильных, а сильных оградить от соблазна посягнуть на слабого. Закон нужен для того, чтобы воздать преступнику за содеянное и чтобы предотвратить новые преступления. Для того, чтобы худшее в человеке выполоть, а лучшему позволить цвести.

Нет ничего важнее и драгоценнее вашей жизни. Ваша жизнь принадлежит только вам и никому больше. Никто не вправе отнять ее у вас. Никто не вправе погубить тех, кого вы любите. И никто не имеет права приказывать вам убить ни в нем не повинного человека.

Если примут закон, обязывающий меня убивать невиновных, мой долг — нарушить этот закон. Если примут закон, обязывающий меня покрывать убийства невиновных, я должен нарушить и этот закон. Если примут закон, запрещающий

15. Кистяковский Б. А. В защиту права. С. 170.

говорить правду о том, что другие убивают невинных, такой закон соблюдать не обязан никто.

...Есть законы, которые не должен соблюдать никто. И я не буду их соблюдать»¹⁶.

Я люблю свою профессию и свою науку. Ученый всегда в ответе за добросовестность исследования и сделанного на его основе прогноза перед учителями, коллегами, учениками. И перед страной, в конце концов. Да, конечно, отстаивать истину непросто во всех науках. В общественно-политических областях это тем более сложно, потому что твои выводы могут не только не соответствовать чаяниям государственного начальства, но вступать с ними в противоречие. Хотя от этого истина не перестает быть истиной, а правильно просчитанный прогноз все равно реализуется. Молчание ученого, видящего все риски происходящих процессов, равно как взятый им себе на вооружение принцип невмешательства, ставит крест на профессии. Знание — трудная ноша. Настоящий ученый не имеет права молчать. Тогда надо снимать судейскую мантию или погоны, класть на стол трудовую книжку, диплом доктора наук, удостоверение чиновника (что-то еще, быть может) и уходить. Потому что не оправдал предназначения.

Оптимистическое

Несмотря на все описанные негативные явления, настоящие ученые-конституционалисты в России никуда не делись. Часть из них уехала из страны из-за угрозы преследования, часть осталась. Они не замолчали, но их голоса стали тише, потому что у них просто нет трибуны. Они не перестали бороться, думать и иметь свою четкую правовую позицию по отношению к происходящему. В том числе анализировать ошибки и оттачивать видение того, какой должна быть конституционно-правовая наука в России и какую роль она должна играть в мировосприятии элит.

Кроме того, я утверждаю, что за 30 постсоветских лет нам удалось подготовить поколение высококвалифицированных и современно мыслящих ученых и практиков в области юрис-

16. См. подробнее: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=113215>.

пруденции. Их много, и они говорят на одном юридическом языке со своими зарубежными коллегами. Мы продолжаем их готовить вопреки авторитарной свертке академического пространства. В том числе на площадке Свободного университета. Рано или поздно Россия вернется в цивилизованное юридическое поле. Она вернется в Совет Европы и под юрисдикцию ЕСПЧ. Все подготовленные нами за эти годы кадры юристов займут соответствующие места в юридическом сообществе и сменят тех, кто по современным профессиональным меркам не квалифицирован и неконкурентоспособен.

Когда недостатки выявлены, их легче исправлять.

DOI: 10.55167/7ac2ac3f8c6e

Советское юридическое образование глазами изумленных граждан и зарубежных гостей

Екатерина Мишина

Создание советского юридического образования, а вместе с ним советского права и советской юридической профессии, началось с разрушения. Отдельные представители большевистского руководства отмечали это с большевистской же прямоотой. По словам российского наркома юстиции П. И. Стучки, «наш проект Декрета № 1 о суде встретил во Владимире Ильиче восторженного сторонника. Суть декрета заключалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы»¹.

Именно Декретом о суде № 1 и был нанесен первый удар по судам и судьям. Декрет упразднил «доныне существующие общие судебные установления» и приостановил «деятельность мировых судей, ранее избираемых посредством не прямых выборов»². В своих решениях и приговорах судьям надлежало руководствоваться законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию³. Дореволюционные институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры упразднялись наравне с судами⁴. Здесь же появились первые критерии советской юридической профессии: «в роли же обвинителей и защитников, допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверен-

1. Стучка П. И. Революционная роль советского права. Изд. 3-е. М., 1934. С. 91, 116.

2. Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 г.

3. П. 5 Декрета № 1.

4. П. 3 Декрета № 1.

ных, допускаются все не опороченные граждане обоего пола, пользующиеся *гражданскими правами*»⁵. Никаких формальных требований, включая требование наличия юридического образования и опыта практической деятельности, установлено не было, так что дорога в прокуратуры и адвокаты для активистов нового режима была открыта. Декрет о суде № 1 не просто ударил по судам и судьям — он запретил всю дореволюционную правовую систему, и на протяжении 20 лет советский режим был не в состоянии сформулировать свою собственную концепцию права⁶.

Менее чем через месяц в № 38 газеты Временного Рабочего и Крестьянского правительства была опубликована Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР⁷ «О революционном трибунале...», установившая, что «при Революционном Трибунале учреждается коллегия лиц, посвящающих себя правозащитничеству, как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты»⁸. Названная коллегия согласно положениям пункта 7 (в) Инструкции формировалась «путем свободной записи всех лиц, желающих оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендации Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». В соответствии с пунктом 7 (а) «в качестве обвинителей и защитников, имеющих право участия в деле, допускаются по выбору сторон все пользующиеся *политическими правами* граждане обоего пола». Появилось и первое формальное требование для потенциальных «правозащитников», стремящихся принять участие в отправлении «революционного правосудия»: быть лояльными новому режиму и иметь неопороченное богатством

5. П. 3 Декрета № 1.

6. Razi G. M. Legal Education and the Role of the Lawyer in the Soviet Union and the Countries of Eastern Europe. (1960) 48:5 Calif L. Rev. 776. P. 783.

7. Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г.

8. П. 7 (б) Инструкции от 19 декабря 1917 г.

либо знатностью происхождения, ибо только такие лица могли обладать политическими правами в первые послереволюционные месяцы⁹.

Таким образом, уже в первые послереволюционные недели было положено начало депрофессионализации различных видов юридической профессии; личная преданность и политическая благонадежность с точки зрения властей были важнее квалификации. Изменилась и суть права, ставшего орудием диктатуры пролетариата. Концепция нового революционного пролетарского права активно развивалась наркомом юстиции РСФСР и первым советским Генеральным прокурором Д. И. Курским. По мнению Курского, право в условиях диктатуры пролетариата — это выражение интересов победившего класса и его вождей. Здесь нет места для «норм вроде *Nabeas Corpus*», для признания и защиты прав и свобод индивида¹⁰. Новое революционное право, по Курскому, это «пролетарское коммунистическое право». Советская власть разрушила «все три основы института буржуазного права: государство, право и частную собственность... Старое государство заменили Советами; на смену права приходят волевые акты, изданные государством; частная собственность заменена собственностью пролетарского государства на все орудия производства¹¹. Оценивая дух советского права в первые постреволюционные годы, Гаролд Берман (Гарвардский университет, университет Эмори) отмечал, что это был одновременно дух нигилизма и дух апокалиптизма — безжалостного разрушения всего дореволюционного и величественного перехода к новому порядку равенства и свободы без права. Это был дух ЧК, предшественницы ОГПУ и НКВД, и дух анархизма в его буквальном значении¹².

9. Мишина Е. А. Длинные тени советского прошлого. М.: Либеральная миссия, 2014. С. 42–43.

10. См.: Курский Д. И. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е. М., 1958.

11. Подробнее см.: История политических и правовых учений / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, д. юр. н., проф. В. С. Нерсисянца. М.: Издательская группа НОРМА—ИНФРА-М, 1998. С. 642.

12. *Berman Harold J.* Far Eastern Section, *The Spirit of Soviet Law*, 23 Wash. L. Rev. & St. B. J. 152 (1948). Available at <https://digitalcommons>.

Фраза П. И. Стучки, произнесенная им в 1918 г. при обращении к народным судьям, также провозглашала разрушение: «Революция права в первую очередь проявлялась в разрушении старого права... Нам сейчас нужны не столько юристы, сколько коммунисты»¹³. Эти слова ярко отражали потребности того времени и подходы к юридической науке и образованию, ведущие к демонтажу всей системы юридического образования, которая ассоциировалась у большевиков с царским государственным аппаратом¹⁴. К тому моменту решение об упразднении юридических факультетов уже обрело закрепление в акте Народного Комиссариата Просвещения¹⁵; соответствующие кафедры были отнесены к историко-филологическим факультетам университетов на период до организации факультетов общественных наук¹⁶. Примечательно, что разрушение юридического образования началось параллельно с увеличением числа университетов. 30 января 1919 г. Совнарком РСФСР издал декрет об открытии новых университетов, в соответствии с которым были основаны университеты в Нижнем Новгороде, Воронеже, Днепропетровске, Иркутске, Ереване, Тбилиси, Баку, а в 1920 г. — в Екатеринбурге, Ташкенте, Харькове¹⁷.

Декрет СНК РСФСР от 1 октября 1918 г.¹⁸ упразднил ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкта

law.uw.edu/wlr/vol23/iss2/8, p. 155.

13. Стучка П. И. Марксистское понимание права // Стучка П. И. Избранные работы по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 290.

14. Подробнее см.: Крашенинников П. Страсти по праву. Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018.

15. Постановление Наркомпроса РСФСР № 859 от 12 февраля 1918 года.

16. Факультеты общественных наук (ФОНы) просуществовали до 1924 г.

17. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Политика советского государства в отношении юридической интеллигенции (1917–1920 гг). 2013. URL: <https://tinyurl.com/22rbnv2s>.

18. Декрет СНК РСФСР от 01 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики».

и все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества. Пункт 2 Декрета установил, что «разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров — заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов отменяется. Все лица, самостоятельно ведущие преподавание в высших учебных заведениях, носят единое звание профессора»¹⁹, «Те профессора и преподаватели высших учебных заведений, существовавших до 25-го октября 1917 г., которые к 1-му октября 1918 г. закончат в общей сложности 10 лет своей преподавательской деятельности в том высшем учебном заведении, где состоят в звании профессора или преподавателя, или коим к упомянутому сроку исполнится 15 лет учено-учебной службы вообще, как штатной, так и внештатной в высших учебных заведениях, выбывают из состава профессоров или преподавателей соответственного учебного заведения с 1-го января 1919 г. и могут быть вновь избраны на освобожденную ими кафедру лишь по всероссийскому конкурсу»²⁰. В процессе конкурсного отбора значительная часть дореволюционного преподавательского состава была отстранена от работы, и преподавательский корпус был пополнен новыми, главным образом молодыми работниками. Данная политика по замене преподавательского персонала продолжалась в 1920 и 1921 гг.²¹

Весной 1919 г. вместо юридических и историко-филологических факультетов были созданы факультеты общественных наук (ФОНЫ)²², в состав которых входило три отделения — юридико-политическое, экономическое и историческое. На юридико-политическом отделении должны были читаться следующие курсы: история права и государства, эволюция политической и юридической мысли, публичное право советской республики, рабочее право и социальная политика, социальное

19. П. 2 Декрета СНК РСФСР от 01 октября 1918 г.

20. П. 5 Декрета СНК РСФСР от 01 октября 1918 г.

21. Шебанов А. Ф. Юридические высшие заведения в СССР в 1917–1931 гг. URL: <https://tinyurl.com/23uhcfmp>.

22. Положение о факультетах общественных наук Наркомпроса РСФСР от 3 марта 1919 г.

право, криминальная социология и политика, рабочее право и социальная политика, история международных отношений и международное право, социальная гигиена и санитария²³. Уже тогда «юридическое» и «политическое» стали неразрывными.

С 1918 по 1921 г. были ликвидированы практически все юридические учебные заведения. Заместитель народного комиссара просвещения М.Н. Покровский так мотивировал массовое закрытие юридических факультетов: «наука права» давала ту красивую оболочку, под которой пряталось порабощение сотен миллионов десятками тысяч. Эта роль, роль красивого покрывала на неказистой действительности, в последнее время была едва ли не главной ролью науки права. Само собой разумеется, что для социалистической России все подобные «науки» совершенно без надобности»²⁴. Подавляющее большинство юридических факультетов вузов выступало в роли мощной оппозиции большевистской власти, так что вполне ожидаемо прекратили свое существование такие дореволюционные привилегированные образовательные учреждения, как Училище правоведения, Александровский лицей, Николаевский лицей и др. Знаменитые Бестужевские курсы были присоединены к Петроградскому университету; известный Демидовский юридический лицей сменил организационно-правовую форму и был преобразован в Ярославский государственный университет²⁵. В 1921 году в Москве и Петрограде были созданы кузницы новых кадров — институты красной профессуры²⁶, а спустя пару лет на заседании правления Института красной профессуры было решено открыть и правовое отделение в дополнение к уже существовавшим философскому, экономическому и историческому отделениям. В это же время с началом

23. Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 37.

24. Роцин Б. Е. Юридическое образование в Советской России (октябрь 1917 — март 1921 гг): организационно-правовой аспект. С. 4. URL: <https://tinyurl.com/2c7szqxy>.

25. Роцин Б. Е. Указ. соч. С. 4.

26. Декрет СНК об учреждении институтов по подготовке красной профессуры от 11 февраля 1921 г.

периода НЭП, согласно Берману, меняется и дух советского правового регулирования. На смену анархистскому духу первых революционных лет приходит дух временного и нетерпеливого компромисса с «буржуазными» принципами частных прав и надлежащей правовой процедуры. Право рассматривалось как явление, весьма репрессивное по своей природе, и терпели его потому, что замедлилось продвижение социализма²⁷.

Декретом СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов»²⁸ были созданы факультеты общественных наук, которые имели «своей задачей создание кадров научно-подготовленных практических работников социалистического строительства». В состав факультетов общественных наук российских университетов входили экономические, правовые и общественно-педагогические отделения. Постановлением СНК РСФСР от 28 апреля 1925 г. факультет общественных наук МГУ был преобразован в два факультета: этнологический и факультет советского права.

В составе факультета советского права было создано четыре отделения:

1. судебное отделение, готовящее судей, прокуроров, следователей, нотариусов, защитников, администрацию и инспекцию мест заключения, деятелей комиссии по делам несовершеннолетних, руководителей уголовного розыска;
2. хозяйственно-правовое отделение, готовящее юрисконсультов по правовым вопросам хозяйственных наркоматов, хозорганов, профсоюзных, кооперативных и др. специалистов;
3. государственно-административное отделение (в последующем — советского строительства), готовящее работников центральных и местных учреждений Народного комиссариата внутренних дел, Рабоче-крестьянской инспекции, Главного политического управления, органи-

27. Берман Г. Указ. соч. С. 157.

28. См.: <https://istmat.org/node/45945>.

затов-администраторов орготделов и оргчастей ЦИК, областных и окружных исполкомов;

4. международное отделение, готовящее работников НКВД, Наркомторга, работников иностранных отделов Наркоматов²⁹.

Основное внимание при подготовке специалистов на факультете советского права уделялось не теории, а практике, первоначальное настороженно-негативное отношение к теории сохранялось. Одновременно при факультете открылся кабинет по изучению ленинизма и истории Коммунистической партии большевиков. В нём была собрана политическая и просветительно-пропагандистская литература, проводились академические занятия и заседания партийных и комсомольских кружков³⁰. Таким образом, с момента создания факультет советского права был факультетом политическим.

В 1928 году НЭПовский компромисс был отвергнут, и началось время тотального планирования. На смену праву как инструменту доминируемого трудящимися классами государства должен был прийти план как манифестация желаний бесклассового общества. В период первой и второй пятилеток активно поговаривали об отмирании права при социализме, но этого не произошло³¹. Сохраняющееся отношение к праву как временному институту не могло не отразиться на образовательном уровне юристов. Показатели были прискорбны: так, в 1929 г. среди работников Наркомата Юстиции РСФСР высшее юридическое образование имели 5,8%³². Практика показала, что изменения последующих 10 лет дали некоторые, но все еще недостаточные результаты. Материалы переписи 1939 г. свидетельствовали, что из всех работников юстиции высшее юридическое образование имели 2,4 тысячи человек (11,6%), а среднее — 3,6 тысяч (48%). На 1000 судей и прокуроров приходилось

29. Шебанов А. Ф. Указ. соч. С. 37.

30. Подробнее см.: <http://letopis.msu.ru/content/es-fakultet-sovetskogo-prava>.

31. Берман Г. Указ. соч. С. 158.

32. См.: Кадры работников юстиции Советская юстиция. 1932. № 3. С. 41.

только 117 человек с высшим образованием — это был один из самых низких показателей из всех категорий служащих³³. Таким образом, преподавание права в 1920 гг. имело ограниченный характер, основывалось на большевистской идеологии, было сильно политизировано, при этом надлежащая методология преподавания права отсутствовала³⁴. В 1927 г. великий юрист Иван Перетерский³⁵, преподававший право до и после революции, отмечал, что доступные методы преподавания советского права были недостаточны, в то время как надлежащее преподавание советского права имело величайшую важность.

Позже, однако, курс был изменен. Печально известный Андрей Вышинский с 1930 года писал о важности права как средства защиты того, что он считал новым социалистическим государством³⁶. Уильям Померанц цитирует заявление Вышинского о том, что право не только не исчезнет, но и послужит основой социализма³⁷. В начале 1930-х годов идея о том, что право, семья и государство неизбежно отомрут, исчезла из внутривнутриполитической повестки дня. Наряду с «социалистической государственностью» и семьёй, «социалистическая законность» стала частью «новой Святой Троицы партийной идеологии»³⁸. Изменение отношения к праву стимулировало потребность в хорошо образованных юристах³⁹. Это была непростая задача. В течение почти двух десятилетий советские

33. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Указ. соч. С. 9–10.

34. Lukina A., Mishina E. Teaching Soviet law in the 21st century // The Soviet and Post-Soviet Review 51 (2024). P. 322–358. ISSN 1075-1262. eISSN 1876-3324.

35. Перетерский И. О Методике Преподавания Правовых Дисциплин в Университете', Вестник Университета им. Кутафина, №. 12 (28) (2016): 246–259. DOI: 10.17803/2311-5998.2016.28.12.246-259. URL: <https://tinyurl.com/2colgu4h>.

36. Solomon Peter H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 157.

37. Pomeranz. Law and the Russian State, 86.

38. См.: Goldman, Wendy Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

39. Lukina, Mishina. Op. cit.

политики воспринимали низкий образовательный уровень своих юристов как должное и почти ничего не предпринимали, чтобы это изменить⁴⁰.

Низкий образовательный уровень работников юстиции объяснялся тем, что для вооружения их необходимыми юридическими знаниями требовалось время, к тому же в первую очередь тогда решалась задача отстоять государство диктатуры пролетариата. Поэтому в отношении работников юстиции главными критериями были не квалификационные качества, а социально-идеологические признаки⁴¹. Как подчеркивалось в феврале 1932 г. на 6-ом совещании руководящих работников органов юстиции, «система правового образования должна и впредь ориентировать работу своих звеньев на подготовку «воинствующих юристов», которые способны «беззаветно бороться за генеральную линию партии»⁴². В начале 1930-х все более очевидно становилось, что речь об «отмирании права» более уже не идет, советское государство осознало его необходимость. И если в период классовой борьбы и диктатуры пролетариата требовались не юристы, а коммунисты, а право являлось выражением интересов победившего класса и его вождей, в середине 1930-х ветер изменился.

В 1930-е годы возрастание роли государства требует теоретического обоснования; соответственно, возникает острая потребность в формировании новой советской теории права. 16 июля 1938 г. состоялось первое Всесоюзное совещание по вопросам науки советского права и государства, где остро критиковалась деятельность юридических научных учреждений во второй половине 20-х — начале 30-х гг. В выступлении директора Института права АН СССР и одновременно Генерального прокурора А. Я. Вышинского отмечалось, что «проповедь вредительских „теорий“ отмирания права и государства, „выветривания“ права, советского права, как „права без

40. *Solomon. Soviet Criminal Justice under Stalin*, 35.

41. Олейник И. И., Олейник О. Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в Советской России. 2005. С. 9–10. URL: <https://tinyurl.com/27odpg43>.

42. См.: Советская юстиция. 1932. № 6–7. С. 36.

справедливости“, как буржуазного права, весь этот бред не мог не ударить самым чувствительным образом и по практической работе органов юстиции в целом»⁴³. На этом же Совещании было заявлено о существовании социалистического права и одобрено общее определение права, до той поры отсутствовавшее в советской юридической теории: «Право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁴⁴.

В 1930-е годы первые представители «капиталистических стран» получили возможность своими глазами взглянуть на систему советского юридического образования. Вскоре после того, как СССР и США установили дипломатические отношения в 1933 г., в Москву приехал только что закончивший школу права Гарвардского университета Джон Хазард, первый американец, изучавший в СССР советское право сначала в Московском Юридическом Институте, а затем в Институте Государства и Права.

Дж. Хазард отмечал, что любой американский юрист, воспринимающий школы права⁴⁵ как частные институции, будет весьма удивлен полностью централизованной системой, лежащей в основе советского юридического образования⁴⁶. Он подчёркивал, что в основе юридического образования лежит государственный контроль: ни один советский юрист не вос-

43. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад А. Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I Совещании по вопросам науки советского государства и права / АН СССР. Ин-т права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.

44. Вышинский А. Я. Указ. соч.

45. Law Schools (школы права) — высшие учебные заведения либо соответствующие факультеты американских университетов, предоставляющие высшее юридическое образование.

46. См.: Hazard, John N. Legal Education in the Soviet Union. 1938 Wis. L. Rev. 562 (1938).

принимал юридическое образование за пределами государственного контроля. Контроль был персонифицирован двумя органами — Народным Комиссариатом Юстиции СССР и Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР⁴⁷. У деканов американских школ права сложилось бы впечатление, что их функции излишне регламентированы, и какая-либо возможность применять личную инициативу отсутствует. Советские деканы не обладали той широтой свободы выбора курсов для программы и определения методов преподавания, которой были наделены американские деканы и профессора школ права. Проблема заключалась также в том, что, как отмечал Хазард, людей с хорошим образованием и подготовкой в советских юридических кругах было крайне мало. Многие представители юридической профессии приобретали опыт, работая на практике, и годами искали возможность улучшить свои познания.

В целях практического ознакомления с правоприменением в зданиях институтов проходили реальные судебные заседания. Ежегодно в течение не менее двух дней занятия приостанавливались на время слушаний в соответствующем городском либо районном суде. Критериями отбора дел были политическая важность и значение правовых проблем, рассматриваемых в деле⁴⁸. После оглашения приговора судья либо следователь нередко приходил в институт и обсуждал процесс со студентами. Наиболее уникальной чертой советского юридического образования, по мнению Хазарда, являлась связь с практикой, использовавшаяся для подготовки студентов к решению задач, которые неизбежно встанут перед ними после завершения обучения. Еще одна примечательная черта — студенты могли не только спорить с профессорами, но и указывать на огрехи в преподавании (недостаточная подготовленность профессора к занятию, неупоминание важных практических примеров, нарушение принципов марксизма). Об этом гораздо позже писал и профессор университета Джорджа Вашингтона Дэвид Лемперт, отмечавший, что в отличие от стереотипов раннего совет-

47. Op. cit. P. 563.

48. Op. cit. P. 573.

ского периода, в 1930-х годах взаимоотношения преподавателей и студентов в классе стали менее формальными, и уровень контакта между преподавателями и студентами был довольно высоким. Он также ссылается на Дж. Хазарда, утверждавшего, что тогда студенты могли позволить себе и критиковать методы преподавания, и предлагать новые⁴⁹. Но не слишком формализованный и высококонтактный способ взаимодействия студентов и преподавателей, тем не менее, не означал, что советские студенты 1930-х годов могли уклоняться от всепроникающего государственного контроля. Хазард отмечает, что студенты, которым государство платило и обучало их, по завершении обучения подлежали государственному распределению. С точки зрения американцев, эта процедура абсолютно нетипична для американских школ права, хотя с ней неплохо знакомы в Аннаполисе и Вест-Пойнте⁵⁰. Завершая сравнение советской системы юридического образования с американской, Хазард в качестве наибольшего различия выделяет всеобщее влияние марксизма, присутствующего в каждом аспекте преподавания права. Марксизм преподавался в формате исторических и теоретических курсов, практически игнорируемых американскими школами права. Работники советского образования считали эти сферы столь важными, что начинающие студенты допускались к изучению основных правовых дисциплин только после изучения основ марксизма⁵¹. В методологии Хазард также отмечает отличия, в первую очередь более насыщенное расписание по сравнению с американскими школами права. Особый акцент делается на практической стороне и реальной деятельности судебных и иных органов; на это отводится весьма значительное время на третьем и четвертом году обучения. В конце обучения советским студентам предстояли устные экзамены, столь значительно отличающиеся от проблемных кейсов в американских письменных тестах. Но наиболее непривычным нововведением,

49. *Lempert, David. Daily Life in a Crumbling Empire. East European Monographs, 1996. P. 519.*

50. В Аннаполисе расположена Военно-морская академия США, в Вест-Пойнте — Военная академия.

51. *Hazard. Op. cit. P. 578.*

по мнению Хазарда, является то, что советских студентов готовят под конкретные должности, на которые их определяют как возможных кандидатов вскоре после поступления⁵² — в отличие от американских студентов, которые должны готовить себя к возможностям, природу которых они не в состоянии предсказать. По мнению Хазарда, студенты перегружены, и огромный объем учебных часов лишает студентов возможности уделять всем предметам равное внимание. Экзамены, с его точки зрения, повысили бы аналитический уровень, если бы применялся американский тип вопросов, содержащий набор фактических обстоятельств для анализа. «Американцы установили, что прямые вопросы, требующие только повторения лекционных материалов и учебников, зарекомендовали себя менее ценными, нежели вопросы, требующие мотивировки и аргументации»⁵³.

Представители следующего поколения советологов (Дональд Барри, Гарольд Берман, Джордж Гинзбургс, Питер Маггс, Уильям Батлер, Роберт Шарлет и др.), наставником которых был Джон Хазард, также уделяли внимание особенностям советского юридического образования и специфике советской юридической профессии. Вот впечатления некоторых авторов, сформированные и опубликованные в 1950 гг., 1960 гг. и более позднее советское время.

Даррелл Хаммер (Колумбийский университет) в своей опубликованной в 1957 году статье пишет⁵⁴, что право с неизбежностью оказывается под воздействием генеральной линии партии, и это незамедлительно отражается на советском юридическом образовании. Кампания по десталинизации привела к пересмотру ряда ключевых принципов советского мышления, и новый акцент на «социалистической законности», характеризующийся снижением мощи политической полиции и усилением контрольных и надзорных органов, в частности прокуратуры, по мнению Хаммера, может стать предвестником

52. Hazard. Op. cit. P. 579.

53. Ibid.

54. *Hammer, Darrell P. Legal Education in the USSR. Soviet Studies. Vol. 9. No 1 (July 1957). P. 20–21.*

грядущих перемен в советской юриспруденции⁵⁵. Наибольшие изменения постсталинского периода произошли в сфере уголовного права, и направление перемен было направлено в сторону предоставления обвиняемым большего объема прав. Теория, согласно которой обвиняемые в совершении государственных преступлений менее заслуживали судебной защиты, была атакована советскими писателями, а ряд принципов, связанных с именем А. Вышинского, уже начали отменяться. На волне «оттепели» Хаммер пишет, что опубликованные после XX съезда КПСС статьи дают основания предполагать, что возникающее уголовное право установит презумпцию невиновности и *nulla poena sine lege* и отменит теорию, согласно которой признание в открытом судебном заседании есть наилучшее доказательство вины обвиняемого⁵⁶. Впечатления других американских юристов, также побывавших в Советском Союзе, были менее радужными. Е. Блайт Стэйсон, декан школы права Мичиганского университета, писал: «За Железным Занавесом юридическая практика жестко регламентирована... В Советском Союзе я находился в определенно чуждой правовой среде и, будучи юристом, привыкшим к утонченностям американской правовой системы, я не ощущал себя особенно комфортно в примитивных дебрях советского права, где суды и юристы есть всего лишь орудия бюрократии»⁵⁷. Сходных взглядов придерживался бывший Президент Американской Ассоциации Юристов Дэвид Максвелл: «В советских республиках юристы лишены малейших рудиментов независимого мышления и действия; они стали орудиями государства, используемыми для различных практических целей»⁵⁸.

Дж. М. Райзи, член коллегии адвокатов округа Колумбия (США), писал, что, как и все иное в Советском Союзе, образование централизованно планируется, и жесткая регламента-

55. Op. cit. P. 20.

56. Ibid.

57. Stason. Law and Administration of Justice in the Soviet Union. 43 J. Am. Jud. Society 150, 154. 1960.

58. Maxwell. A contrast in Viewpoint: Lawyers in the United States and Russia. 43 A. B. A. J. 219. 222. (1957).

ция является естественной чертой советской системы⁵⁹. Все аспекты советского образования основаны на официальной философии советского государства. Райзи цитировал великих Рене Давида и Джона Хазарда, отмечавших, что ни один автор, в какой бы сфере он ни работал, и не подумает о том, чтобы отойти от официальной линии советской философии, ибо подобная ересь опасна⁶⁰. В юридических трудах всех видов (будь то учебники, журнальные статьи или книжные обзоры) и во всех отраслях (теория государства и права, гражданский процесс и т. д.) авторы цитируют слова основоположников официальной философии советского государства настолько часто, насколько возможно, дабы доказать, что они толкуют предмет в соответствии с официальными взглядами марксизма-ленинизма, что реальность соответствует теории, и получить цензорское одобрение властей⁶¹. Райзи приводит цитату из журнала «Большевик»: «марксизм обличает догматизм, талмудизм и формализм, наука же должна развиваться в свете свободы мнений, научной дискуссии, критики и самокритики, что поможет отделить ржавчину и выделить драгоценный металл — сталь» и добавляет, что любое мнение, отличающееся от догмы марксизма-ленинизма, есть ересь, но догматизм при этом осуждается⁶².

Столь разные впечатления все большего числа западных юристов, в 1950-х гг. получивших возможность приезжать в Советский Союз, добавляют красок к внутренней картине. Далеко не все ожидания конца 1950-х гг. сбылись, были и некоторые перемены к лучшему. Г. Берман отмечал, что «восстановление традиционного вокабуляра уголовного права, ограничение доктрины аналогии, тщательный анализ объективной и субъективной стороны преступлений и акцент на жесткой законности — все это есть свидетельства того, что можно назвать Борь-

59. Razi. Op. cit. P. 781.

60. David, Rene & Hazard, John. Le droit sovétique. 1954. P. 85.

61. Razi. Op. cit. P. 782.

62. Razi. Op. cit. P. 783.

бой За Право»⁶³. Дональд Барри (Университет Лихай), Джордж Гинзбургс (Университет Ратгерс) и Питер Маггс (Университет штата Иллинойс) полагали, что многое из числа значительных изменений в советском праве 1960-х и 1970-х гг. «может быть классифицировано как правовая реформа, что в особенности касается впечатляющей кодификации, проведенной во многих отраслях права»⁶⁴.

В сфере юридического образования пересмотр советского уголовного права и процесса возлагал, по мнению Хаммера, дополнительные обязанности на преподавателей, а преподавание осуществлялось в атмосфере ожидаемых перемен, что делало задачу преподавателей еще более сложной. Хаммер отмечает, что советская система высшего образования не предусматривала политологические факультеты и факультеты государственного управления, так что юридические факультеты должны были готовить студентов к гораздо более широкому спектру профессиональной деятельности, нежели школы права в англоязычных странах⁶⁵. Студентов готовили не только к работе в качестве адвокатов либо сотрудников судов, но и к работе в центральных и местных органах власти и структурах государственной экономики, а также в качестве секретарей и инструкторов исполкомов местных Советов⁶⁶.

В опубликованной в 1968 г. статье Доналд Барри и Гаролд Берман подчеркивают существование ярких различий между американскими и советскими юристами и даже используют разные термины (*American lawyers* и *Soviet jurists*)⁶⁷, пояснив, что термин *lawyer* изначально имеет коннотацию с юристом-практиком, хотя и применяется к остальным, включая профес-

63. См.: *Berman Harold J. Soviet Criminal Law and Procedure: the RSFSR Codes. Harvard University Press, 1972.*

64. См.: *Barry, Donald D., Ginsburgs, George and Maggs, Peter B. (ed.) Soviet Law After Stalin. Sijthoff & Noordhoff International Publishers B. V., 1978.*

65. *Hammer, Darrell P. Legal Education in the USSR // Soviet Studies. Vol. 9. No 1 (July 1957). P. 21.*

66. *Op. cit. P. 21.*

67. *Barry, Donald D., Berman, Harold J. The Soviet Legal Profession // Harvard Law Review. Nov. 1968. Vol. 82. No 1 (Nov 1968). P.5.*

соров права, в то время как термин *jurist* изначально обозначает лиц с академической подготовкой. Наиболее бросающееся в глаза несходство Барри и Берман видят в степени независимого воздействия, оказываемого этими профессиями на США и СССР соответственно. Роль американских юристов в политике и бизнесе хорошо известна, в СССР же изучение и практика права не являются путем к успеху в политике и промышленности, и лишь очень немногие юристы занимают руководящие посты в государственных органах либо в экономических структурах. Барри и Берман отмечают, что в 1958–1959 гг. в советских юридических публикациях началась кампания в поддержку создания всесоюзной ассоциации юристов, но, несмотря на то, что все опубликованные мнения были в поддержку создания такой ассоциации, кампания провалилась. Таким образом, советские юристы не имели достаточного влияния для того, чтобы добиться учреждения своей собственной организации⁶⁸, хотя число юристов к концу 1950-х заметно увеличилось по сравнению с 1930 гг. Наряду с увеличением числа юридических факультетов и вузов росло число выпускников (от 2000 в 1947 г. до 8100 в 1955). К концу 1950 гг. количество советских юристов выросло столь заметно, что Хрущев заявил о наличии «перепроизводства юристов»⁶⁹. Мнение Первого секретаря ЦК КПСС было подкреплено резким сокращением приема на дневные отделения юридических факультетов и институтов. В результате в 1963 г. уже выпускалось в два раза меньше юристов по сравнению с 1956 годом⁷⁰.

Профессор Мичиганского университета Уитмор Грей, посетивший Советский Союз в 1959, 1964 и 1970 гг., отмечает, что советские студенты проводят в классе гораздо больше времени, чем американские. У советских студентов более теплые взаимоотношения с преподавателями, нежели у студентов стран Западной Европы, но все же не такие хорошие, как

68. *Op. cit.* P. 6.

69. Правда. 19.11.1957. С. 2.

70. *Barry, Berman. Op. cit.* P. 9–10.

в некоторых американских школах права⁷¹. С его точки зрения, советские юридические вузы не испытали ничего, похожего на «студенческую революцию», с которой столкнулись Штаты. По мнению Грея, активное вовлечение студентов в дела вуза по комсомольской либо по партийной линии успешно предотвращает возможность студенческих волнений⁷². Побеседовав с рядом советских юристов о современном (1970) юридическом образовании, Грей отмечает заметное недовольство практикующих юристов тем, как юридические вузы готовят студентов к практической работе. По их мнению, необходима более интенсивная подготовка по написанию проектов договоров и иных юридических документов, а также использование аналогов американских moot court programs для подготовки студентов к работе в суде. Юристы, сталкивавшиеся с проблемами международного характера, полагали, что требуется создать специализированную программу как минимум для небольшого количества юристов для подготовки к работе в международной сфере, включающую более интенсивное изучение иностранного права, конфликтов правовых норм, иностранной юридической терминологии и перевода⁷³.

Сьюзен Файндер (факультет права, City Polytechnic, Гонконг), как ранее Барри и Берман, полагает, что роль юристов в Советском Союзе значительно отличается от роли юристов в США и других западных странах. И если в Штатах студентов-юристов учат, что их основная роль — служить интересам клиента в рамках закона, советских первокурсников юридических вузов инструктируют, что работа их политическая, а их миссия — служить государству. Структура юридической профессии, работа юристов и даже трудоустройство выпускников юридических вузов отражает эту миссию⁷⁴. Но в отличие от

71. Gray, Whitmore. Legal Education in the Soviet Union and Eastern Europe // International Lawyer. No 5. Vol. 4. 1971. P. 743.

72. Gray. Op. cit. P. 743.

73. Gray. Op. cit. P. 745.

74. Finder, Susan. Legal Education in the Soviet Union. 15 Review of Socialist Law 1989 No 2. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. P. 197–198.

Барри и Бермана, в 1968 году писавших, что право не является путем к успеху в политике, спустя 20 лет Файндер отмечает, что юристы часто уходят в политику, в том числе и на руководящие должности на разных уровнях коммунистической партии⁷⁵. В качестве «непопулярных» юридических профессий она выделяет юрисконсультов, адвокатов, арбитражных судей и нотариусов и отмечает, что в этих профессиях вакансии превосходят число трудоустроенных специалистов, женщин в них больше, чем мужчин. Юрисконсульты часто сталкиваются с административным вмешательством в их работу и давлением со стороны руководства с целью добиться от юрисконсульта желаемого результата. При этом некоторые юрисконсульты помогают коррумпированным менеджерам и работникам обойти закон. Юрисконсульты считаются карьерно бесперспективной профессией, и начинающие юрисконсульты полагают, что были недолжным образом подготовлены к работе⁷⁶.

По мнению Файндер, советские адвокаты наиболее сходны со своими американскими коллегами; при этом, по ее мнению, адвокатура — это вторая непопулярная профессия. Барри и Берман отмечали, что то, что советские адвокаты пережили все трудности и сохранили жизнеспособность, есть наиболее поразительный факт в истории советской юридической профессии с 1917 г.⁷⁷ Уже в начале перестройки Файндер отмечает враждебное отношение сотрудников правоохранительных органов к адвокатам. В глазах общественного мнения адвокаты — это банда проходимцев и крючкотворов, защищающих преступников; данная точка зрения определенно разделяется и советскими студентами-юристами⁷⁸. Тот факт, что лишь половина адвокатов состоит в КПСС, оценивается неоднозначно.

В отличие от юрисконсультов и адвокатов, арбитражные судьи имеют хорошую репутацию в глазах коллег, хотя членов КПСС среди них также около половины. В отличие от сотрудников правоохранительных органов, советских арбитраж-

75. *Finder. P. 198.*

76. *Finder. P. 201.*

77. *Barry, Berman. P. 11.*

78. *Finder. P. 202.*

ных судей масштабная коррупция практически не затронула. Файндер приводит мнение западного коллеги, полагающего, что поскольку далеко не все арбитражные судьи состоят в партии, они не пользуются защитой и не могут безопасно брать крупные взятки⁷⁹. Советское юридическое образование, по мнению Файндера, сильно отличается от американского. Советские абитуриенты должны сдать экзамены по русскому языку и литературе, истории СССР и иностранному языку, а также продемонстрировать политическую зрелость, высокий моральный уровень и иметь рекомендацию от партийных, комсомольских, правоохранительных органов либо местных органов власти. В отличие от американских школ права, где большинство студентов обучаются на дневном отделении, в СССР таких лишь около 30%. Примерно 70% студентов выбирают вечернюю либо заочную форму обучения (при этом практикующими юристами становятся примерно 80% выпускников дневных отделений). Ввиду политической природы юридической профессии идеологические курсы являются ключевой частью юридического образования. Большинство курсов обязательны, факультативов очень мало. Преподавательская методология также значительно отличается от американской; в основном используются лекции. Причиной столь активного использования лекций стали не только активно используемые европейские образовательные методы, оказавшие значительное влияние на советское образование, но и проблемы сугубо практические⁸⁰. Проблема нехватки учебников и законодательных актов существовала в масштабе всей страны, и в 1983 году на заседании главного совета по юридическим наукам Минвуза РСФСР нехватка учебников была признана крупнейшей проблемой советского юридического образования⁸¹.

Американскому наблюдателю советские проблемно-ориентированные лекции представляются эквивалентом

79. *Finder*. P. 203.

80. *Finder*. P. 209.

81. Заседание главного совета по юридическим наукам Минвуза РСФСР // Правоведение. 1983. № 2. С. 120. (Ссылка в англоязычной статье дает написание «Golovnogogo soveta». — *Е.М.*)

метода анализа конкретных ситуаций (case method) и метода Сократа. Советские преподаватели юридических наук считаются учеными, они должны иметь академические достижения, при этом имеют минимальный либо нулевой практический опыт. Чуть более половины имеют степень кандидата юридических наук, и лишь немногие преподаватели имеют докторскую степень.

Рассуждая в середине 1990-х гг. о советском юридическом образовании 1930-х гг., Дэвид Лемперт отмечает, что дореволюционный куррикулум в юридических вузах претерпел радикальные изменения в послереволюционный период. Уже в 1919 году куррикулум не предусматривал обучение праву как таковому — видимо, потому что «законы свергнутых правительств» уже были полностью запрещены, а новых советских законов еще было очень мало, да и кодифицировать пока было особо нечего. Послереволюционный куррикулум сосредотачивался на общественных науках, в том числе социологии и психологии, и постепенно был заменен интеллектуальной, позитивистской, сосредоточенной на общественных науках программой, мало уделяющей внимания формальному праву. В начале 1930-х гг. формальные курсы по праву вернулись, а курсы по коммунизму и коммунистической партии заняли место религиозной философии⁸². Рассуждая о методологических особенностях, Лемперт отмечает, что преподавание именовалось именно «чтением лекций» (не очень почтительные студенты использовали выражение «читать по бумажке») и цитирует профессора Уильяма Бернама, осенью 1991 г. читавшего лекции в Москве⁸³: «заметки профессоров становились заметками студентов, не затрагивая при этом умы ни тех, ни других»⁸⁴. Лемперт выделяет пять стандартных методов проведения семинаров: опрос студентов в классе, устные презентации студентов, применение правовых норм к конкретной фактической ситуации (метод, сходный с case method, активно используемый в американских школах

82. *Lempert. Op. cit.* P. 547, 552.

83. Подробнее см.: <https://fulbrightscholars.org/grantee/william-burnham>.

84. *Lempert. Op. cit.* P. 718.

права), открытая дискуссия и исследовательские семинары. Крайне редко преподаватели представляли реальные документы из уголовных дел и разъясняли их значение⁸⁵. Он отмечает, что за всю его преподавательскую практику в России студенты ни разу не лидировали в семинарских дискуссиях: такие активно применяемые в западном образовании методы, как метод Сократа и игры, не использовались⁸⁶. Навыки критического мышления, по его мнению, у студентов отсутствовали, соответственно, и не было попыток использовать такие навыки на семинарских занятиях⁸⁷.

Анализируя курсы, входившие в kurikulum в поздний советский период, Лемперт делит их на пять групп — курсы по разным сферам советского права (30), курсы по общественным наукам, иногда комбинированным с правом (правовая психология, политэкономия, философия — почти четверть куррикулума (12)), исторические курсы (например, история КПСС — 5), теоретические либо идеологические курсы (научный коммунизм — 5), два языковых курса — иностранный язык по выбору (обычно английский, французский, немецкий либо испанский) и латынь. По его мнению, наименования курсов порой не отражали их содержание, и, за исключением некоторых, где преподаватели попросту диктовали фрагменты законодательных актов, многие курсы являлись смесью исторического и идеологического компонентов. В 1990 г. многие старые идеологические курсы находились в процессе переименования, но преподавали их те же самые люди, в той же самой форме, и содержание было то же самое⁸⁸. Результаты переименования выглядели следующим образом:

Старое название	Новое название
История КПСС	Социальные и политические вопросы 20 века
Научный коммунизм	Социальные науки
Диалектический материализм	Политическая экономия

85. Op. cit. P. 720.

86. Op. cit. P. 721.

87. Op. cit. P. 725.

88. Op. cit. P. 728.

Формат статьи не позволяет проанализировать большее число трудов, написанных западными коллегами, и в этом данная работа сходна с афоризмом великого М. М. Жванецкого: «Ремонт невозможно закончить, его можно только прекратить». Особенно важным представляется ознакомить читателя с впечатлениями западных юристов-первопроходцев, начавших изучать советское право и ездить в Советский Союз в период Холодной войны вслед за великим Джоном Хазардом, положившим начало этому пути еще в 1930 гг. Впечатления, которыми они щедро делятся с нами в своих трудах, позволяют нам получить более масштабное видение эволюции советского юридического образования.

Вместо послесловия

Эта статья непохожа на то, что я обычно пишу. Вопросами юридического образования в СССР я не занималась, о преподавании советского права впервые написала примерно год назад, работы знаменитых советологов давно и с интересом читала, но вот писать о них как-то не приходило в голову. И только когда мы решили сделать специальный выпуск нашего журнала «Палладиум» памяти моего отца А. А. Мишина, в голове завертелась машинка времени, и вылетевшие осколки воспоминаний сложились в картинку, где хорошо известные имена совместились с лицами. Вот Гаролд Берман, он пару раз заходил к нам домой, чаще к Барабашевым, в 1980-е к нему в Университет Эмори должен был отправиться на стажировку мой старший брат, но не сложилось. Вот Дональд Барри, ставший близким другом семьи и остававшийся им до своей смерти в 2018 году, который подарил нам бессмертную фразу «Когда я впервые увидел Августа, бородатого, в ковбойке, очках и с трубкой, столь непохожего на других советских профессоров, я просто не мог его не полюбить». Вот Джордж Гинзбургс, требовавший, чтобы его все называли Гришей, и говоривший по-русски без намека на акцент, очень радовавшийся, когда Мишин сообщал ему, что

89. Op. cit. P. 729.

советолог не должен быть до такой степени похож на Карла Маркса. Вот Питер Джувиер, профессор университета Барнард, он занимался правами человека и в 1970-е — 1980-е был, пожалуй, наиболее частым гостем и у нас, и у Барабашевых. А осенью 1990 года, когда произошло немыслимое, и профессор Мишин и я одновременно оказались в Нью-Йорке, Джувиер пригласил нас на ужин к себе домой, где представил нас великому Джону Хазарду. В ноябре 2023 года на проходившем в Вашингтоне мероприятии, посвященном 30-летней годовщине Конституции России, я решила представиться знаменитому профессору Питеру Маггсу, чей классический учебник «Law and Legal System of the Russian Federation», написанный Маггсом, Биллом Бернамом и Геннадием Даниленко, я активно использовала в работе уже много лет. Я отрекомендовалась, Маггс хитро улыбнулся и сказал, что, как ни странно, память у него получше, чем у меня, поскольку, когда мы с ним познакомились, мне было лет 12, и он этот факт помнит, а я нет.

После всех этих встреч — сначала с удивительно интересными людьми, а затем и их трудами, мне показалось, что будет правильно рассказать о том, что они думали о советском юридическом образовании и юридической профессии в СССР.

DOI: 10.55167/448d4a0a52fe

Преподавание советского права в XXI веке

Анна Лукина, Екатерина Мишина

Лондонская школа экономики / Кембриджский университет; Свободный Университет (Brīvā Universitāte)

Статья впервые была опубликована в журнале «The Soviet and Post-Soviet Review»: *Lukina A., Mishina E.* Teaching Soviet Law in the 21st Century // The Soviet and Post-Soviet Review. 51(3), 322-358. URL: <https://doi.org/10.30965/18763324-05103003>.

Аннотация. Данная статья, обращаясь к необходимости изучения взаимосвязи между правом и политикой, ставит своей целью изучить возможность — и необходимость — преподавания советского права, где эти взаимовыгодные отношения приняли особенно ощутимую форму. Во-первых, она анализирует, как советское право преподавалось как в советском государстве, так и за рубежом в соответствующий исторический период, определяя основные проблемы, связанные, соответственно, с отсутствием академической свободы и сложностью погружения в политический контекст. Во-вторых, статья аргументирует необходимость возрождения этой практики в наши дни, поскольку советское право может многое рассказать о советской истории, праве в целом и его взаимодействии с политикой, а также о современных правовых и политических событиях в России. В-третьих, на основе опыта авторов по разработке и преподаванию курсов по советскому праву статья дает представление о том, как можно преподавать советское право в наши дни.

Благодарности. В первую очередь, мы благодарим Свободный Университет (Brīvā Universitāte) за предоставление платформы для наших курсов, описанных в статье, и наших студентов и коллег, которые продолжают вдохновлять нашу преподавательскую деятельность. Важная часть нашего исследования основана на интервью с преподавателями советского права и студентами, изучавшими советское право как в Советском Союзе / пост-советских странах, так и на Западе, и мы благодарим наших респондентов за их время. Мы также признательны аудитории 55-й Ежегодной Конвенции ASEES (Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies) (2023), где мы представили результаты нашей работы на круглом столе. Кроме того, мы безгранично благодарны Профессору Кэтрин Хендли за её ценные замечания. Все ошибки являются нашими собственными.

I. Введение

Отношения между правом и политикой сложны. Несмотря на то, что многие воспринимают как противоположные концепции, поскольку политику часто считают местом драматических разногласий, а право беспристрастным исследованием, эти два понятия тесно связаны. Право часто играет роль инструмента, с помощью которого политические амбиции законодателей и других государственных акторов трансформируются в более конкретные права и обязанности их субъектов. Это касается и опыта авторитарных и тоталитарных режимов, которые, в отличие от демократий, не заинтересованы в разделении политики и права. История Советского Союза — один из самых ярких примеров. Октябрьская революция 1917 года положила начало не только новому советскому государству, но и новой системе права. Основываясь на континентальной правовой системе, она сохранила некоторые её черты, такие как преобладание статутного права и отсутствие прецедента, но отличалась тем, что была основана на социалистической экономике, служила коммунистической идеологии и соединяла юридическое и политическое, сделав Коммунистическую партию Советского Союза своим самым влиятельным органом. С этого момента советское право стало предметом интереса не только в этом новом государстве, но и за его пределами. Как и в Советском Союзе, так и на Западе советское право не только исследовалось, но и преподавалось будущим поколениям учёных, юристов и госслужащих.

Несмотря на это, изучение советского права потеряло свою актуальность в 1990-х. После распада Советского Союза и последующих изменений в экономике, политической структуре и идеологии советское право было постепенно заменено новым законодательством постсоветских государств, включая современную Россию. Однако, как будет рассмотрено в данной статье, не стоит изгонять советское право из аудитории с такой готовностью, ибо для сохранения советского права в учебном плане есть причины как теоретического, так и практического значения. Это не значит, что мы должны быть связаны устарелыми методами преподавания советского права. Новые времена требуют новых

подходов к преподаванию советского права, которые не только переформулируют правовые нормы, но и проблематизируют и контекстуализируют их на фоне 21-го века.

Данная статья структурирована следующим образом. Во-первых (в ч. 2), она даст короткую историческую справку об изучении советского права в Советском Союзе и на Западе (в основном США), подчёркивая политические и педагогические вызовы, с которыми сталкивались преподаватели советского права. Эта часть будет основываться не только на доступной вторичной литературе, но и на более чем 20 неструктурированных интервью со студентами и преподавателями как в Советском Союзе, так и на Западе, чьи инициалы указаны в скобках в тексте. Хотя число респондентов (19 студентов и 10 профессоров, из которых 11 студентов и 3 профессора учились или преподавали в Советском Союзе, а 8 студентов и 7 профессоров — на Западе) слишком мало, чтобы делать окончательные выводы, оно значительно, чтобы составить представление о том, что представляло собой изучение и преподавание советского права в то время. Во-вторых (в ч. 3), в данной статье будут приведены причины необходимости возрождения преподавания советского права в наши дни. В-третьих (в ч. 4), здесь будут представлены некоторые предложения о том, как это можно сделать, основанные на опыте авторов в разработке и проведении курсов по советскому праву, расширенные версии учебных планов которых представлены в Приложениях 1 и 2.

2. История преподавания советского права

2.1. Советский Союз

Каким было юридическое образование в Советском Союзе? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к истокам советского права и государства. Необходимость обеспечения надлежащего преподавания курсов по новому советскому праву, вызванная радикальными изменениями политического строя, была провозглашена представителями нового режима вскоре после большевистской революции 1917 года. В соответствии с решением Пятого (V) Всероссийского съезда Советов

(1918) в учебные планы всех национальных учебных заведений Советской России были включены курсы, посвященные изучению Конституции РСФСР 1918 года, ее разъяснению и толкованию.

Курс «История советского государства и права» читался даже на так называемых «рабфаках»¹. Юридическая подготовка была сосредоточена главным образом на изучении основ конституционного права (которое при советской власти называлось «государственным правом») — как правило, в ущерб другим областям права. В первые годы советской власти на преподавание права повлияло общее отношение к праву как к временному явлению, относящемуся к периоду диктатуры пролетариата². После победы коммунизма право, согласно господствовавшей в то время идеологии, должно было неизбежно «отмереть»³ вместе с государством, семьей и т.д. Таким образом, преподавание права в 1920-е годы носило ограниченный характер, основывалось на большевистской идеологии и было сильно политизировано, а надлежащая методология преподавания права отсутствовала. Как отмечал в 1927 году известный советский ученый-правовед Иван Перетерский, преподававший юриспруденцию как до, так и после большевистской революции, доступные методы преподавания советского права были недостаточными, в то время как надлежащее

1. Рабочими факультетами (рабфаками) называли учреждения советского народного образования, готовившие рабочих и крестьян к поступлению в ВУЗы. Рабфаки были созданы в соответствии с Декретом Совнаркома РСФСР от 17 сентября 1920 г.

2. Эта линия мысли была явной отсылкой к Марксу, который определял диктатуру пролетариата как период трансформации капитализма в коммунизм; далее она была исследована Лениным как господство пролетариата над буржуазией: *Ленин В.* Государство и революция // ПСС. Т. XXV. 1974ю С. 397; *Маркс К.* Критика Готской Программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. XXIV. 1989. С. 95. О развитии идеи диктатуры пролетариата см.: *Lukina A.* Between Exception and Normality: Schmittian Dictatorship and the Soviet Legal Order // *Ratio Juris*. 35. N 2 (2022): 139–157, URL: <https://doi.org/10.1111/raju.12355>.

3. Впервые эта идея была представлена Энгельсом в его работе «Анти-Дюринг» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. XXV. 1987. С. 268).

преподавание советского права было жизненно важным⁴. Это было время, когда уже начался процесс переосмысления роли права в советском государстве. Первоначально большевики с гордостью заявляли о своем разрыве с российской правовой традицией, однако, когда В. Ленин и И. Сталин столкнулись с проблемой управления страной, они были вынуждены задуматься о том, какую роль должно играть право в том, что они считали недавно созданным социалистическим обществом⁵. К 1930-м годам стало ясно, что ранние революционные идеи о неизбежном отмирании права, государства, семьи и других базовых институтов были нереалистичными. Но, как обсуждалось выше, государство сохранило уголовное законодательство по соображениям целесообразности.

Позже, однако, курс был изменен. Андрей Вышинский, занимавший пост Генерального Прокурора СССР с 1935 по 1939 гг., с 1930 года писал о важности права как средства защиты того, что он считал новым социалистическим государством⁶. Померанц цитирует утверждение Вышинского о том, что право не только не исчезнет, но и послужит основой социализма⁷. В начале 1930-х годов идея о том, что право, семья и государство неизбежно отомрут, исчезла из внутриаполитической повестки дня. Наряду с «социалистической государственностью» и семьей, «социалистическая законность» стала частью «новой Святой Троицы партийной идеологии»⁸. Изменение отношения к праву стимулировало потребность в хорошо образованных юристах. Это была непростая задача. В течение почти двух десятилетий советские политики воспринимали

4. *Перетерский И.* О методике преподавания правовых дисциплин в университете // Вестник Университета им. Кутафина. 2016. № 12 (28). С. 246–259. DOI: 10.17803/2311-5998.2016.28.12.246-259.

5. *Pomeranz, William.* Law and the Russian State: Russia's Legal Evolution from Peter the Great to Vladimir Putin. L.: Bloomsbury, 2018. P. 73.

6. *Solomon, Peter H.* Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 157.

7. *Pomeranz, William.* Op. cit. P. 86.

8. См.: *Goldman, Wendy Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

низкий образовательный уровень своих юристов как должное и почти ничего не предпринимали, чтобы это изменить⁹. В 1920-1930-е годы высшее юридическое образование находилось в упадке. В 1920-е годы выпуск юристов в РСФСР составлял в среднем всего 500 человек в год. В 1930-х годах эта цифра снизилась до 3 с половиной сотен человек, а в 1933 году выпускниками стали всего 180 юристов¹⁰. В конце 1930-х годов началась политизация юридического образования¹¹. В 1938 году Вышинский выступил с резкой критикой «вредительских» теорий отмирания государства и права и дал доктринальное определение права, в том числе советского, как «совокупности правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу»¹². Говоря о советском юридическом образовании в 1930-е годы, Джон Хазард отмечает, что оно было полностью централизованным, и указывает, что до 1936 года каждый юридический институт был разделен на два факультета, именовавшиеся судебно-прокурорский факультет и гражданско-правовой факультет¹³. Количество высших юридических учебных заведений было явно недостаточным. В 1946 году в Советском Союзе было 9 юридических факультетов, юридический факультет института торговли, Военно-юридическая

9. *Pomeranz, William*. Op. cit. P. 35.

10. Ibid.

11. *Lempert, David H.* Daily Life in a Crumbling Empire — The Absorption of Russia into the World Economy. Boulder: Columbia University Press, 1996. P. 522.

12. *Вышинский А. Я.* Основные задачи науки советского социалистического права: Доклад А. Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I Совещании по вопросам науки советского государства и права / Акад. наук СССР. Ин-т права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.

13. *Hazard, John N.* Legal Education in the Soviet Union // *Wisconsin Law Review*. 1938. P. 571.

академия и 9 юридических факультетов в университетах Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Еревана, Киева, Львова, Баку, Риги, Тарту и Вильнюса.

После Второй мировой войны было принято Постановление Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков от 05 октября 1946 года, которое определило цели дальнейшего развития советской системы юридического образования. Новые учебные планы юридических вузов, утвержденные Министерством высшего образования СССР, включали диалектический и исторический материализм, историю иностранных дел, экономику и политику зарубежных стран¹⁴. Постепенно учебные планы высших юридических учебных заведений были дополнены несколькими новыми курсами, которые обеспечили дальнейшую популяризацию советского юридического образования: «История Коммунистической партии Советского Союза», «Марксистско-ленинская философия», «Политическая экономия капитализма и социализма», «Марксистско-ленинская и профессиональная этика». Преподавание нового курса «Научный атеизм» началось в 1959–1960 годах — сначала как факультативного, а в начале 1970-х годов ставшего обязательным¹⁵. Иван Шебанов предлагает следующую классификацию обязательных курсов в учебных планах советских юридических вузов в начале 1960-х годов. Первая категория — это методологические и исторические науки, включающие такие курсы, как «Марксистско-ленинская теория государства и права», «История государства и права СССР» и другие. Вторая (специальные юридические науки) включала в себя «Советское государственное право», «Советское колхозное право», «Советское уголовное право» и др. Шебанов отмечает, что при преподавании этого курса преподаватели должны были про-

14. *Шебанов, А.* Развитие юридических высших учебных заведений после Великой Отечественной войны // Юридические высшие учебные заведения. М.: Высшая школа, 1963. URL: <https://tinyurl.com/26u5cfss>.

15. *Смирнов, Михаил.* Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание // Вестник Ленинградского государственного университета. 2018. № 3 (I). С. 153–155. URL: <https://tinyurl.com/28f9fscu>.

демонстрировать фундаментальные различия между этими областями советского права и соответствующими областями права буржуазных стран. Третья категория — это курсы по государству и праву зарубежных стран и регулированию международных отношений, такие как «Государственное право социалистических стран», «Государственное право буржуазных стран» и «Международное право». Наконец, в-четвёртых, существовали курсы, необходимые для отправления правосудия и надлежащего применения законов государственными органами и должностными лицами, например, «Криминалистика» и «Советская правовая статистика и бухгалтерский учет». Важно отметить, что учебные планы были практически идентичны, а единая учебная программа юридической школы предполагала единообразие преподавания и источников информации¹⁶.

Некоторые курсы, которые были обязательны только для тех, кто специализировался в определенных областях права (например, уголовное право), также были сильно политизированы и охватывали такие темы, как «Выполнение решений XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза в борьбе с экономической преступностью», «Современные проблемы отправления правосудия» и «Реакционный характер буржуазного уголовного процесса»¹⁷. Курсы, включавшие информацию об иностранных государствах, не входящих в Варшавский договор («Международное частное право», «Государственное право буржуазных и развивающихся стран», «Гражданское и торговое право капиталистических стран»), должны были представлять критический взгляд на капиталистические страны. Сравнивая учебные планы юридических вузов 1980-х годов с учебными планами начала 1960-х и 1937–1938¹⁸ годов, можно легко увидеть, что перечень курсов не пре-

16. *Шебанов, А.* Развитие юридических высших учебных заведений после Великой Отечественной войны.

17. Учебный план юридического факультета Московского государственного университета 1982–1987.

18. *Hazard, John N.* Legal Education in the Soviet Union // *Wisconsin Law Review*. 1938. P. 570–571.

терпел принципиальных изменений. Военная подготовка, которая была обязательной для мужчин, а в некоторых местах и для женщин, была включена в учебные планы советских высших учебных заведений с 1926 года¹⁹.

Как отметили несколько респондентов, участвовавших в опросах, общие принципы и задачи юридического образования в то время включали в себя формирование, в частности, уважения к советскому государству, праву и социалистической законности; желание и навыки активно защищать интересы государства, общества и отдельных лиц; а также навыки противостоять неправильным взглядам на государство и право, а также развенчивать подобные взгляды. От преподавателей, которые вели эти политически чувствительные курсы, требовалось последовательно демонстрировать преимущества советской власти и критиковать «капиталистические» институты и практику. Например, на часто задаваемый вопрос о том, почему избирательная система, при которой в каждом избирательном округе баллотируются два или более кандидата, хуже советской, при которой в каждом избирательном округе баллотируется только один кандидат, обычно давались следующие ответы: «Советскому Союзу не нужна многопартийная система — у советских людей есть одни и те же цели, выражаемые одной политической партией» (ОК), или «выборы, где в каждом избирательном округе баллотируется один кандидат, представляют собой одно из самых впечатляющих достижений социализма» (ГМ). Результатом невыполнения этого требования могло стать наказание, налагаемое парткомом (комитетом коммунистической партии юридического факультета или университета) или, в худшем случае, могло серьезно повредить карьере такого преподавателя²⁰. Преподавание советского пра-

19. Постановление ЦИК и Совнаркома СССР 1926 г.

20. В 1969 году, выступая на конференции в Казанском университете, профессор Август Мишин (юридический факультет Московского Государственного Университета) отметил, что «буржуазная» избирательная система, при которой в одном избирательном округе баллотируются два и более кандидата, по сути, не так уж и плоха. Один из участников конференции направил докладную записку о произошедшем в ЦК КПСС, который перенаправил докладную рек-

ва было менее рискованным, чем курсы, включающие в себя какой-либо «иностраный элемент», и некоторые преподаватели допускали и даже поощряли дискуссии в классе, при условии, что они не включали открытую критику советской системы. Отвечая на наши вопросы, большинство респондентов отметили роль преподавателей, поскольку среди них были профессора, которые могли рассказывать о скучных вещах в действительно интересной манере. Один респондент упомянул профессора, который предложил студентам задуматься о том, почему многие нормативно-правовые акты были инициированы в Центральном комитете Коммунистической партии (ОК). Это было крайне необычно для советских времен: полномочия КПСС и ее высшего органа не подлежали сомнению. Другой респондент отметил, что один профессор отличался от других преподавателей, поскольку он инициировал дискуссии и объяснял недостатки существующей системы власти (ОС).

Обычно преподаватели были сдержанны на занятиях и скрывали свои чувства и взгляды; их комментарии (если таковые и были) обычно касались устаревших нормативных правовых актов и почти никогда — конкретных исторических событий (ЕА). Тем не менее, в частных беседах со студентами они могли быть открытыми (СК). Один из респондентов упоминал негативные и стрессовые аспекты преподавания советского права, такие как формирование псевдоправовых институтов и процедур, которые обеспечивали советскую, социалистическую природу права и находились под сильным влиянием политики Коммунистической партии; чрезмерная регламентация общественных отношений, характеризующаяся проникновением государства в неподконтрольные ему сферы; жесткая регламентация юридического образования, проявляющаяся в единообразии учебных планов, источников, форм и методов преподавания, необходимости согласовывать каждую мелочь с руководством преподавателя, чрезмерной подот-

тору МГУ. Мишин был инвалидом Великой Отечественной войны, орденоносцем и кавалером ордена Славы, поэтому его не уволили и ограничились выговором по линии парткома МГУ. Помимо того, ему было запрещено выезжать за границу в течение 10 лет как лицу «неблагонадежному».

четности, а также почти тотальным отсутствием возможности выражать индивидуальную точку зрения и предлагать новые курсы; а также огромный разрыв между теорией и практикой, знаниями, полученными в университете, и последующим профессиональным поведением (ЕА).

Очевидно, что, поскольку право было необходимо для создания и поддержания нового политического порядка, юридическое образование в советском государстве преследовало ту же цель. Преподавание права стало совершенно очевидно идеологической задачей, имеющей академическое и профессиональное значение. Это повлияло на то, чему учили и как это преподавалось.

2.2. Запад

Настало время обратиться к тому, как советское право преподавалось на Западе, прежде всего в Соединённых Штатах Америки, которые стали основным центром советологии²¹. Как пишет Сагатьене, «до Второй мировой войны очень немногие западные ученые интересовались советским правом, и большинство из них находились в Европе²²». Она приводит следующие причины этого: общее скептическое отношение к зарождающемуся антикапиталистическому государству, ограниченный доступ к первичным материалам, сводки о политических репрессиях, языковой барьер, а также изменчивость и неопределенность роли права, признаваемая самими советскими юристами²³. Несмотря на это, даже в то время появились первые советологи, такие как Джон Хазард. Хазард, основатель науки советского права на Западе, был учёным и практикующим юристом, прошедшим курс обучения в Московском юридическом институте (сейчас — факультет права Московского государственного университета). В 1946 году он основал Российский институт

21. *Sagatiene, Dovile*. Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law // SSRN — Max-Planck Institute for European Legal History Research Paper Series. 2016. DOI: 10.2139/ssrn.3709277.

22. *Op. cit.* P. 5.

23. *Ibid.*

в Колумбийском университете (сейчас Институт Харримана), первый в США институт «региональных исследований», объединивший специалистов по различным аспектам советологии и задавший тон междисциплинарному изучению Советского Союза²⁴. Хазард стал наставником следующего поколения советологов, включая Дональда Барри, Гарольда Бермана, Уильяма Батлера, Джорджа Гинзбургса, Питера Мэггса, Джона Куигли и Роберта Шарлета.

В отличие от советского юридического образования, описанного выше, юридическое образование в США было на уровне магистратуры, нежели бакалавриата. Кроме того, что особенно важно в контексте этой статьи, сравнительное правоведение и зарубежное право было лишь небольшой частью учебного плана в сравнении с предметами, посвященными внутреннему правовому регулированию. Тем не менее, курсы советского права обрели некоторую популярность. Несмотря на то, что многие на Западе хотели бы описать свой поход к изучению права как аполитичный, в отличие от его советских аналогов, политика играла большую роль в интересе к советскому праву. Во-первых, Винтертон описывает растущий интерес к сравнительному правоведению как результат популярности интернационализма, согласно которому «изучение права зарубежных стран является лучшим средством поддержания мира во всём мире»²⁵. Во-вторых, другая причина популярности именно советского права была связана с началом Холодной войны, в контексте которой преподавание этого предмета имело под собой явную идеологическую цель. В 1951 году Хазард писал, проводя параллель с изучением «буржуазного права» в Советском Союзе, что «преподавание сравнительного правоведения в американских школах права может быть использовано для такой же цели — совершенствования американского права

24. *Schachter, Oscar*. John Newbold Hazard (1909–1995) // *American Journal of International Law*. 1995. Vol. 89. № 3. P. 583–586. DOI: 10.1017/S0002930000202418; *Hazard, John N*. *Recollections of a Pioneering Sovietologist*. New York: Oceana Publications, 1987.

25. *Winterton, George*. Comparative Law Teaching // *The American Journal of Comparative Law*. 1975. Vol. 23. № 1. P. 93. DOI: 10.2307/83954.

и убеждения американских студентов-юристов в преимуществе их правовой системы»²⁶. «Таким образом, — говорил Хазард, — изучение сравнительного правоведения может быть инструментом текущей идеологической борьбы»²⁷. Конечно, к этому аргументу можно отнестись с пониманием как к попытке прагматичного обоснования изучения советского права в контексте враждебности к всему советскому, однако он, тем не менее, отражал дух времени.

Преподавание советского права имело свои трудности. Некоторые барьеры, с которыми изначально столкнулись преподаватели советского права, имели практический характер. Во время командировки Хазарда в Москву получить доступ к советским источникам, как юридическим документам, так и работам советских учёных-юристов, даже на русском — и тем более на английском — было практически невозможно. Однако это изменилось после Второй мировой войны. Как сказал один из наших респондентов, «я думаю, что из всех иностранных правовых систем по советскому праву было доступно больше всего англоязычных материалов — своего рода бонус холодной войны для тех из нас, кто преподавал в этой области» (ДХ). Со временем западные исследователи стали разрабатывать собственные учебные материалы, такие как два главных конкурирующих пособия: «The Soviet Legal System: Contemporary Documentation and Historical Commentary»²⁸ под редакцией Джона Хазарда, Исаака Шапиро, Питера Мэггса и Уильяма Батлера (ПМ, УБ, УП, КХ) и «Ideas and Forces in Soviet Legal History: A Reader on the Soviet State and Law» под редакцией Зигурдса Зиле (ПМ, ДТ)²⁹. Дополнение Батлера «Basic Documents on the

26. Hazard, John N. Comparative Law in Legal Education // The University of Chicago Law Review. 1951. Vol. 18. № 2. P. 273.

27. Ibid.

28. Hazard, John N., Shapiro, Isaac, Maggs, Peter B. The Soviet Legal System: Contemporary Documentation and Historical Commentary. Rev. ed. New York: Oceana Publications, 1969.

29. Zile, Zigurds L. (ed.) Ideas and Forces in Soviet Legal History: A Reader on the Soviet State and Law. Oxford University Press, 1992.

Soviet Legal System» (УБ, ДХ)³⁰ включало в себя английский перевод советских законодательных актов. Как заметил один из респондентов, доступ к подзаконным актам, тем не менее, продолжал быть ограничен даже внутри Советского Союза из соображений полнейшей секретности (ПС).

Другие, более глубокие проблемы, стоявшие перед преподавателями советского права на Западе, были связаны с возможностью коммуникации более широкого контекста, в котором развивались первичные советские источники. В этой области образовались два раскола. Во-первых, некоторые из респондентов описывали невнимательность своих профессоров к политическим основам советского права. К примеру, двое из них критиковали подход их профессора, который он сам назвал «документарным подходом к сравнительному праву» (УБ), как излишне направленный на изучение «права в книгах, а не социальных реалий, в которых оно находилось» (КХ). Один из них даже представлял этот подход как контрпример в своих собственных исследованиях, целью которых было «определить место права и рассмотреть, как оно было встроено в общество» (ЮХ), цитируя «телефонное право», при котором суды рассматривали дела в условиях давления государственных чиновников (ЮХ). Другие респонденты также предпочитали альтернативные к этому «легалистскому» способы преподавания советского права — как «право и общество» Роберта Кагана (КХ) и политологический подход Питера Реддавейя (ЮХ), более подходящие к изучению этой правовой системы во всей её полноте. Другой респондент, политолог, описал, как его студенты «не читали законы и кодексы», так как «они не планировали становиться юристами <...> и читать кодексы на любом языке было трудоёмким занятием» (УП). Вместо этого он стремился «дать им представление о праве без изучения кодексов» (УП).

Во-вторых, другой диалог образовался вокруг вопроса о том, как представить советское право в контексте его противоречия с западными представлениями о добре и справедливости. Один из респондентов-преподавателей был пред-

30. *Butler, William*. Basic Documents on the Soviet Legal System. New York: Oceana Publications, 1992.

ставлен своими студентами как демонстрирующий «уважение к социалистическим правовым системам» (ЮХ) и «из всех сил старался быть максимально нейтральным» (КХ). Для одного из них такой подход не был «достаточно критичным и реалистичным» (ЮХ). Однако этот же профессор защитил свой преподавательский подход в следующем высказывании, которое стоит процитировать полностью:

Нет особого смысла читать курс сравнительного правоведения, который представляет собой лишь критику иностранных правовых систем. Какой в этом смысл? Настоящий смысл в том, чтобы научиться чему-то на чужом опыте. Это может быть хороший опыт, а может быть и плохой. Но если вы не желаете концентрироваться только на негативной стороне вещей, я не думаю, что это действительно стоит чьего-либо времени (ВБ).

Таким образом, несмотря на то, что преподаватели советского права на Западе не были ограничены в своих академических свободах в такой же мере, как их советские коллеги, это не означало, что политика была вне их поля зрения. Тем не менее, их главная задача заключалась не в том, чтобы играть по определённому политическому сценарию, а по-настоящему осмыслить пересечение политики и права в этом контексте. Таким образом, языковой барьер, культурные различия и отсутствие доступа к советским источникам заставляли западных ученых более творчески подходить к разработке и преподаванию курсов по советскому праву.

3. Зачем изучать советское право в 21 веке?

3.1. Понимание советской истории

Изучение и преподавание советского права в наше время может показаться бесполезным. Советское право не существует сейчас и, согласно многим, может представлять интерес только с исторической точки зрения. Более того, распространено мнение, что изучение советского права не может быть полезным даже для историков, так как оно было лишь «витриной» и не имело никакого отношения к тому, как советское государство функционировало на самом деле. Однако это мнение ошибочно по

двум причинам. Во-первых, несмотря на то, что не все советские законы соблюдались на практике, Советский Союз сознательно воспринимал право как часть своего политического проекта и использовал его в своих целях, особенно после «рефетишизации» права в начале 1930-х. Советский Союз, в выражениях Френкеля, был «двойным государством»³¹. Берман³², Шарлет³³ и Смит³⁴ разделяли мнение, что Советский Союз включал в себя две системы права — основанную на законности и следующую политическим интересам. Таким образом, по крайней мере часть советского права функционировала должным образом, что не стоит обесценивать.

Кроме того, даже политическая сфера или сфера исключительных привилегий советского государства была тесно связана с правом, так как, по признанию Бермана, разделение между этими двумя системами «было не таким же чистым»³⁵. Можно привести пример показательных процессов³⁶ — с ранних «демонстрационных процессов» после Октябрьской Революции до московских процессов сталинского периода и делу Рокотова-Файбишенко при Хрущёве — которые использовали суд, чтобы приговорить «врагов народа» не только к смерти, но и к позору в глазах общественности. Кроме того, секретный террор за закрытыми дверями также поддерживался правовыми инструментами. Можно привести пример печально известного оперативного приказа Народного Комиссариата Внутренних

31. Применительно к нацистской Германии Френкель говорит о разделении государства на «нормативное» и «прерогативное»: *Fraenkel, Ernst. The Dual State: A Contribution to the Theory of Dictatorship. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. xiii.*

32. *Berman, Harold J. Soviet Justice and Soviet Tyranny // Columbia Law Review. 1955. Vol. 55. № 6. P. 801. DOI: 10.2307/1119483.*

33. *Sharlet, Robert. Stalinism and Soviet Legal Culture // Stalinism: Essays in Historical Interpretation / ed. Robert C. Tucker. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. P. 155 ff.*

34. *Smith, Gordon B. Socialist Legality and the Soviet Legal System // Soviet Politics: Continuity and Contradiction. London: Macmillan Education UK, 1988. P. 137.*

35. *Berman, Harold J. Soviet Justice and Soviet Tyranny. P. 801.*

36. *Ibid.*

Дел (НКВД) № 00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», который устанавливал задачи для местных органов власти высылке, заключению в тюрьму или убийству таких «элементов» и создавал для их выполнения внесудебные трибуналы, или «тройки».

Во-вторых, даже если советское право действительно было «фальшивым» в смысле, указанном ранее, оно всё равно представляло собой легитимный объект исследования. Понимание того, как работала такая «витрина» и пропаганда в целом — ключ к наиболее полному изучению тоталитарного режима, так как его успех зависит от этих методов, и большая часть жизни в таком государстве ориентирована на них. Таким образом, по словам Бермана,

Советская система опасна не потому, что в ней нет права и справедливости, а скорее потому, что она развивает новый тип права, который, хотя и помогает удовлетворить потребности людей в справедливости в их личных и социальных отношениях, в то же время примиряется с политической и идеологической тиранией³⁷.

Этот «истинный характер» отношений между правом и государством, отмечал Берман, лишь будет «затуманен» «жестоким и лицемерным разоблачением советской системы³⁸». Поэтому этот особый тип права должен изучаться, чтобы наиболее полно представить себе, как советское государство использовало форму права для осуществления, к лучшему или худшему, своих целей.

3.2. Узнавая больше о праве

Изучение советского права, помимо прочего, важно для формирования более детального взгляда на право и его взаимодействие с политикой. Согласно Лоббану, «в той мере, в какой теория стремится дать универсальное объяснение правовых явлений, история ставит задачу проверить, могут ли данные, которые она предоставляет, быть объяснены с помощью моде-

37. Op. cit. P. 807.

38. Ibid.

ли³⁹.» Важность советского права в частности подчёркивается тем, как несмотря на стремление западной правовой теории к всесторонности и универсальности и ее общее признание как успешно соответствующей этим целям, её, по словам Лоббана, «модель», основана на ограниченном числе «данных», полученных от «типичных» экземпляров правовых систем. Советское право расширяет круг этих примеров и тем самым ниспровергает некоторые наши представления о праве в целом.

Во-первых, большинство западных трудов по теории права основаны на двух правовых системах — романо-германской и англо-саксонской. Несмотря на то, что советское право сохранило в себе наследие правовой системы Российской империи⁴⁰, оно всё же может считаться представителем новой социалистической правовой системы. Рене Давид первым описал социалистическое право как отдельную правовую систему⁴¹, уникальную по трем причинам. Во-первых, социалистическое право представляло собой временную (или «революционную»), а не постоянную модель правовых отношений⁴². Во-вторых, в этой правовой системе право «подчинено <...> задаче создания нового экономического порядка»⁴³. В-третьих, в этой правовой системе «частное право утратило свой приоритет — всё право теперь стало публичным»⁴⁴. В результате того, что советское право отличается от других по своей сути, сосредоточение внимания на нем предоставляет уникальную возможность изучить правовую систему, которая отличается

39. *Lobban, Michael*. Legal Theory and Legal History: Prospects for Dialogue // *Law in Theory and History: New Essays on a Neglected Dialogue* / eds. Maksymilian Del Mar and Michael Lobban. Oxford: Hart Publishing, 2016. P. 16.

40. As emphasised in: *David, Rene*. Major Legal Systems in the World Today. London: Stevens & Sons Ltd, 1985. P. 26.

41. Ibid.

42. Ibid. Это также было подчёркнуто Батлером: *Butler, William Elliott*. What Makes Socialist Legal Systems Socialist // *Law of Ukraine: Legal Journal (Ukrainian)*. 2019. P. 139. DOI: 10.33498/louu-2019-03-131.

43. *David, Rene*. Major Legal Systems in the World Today. P. 26.

44. Op. cit. P. 27.

по своей природе, что позволяет нам сверить с ней наши общие юридические предположения.

Во-вторых, западная юриспруденция в основном фокусируется на либеральных демократиях, а не тоталитарных и авторитарных режимах, и советское государство вновь представляет полезные контрафактические предположения, и в этом контексте взаимодействие права и политики приобретает наиболее ощутимые формы. Например, многие философско-правовые дискуссии опираются на предположение о существовании демократически избранной законодательной власти и независимых судов. Однако в случае Советского Союза эти предположения не работали. Во-первых, несмотря на то, что в Советском Союзе сохранялась видимость демократии при избрании Съезда Советов, а затем и Верховного Совета, на практике выборы были одномандатными и однопартийными, и, что более важно, истинный центр власти находился в высших эшелонах Коммунистической партии. Во-вторых, и прокуроры, и суды, и даже адвокаты были как формально, так и практически подчинены интересам советского государства. Авторитаризм советского права в очередной раз позволяет нам пересмотреть наши исходные предположения о том, что стоит на кону в спорах о природе права и политики, в частности, исследовать, как работает право в недемократических условиях.

В-третьих, большинство правовых теорий основывается на модели справедливых правовых законов, а не на несправедливых «законах зла» (*evil law*). Несмотря на то, что не всё советское право было морально неправовым, этот термин можно применить по меньшей мере к некоторым законодательным актам определённых периодов, например, сталинского.

Такое сосредоточение внимания на морально несправедливом законе подчеркивает важную, как в теоретическом, так и в практическом плане, истину о природе права.

Закон — это инструмент, который может служить и добру, и злу, так как даже режимы зла нуждаются в законе, несмо-

тря на то что он сдерживает их в той же мере, в которой не сдерживает беззаконие⁴⁵.

Это не просто важная концептуальная истина, но и то, что может предотвратить чрезмерную переоценку закона и сделать нас более внимательными к рискам, которые он несет. В результате советское право имеет значение для развития нашего понимания права в целом.

3.3. Понимание современных тенденций

Изучение советского права предлагает уникальную точку зрения, позволяющую понять как право, так и политику современной России и других постсоциалистических государств. Как отмечает Сагатиене, «без понимания советского правового прошлого невозможно понять правовую реальность современной России и бывших коммунистических государств, а также предсказать их ближайшее будущее»⁴⁶. Это особенно актуально в свете «ресоветизации», происходящей в некоторых постсоветских государствах. Из-за ограниченности объема статьи это будет продемонстрировано только на примере России.

После распада Советского Союза советское право стало архаичным явлением. Однако основополагающие установки, заложенные в практике, не исчезли навсегда, а «проснулись» в 2000-х годах. Это можно объяснить, по крайней мере, двумя факторами. Один из них заключался в том, что возрождение стало возможным благодаря неспособности российского государства и общества «полностью порвать» с советским наследием. Осознание ужасов советского прошлого было довольно кратким и не породило значительную саморефлексию. Еще более поразительно, что не было предпринято никаких попыток провести люстрацию, что означало, что многие кадры советской эпохи остались на ключевых должностях в правоохранительных и государственных органах. Другая причина,

45. *Lukina, Anna*. The Problem of Evil Law // Research Handbook on the Politics of Constitutional Law / eds. Mark Tushnet and Dimitry Kochenov. Cheltenham: Edward Elgar, 2023. P. 710–728.

46. *Sagatiene, Dovile*. Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law. P. 4.

в силу которой возродились советские юридические практики, заключалась в наличии на то политической воли. Советское право доказало свою эффективность в укреплении и удержании власти. Президент России Владимир Путин, впервые избранный в 2000 году, и его сподвижники сочли, что использование этого наследия особенно ценно для их собственного долголетия.

Первый сигнал о возрождении советского права был подан в 2003 году, когда возбуждение уголовных дел против Михаила Ходорковского и Платона Лебедева возродило такие узнаваемые черты советских времен, как избирательное применение закона, персонификация наказания, обвинительный уклон и открытое игнорирование презумпции невиновности. За этими делами последовал ряд дел, возбужденных против сотрудников ЮКОСа; эти дела открыли ящик Пандоры ресоветизации и ознаменовали второе пришествие наихудших традиций и практик советского права.

В 2010-е годы возродилась «концепция врага» — неотъемлемая часть советской идеологии, которая просочилась в законодательство, поскольку существование внутренних и внешних врагов оправдывало жесткие меры, эскалацию уголовных репрессий и политических преследований⁴⁷. «Классовые враги Республики Советов» (Конституция Советской России 1918 года), «враги Советского государства» (Конституция СССР 1924 года, Уголовный кодекс РСФСР 1926 года), «враги народа» («Закон о трех колосках» 1932 года и Уголовный кодекс РСФСР 1926 года), «изменники Родины» (поправки 1936 года к республиканским уголовным кодексам) стали важной частью советской действительности и могли быть обнаружены повсюду — от риторики сталинских показательных процессов и «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» до публикаций в Информационном бюллетене Академии наук СССР. После распада Советского

47. Мишина, Е. Штрихи к портрету врага в российском нормотворчестве 2010–2020 гг. Советские Истоки // Palladium. 2023. № 6. DOI: 10.55167/d3d7aa09677e.

Союза концепция врага исчезла как из законодательной базы, так и из общественно-политического дискурса.

Первая группа постсоветских внутренних врагов появилась в российском законодательстве в июле 2012 года, когда поправки к федеральным законам о некоммерческих организациях и общественных объединениях восстановили почти забытое советское понятие иностранного агента. Утверждалось, что это симметричный ответ на Закон США о регистрации иностранных агентов (1938), однако при дальнейшем анализе становится очевидно, что эти законы отличаются, главным образом, в плане их применения, поскольку только российские законодательные нововведения активно использовались для подавления оппозиции внутри государства⁴⁸. С момента принятия первого из серии этих законодательных нововведений российские НПО и/или российские юрлица, получающие денежные средства и иное имущество от иностранных источников и участвующие, в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории России, считаются иностранными агентами⁴⁹. В Постановлении № 10-П от 08 апреля 2014 года Конституционный суд России признал конституционность этих норм и предупредил, что любые попытки найти в формулировке «иностраннный агент» устаревшие советские стереотипы и негативные коннотации не имеют конституционно-правовых оснований. В законодательство об «иностраннных агентах» неоднократно вносились поправки, и теперь оно охватывает также иностранные СМИ, российские физические либо юридические лица и иностранных граждан. Новый закон от июля 2022 года еще больше расширил список иностранных агентов и ввел понятие «иностранного влияния». Дальнейшие запреты и ограничения последовали в 2022–2024 годах.

48. Более подробно см. *Rebo, Samuel*. FARA in Focus: What Can Russia's Foreign Agent Law Tell Us about America's? // *Journal of National Security Law and Policy*. 2022. Vol. 12. P. 277.

49. Федеральный Закон «О некоммерческих организациях», 1996, ч. 6 ст. 2.

Неоднозначные и гибкие формулировки многочисленных норм, призванные предоставить должностным лицам правоохранительных органов максимальную гибкость в применении закона, возрождают еще одну советскую традицию, восходящую к ленинскому указанию «формулировать как можно шире»⁵⁰ и пропаганде правовой неопределенности А. Вышинским⁵¹. В современной России особенно ярким примером является формулировка «государственной измены» 2012 года (ст. 275 Уголовного кодекса России): эта норма настолько расплывчата, что совершение практически любого деяния любым гражданином России может быть квалифицировано как государственная измена.

В 2012 году дело Pussy Riot возродило предвзятый подход к доказательствам, продемонстрированный судьей Мариной Сыровой⁵² — и это полностью соответствовало большевистским инструкциям, содержащимся в Декрете 1918 года «О народном суде РСФСР»: «Народный суд не должен ограничиваться никакими формальными доказательствами, и решение о допустимости доказательств принимается судом в соответствии с обстоятельствами дела». Максимальное наказание сроком до пяти лет лишения свободы за мирные собрания, предусмотренное печально известной «Дадинской статьей»⁵³, демонстрирует две советские черты: непропорционально суровые наказания и отношение к свободе собраний как к угрозе нынешней политической системе.

Lawfare, стратегическое использование судебных разбирательств для запугивания или создания помех оппоненту, — это еще одна советская практика, которая активно использу-

50. Ленин, В. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному Кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // ПСС. Т. 45. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970.

51. Тонков, Е. Историческая перспектива российского правового реализма // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 6. Р. 38.

52. Дмитриев, М. Pussy Riot. Анализ состава преступления // Закон. Ру. 2012. URL: <https://tinyurl.com/26jb4jcl>.

53. Уголовный Кодекс Российской Федерации. 1996. Ст. 212.2 (с изменениями).

ется в современной России, где криминальная инсценировка является обычным способом обращения с людьми, которые, с точки зрения властей, выглядят опасными или подозрительными. Иногда против членов семей противников режима возбуждаются фиктивные уголовные дела⁵⁴. Запугивание и судебное преследование членов семей политических активистов и обычных людей наводит на мысль о параллелях с Советским Союзом 1930-х годов, когда коллективная уголовная ответственность членов семьи преступника стала «новой нормальностью».

В 2022 году, после полномасштабного вторжения России в Украину, оборонительный характер российского уголовного права усилился в весьма советской манере. 4 марта 2022 года, а затем 14 июля 2022 года была установлена уголовная ответственность за несколько новых преступлений, совершенных против интересов и безопасности России (как их понимает нынешний российский режим)⁵⁵. Одна из этих новых норм, статья 207.3, стала многоцелевым инструментом, который активно используется как против политических оппонентов путинского режима, так и против антивоенных протестующих. Криминализация распространения «заведомо ложной» информации о российских вооруженных силах привела к пресечению почти всех антивоенных заявлений и новостей, которые противоречат представлениям Кремля о войне. В список политиков, осужденных по статье 207.3 УК РФ, вошли Алексей Горинов, Илья Яшин и Владимир Кара-Мурза. Непропорционально жестокие наказания, предусмотренные статьей 207.3, напоминают Закон о трех колосках 1932 года, согласно которому человек мог быть приговорен к десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества за то, что подобрал несколько колосков на колхозном поле. В ноябре 2023 года антивоенная активистка Саша Скочиленко была приговорена к 7 годам колонии строгого ре-

54. Юрий Жданов, отец Ивана Жданова, директора созданного Навальным ФБК, был приговорен к трем годам колонии, отбыл срок и вышел на свободу в начале ноября 2023 г.

55. *Mishina, E.* Lawmaking of the Countermotion State. Free Russia Foundation. 2023. URL: <https://tinyurl.com/23jjtxh5>.

жима по ст. 207.3 за замену 5 ценников в супермаркете на анти-военные наклейки⁵⁶.

Эскалация гомофобии — это еще одно сходство с советскими временами. После установления административной ответственности за пропаганду гомосексуализма в 2013 году и решения Конституционного суда о конституционности этого законодательного положения в 2014 году, в 2020 году «защита брака как союза мужчины и женщины» была закреплена на конституционном уровне. В 2022 году новые анти-ЛГБТ-нормы запретили «пропаганду нетрадиционных взглядов и предпочтений, педофилии и смены пола», включая информацию, которая может «вызвать у детей желание сменить пол»⁵⁷, и дали четкий сигнал о том, что сегодняшняя Россия находится буквально в шаге от повторной криминализации однополых отношений. После 30 ноября 2023 года, когда Верховный суд России постановил, что «международное ЛГБТ-движение» является «экстремистской организацией», этот шаг стал еще меньше. В марте 2024 года «международное ЛГБТ-движение» было внесено в список террористических и экстремистских организаций.

К сожалению, сегодня многие советские правовые концепции и практики возвращаются, отражая, защищая и поддерживая возрождение политических черт, казалось бы, ушедшей эпохи. В свете этого преподавание советского права становится очень важным. Знание специфики советского права послужит полезным инструментом для понимания и оценки регулирующего воздействия современных законодательных изменений в России в контексте ее политической ресоветизации в целом. Понимание основ советского права поможет студентам осознать возможные последствия провозглашения государства конституционной ценностью, восстановления

56. Первого августа 2024 г. Яшин, Кара-Мурза, Скочилenco и др. были освобождены в рамках масштабного обмена заключенными между Россией, Белоруссией, США, Германией, Словенией, Польшей и Норвегией.

57. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2022).

обратной силы уголовного закона или принятия двусмысленных и расплывчатых норм, которые могут быть произвольно истолкованы правоохранительными органами, как это было при советской власти.

4. Как преподавать советское право: наши методы и опыт

4.1. Анна Лукина: «Становление Советского права (1917–1948)»

4.1.1. Содержание

Курс Анны Лукиной был прочитан в осеннем семестре 2021 года в Свободном Университете (Brīvā Universitāte), некоммерческой организации, основанной в 2020 году в ответ на угрозы академической свободе в России и предоставляющей платформу для экспертов, желающих преподавать углубленный бесплатный онлайн-курс в области их интересов⁵⁸. Курс привлёк группу студентов из разных стран и с разным уровнем образования.

Курс состоял из восьми полуторачасовых семинаров. Первый из них, «Подходы к изучению советского права», включал в себя обсуждение советского права с «высоты птичьего полета» через призму историографии с целью рассмотреть разные позиции об изучении советского права. Следующие шесть семинаров проходили в хронологическом порядке:

- «Государство и право в классическом марксизме», посвящённый концепции права в трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса;
- «Октябрьская революция и право», о видении права Владимира Ленина в его «Государстве и революции» (1917) и как оно реализовалось в первые годы существования советского государства;
- «Период правовых экспериментов», рассматривающий конкурирующие представления о месте права в новом советском государстве 1920-х, представленные Пётром Стучкой и Евгением Пашуканисом в период перехода к новому правовому порядку;
- «Возвращение к юридическому формализму», освещающая правовую мысль Андрея Вышинского и его реформы 1930-х

58. В 2023 году университет был признан «нежелательной организацией» в Российской Федерации, но его профессора продолжают работать даже в условиях политического давления.

годов, кульминацией которых стала «сталинская» Конституция 1936 года;

- «Право и политические репрессии», о роли права в Большом Терроре 1936-1938;
- и «Советское право на международной арене», посвящённая советским послевоенным попыткам повлиять на зарождающийся международный правопорядок, включая роль СССР в Нюрнбергском процессе и критику Вышинским Всеобщей декларации прав человека.

Последний семинар курса «Советское право и современность» попытался установить связь между изучаемым периодом и сегодняшним миром, посредством обсуждения преемственности правовых систем, политики памяти и правосудия переходного периода — тема, особенно важная в свете ресоветизации в современной России, описанной в разделе 3 выше.

Программа курса была ограничена следующим. Во-первых, курс концентрировался на истоках советского права, а не на его полной истории. Преподаватель рассматривала только советское право, начиная с 1917 (Октябрьская революция) и заканчивая 1948 (речь Вышинского в ООН, посвященная Всеобщей декларации прав человека). Это делало последний семинар достаточно сложным, так как значительная часть исторического контекста, необходимого для понимания постсоветских событий, была упущена. В этом смысле курс Екатерины Мишиной, о котором пойдет речь ниже, больше подходил для обсуждения проблем ресоветизации.

Во-вторых, курс стал историей «советского права» как концепции, а не изучением отдельных советских законов. Хотя преподаватель иногда ссылалась на некоторые правовые документы и предоставляла справочную информацию — например, о государственном устройстве Советского Союза — необходимую студентам для понимания исторического контекста дискуссий на занятиях, курс был сосредоточен на более абстрактных философских и теоретических вопросах, а не на анализе конкретных правовых положений. Как сказал один из студентов: «На первых нескольких семинарах я чувствовал, что слишком много внимания уделяется *теории* советского права в ущерб *практике*».

В-третьих, правовые источники, использованные в учебном плане, охватывали в основном конституционное и изредка уголовное право. По словам одного из студентов, «было бы интересно посмотреть, как некоторые традиционные институты [гражданского права] изменились в условиях новой экономической системы».

4.1.2. Преподавание

Воплощая этот учебный план в жизнь, преподаватель использовала два метода обучения — «перевернутый класс» и метод Сократа. Во-первых, перед каждым семинаром студенты получали задания прочитать (или посмотреть/послушать — так как некоторые из материалов курса включали аудио и видео) ряд первичных и вторичных источников и должны были систематизировать, скорректировать и развить представление о них на занятии.

Во-вторых, на семинарах преподаватель старалась стимулировать интерактивное обсуждение прочитанного. Во-первых, она представляла план занятия и некоторый исторический и теоретический контекст материалов курса. Во-вторых, она призывала студентов отвечать на вопросы, которые она задавала всему классу, что постепенно приводило к более массовому обсуждению. В-третьих, она выступала в роли модератора, время от времени подчеркивая ценные моменты, высказанные студентами, исправляя ошибки и не позволяя дискуссии «сойти с пути».

Проведение занятий в формате заранее прочитанной дискуссии под руководством преподавателя позволило «оживить» советское право и стимулировать студентов к критическому восприятию материалов курса, а не просто к заучиванию фактов. Преподаватель была очень рада получить положительные отзывы от своих студентов, один из которых назвал метод Сократа «идеальным для темы курса».

4.1.3. Оценивание

Итоговая оценка за курс состояла из активного участия в семинарах и двух рецензий (response papers) в объеме 1500–2000 слов. В подготовке последних нужно было рассмотреть один из источников из учебной программы — первичный или

вторичный, и не просто обобщить то, о чем говорится в нём, но и проанализировать его в свете других источников из учебной программы, а также обсуждения их в классе. При написании работ с ответами студенты использовали различные источники и широкий спектр подходов — от критики их до помещения их в более широкий контекст и более широкого их применения.

Рецензии были выбраны в качестве формы оценивания по двум причинам. Во-первых, это позволило студентам продемонстрировать понимание, а не только знание материала, описанного в учебном плане, и творчески подойти к выполнению заданий, чего не мог бы сделать, скажем, тест с множественным выбором, охватывающий фактическое содержание курса. Во-вторых, они не требовали такого высокого уровня знаний и понимания, как, например, написание длинной диссертации по темам курса, что было особенно важно, учитывая, что многие из студентов с различным уровнем образования в большинстве своем не были погружены в советское право и его контекст. Формат рецензии представлял собой хороший баланс между достаточно высоким стандартом задания и его выполнимостью.

4.2. Екатерина Мишина: «Советское право и влияние советского прошлого на реформы в постсоциалистических государствах (path dependence). Второе пришествие советского права»

4.2.1. История курса

Курс Екатерины Мишиной был продиктован сильным желанием выполнить одну из задач, которую Фонд ИНДЕМ, один из старейших и наиболее авторитетных российских аналитических центров, планировал реализовать в рамках комплексного проекта под названием «Судебная реформа в России (2007–2009)», включавшего всестороннее изучение судебных реформ в постсоциалистических странах и разработку курса на ту же тему.

Первая версия курса «Судебные реформы в постсоциалистических странах» была прочитана осенью 2011 года в школе права Fundação Getulio Vargas в Сан-Паулу, Бразилия. Курс

включал всего 2 лекции (4 часа) по советскому праву. Реакция студентов, которые были глубоко впечатлены этим ранее неизвестным видом права, с очевидностью показала, что часть, посвященная советскому праву, должна быть увеличена.

Затем эта краткая версия была переработана в полноценный курс по советскому праву и его влиянию на судебные реформы в ряде постсоциалистических и постсоветских стран, который преподавался в школе права Мичиганского университета, США, в осенних семестрах 2012 и 2013 годов. Расширенная часть курса, посвященная советскому праву, включала конституционное право, уголовное право и основы советского уголовного процесса. В оценочных бланках студенты отметили, что им понравилась возможность прослушать курс по постсоветским государствам, узнать о другой правовой системе и различных концепциях права, принимая во внимание, что это был единственный в университете курс, в рамках которого изучалось право стран бывшего Советского Союза.

В 2013 и 2014 годах этот курс преподавался на русском языке на факультете права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, Россия, в качестве факультатива для студентов бакалавриата и магистратуры по публичному праву. Кроме того, в том же году на русском языке была опубликована книга «Длинная тень советского прошлого» (русское название: «Длинные тени советского прошлого»⁵⁹), которая была использована в качестве основы для этого курса. Программа курса, включая критерии выставления оценок, также была прежней, но форма итогового экзамена отличалась и представляла собой устный экзамен, состоящий из двух вопросов, выбранных из программы курса методом случайной выборки.

В зимних семестрах 2014, 2015 и 2016 гг. облегченная версия этого курса преподавалась на факультете политологии Мичиганского университета. Чтобы адаптировать курс для студентов — неюристов, преподавателю пришлось изменить как программу курса, так и способ преподавания. Прежде чем обратиться к фун-

59. Мишина Е. Длинные тени советского прошлого. М.: Либеральная миссия, 201).

даментальным понятиям советского права, она ознакомила своих студентов со спецификой континентальной правовой системы и объяснила ее ключевые особенности. Часть курса, посвященная советскому праву, была расширена за счет добавления краткого описания раннего советского гражданского права, трудового права и ключевых актов Новой экономической политики 1920-х годов. В 2015 году в курс была включена отдельная лекция по раннему советскому семейному праву.

В осенних семестрах 2014 и 2015 годов на факультете политологии Мичиганского университета Мишина преподавала еще один курс «Сравнительное конституционное право: вертикальная компаративистика», где традиционное горизонтальное сравнение конституционных систем ряда европейских и постсоветских стран было дополнено вертикальным сравнением с акцентом на исторические предпосылки, имевшиеся у каждой из изучаемых стран, с указанием ключевых актов конституционного значения и основных политических и правовых событий. Лекция о России включала анализ советских конституций. Примечательно, что при оценке преподавания в 2015 и 2016 годах многие студенты упоминали социалистические конституционные системы (советские конституции и Конституцию Вьетнама 2013 года) и советское уголовное право как наиболее интересные, хотя и сложные разделы курсов. Они подчеркнули, что знание специфики социалистических конституционных систем и основ советского уголовного права существенно расширило их кругозор.

4.2.2. Итоговый формат курса

4.2.2.1. Содержание

Когда в начале сентября 2020 года Мишина присоединилась к Свободному университету (Brīvā Universitāte), она начала преподавать два курса: «Сравнительное конституционное право: вертикальная компаративистика» в осеннем семестре и «Советское право и его влияние на судебные реформы в постсоциалистических государствах. Второе пришествие советского права» в весеннем семестре. Мотивационные письма студентов наглядно демонстрировали растущий интерес к советскому праву. Многих студентов привлекла возможность ознако-

миться с советским государственным правом, уголовным правом и семейным правом, а также с источниками раннего большевистского права и их специфическими особенностями. Более того, на обоих курсах много говорилось о современных проблемах, направленных на выявление признаков возрождения худших советских правовых концепций и практик в 2010–2020-х годах.

К весне 2024 года программа второго курса была вновь переработана с целью расширения раздела, посвященного ресоветизации, и рассмотрения последних изменений в законодательстве и судебной практике в России. Структура курса была следующей:

- Курс начался с рассказа о советском праве, советских судах, советских судьях и советском менталитете судей.
- В следующей части курса были рассмотрены судебные и полицейские реформы в Польше, Болгарии, странах Балтии, Украине, Кыргызстане и Грузии, а также то, как в этих странах действовал фактор *path dependence*.
- Россия стала основной страной изучения в связи с тем, что ресоветизация там идет полным ходом. Чтобы проследить этот путь от десоветизации к ресоветизации, курс уделял особое внимание анализу конституционного проекта Андрея Сахарова (1989), концепции судебной реформы (1991), Конституции Российской Федерации (1993) и правовых реформ 1990-х годов.
- Изучение последующей ресоветизации в российском праве включало анализ дел Михаила Ходорковского, Платона Лебедева, Василия Алексаняна, «Pussy Riot», Алексея Навального, Ильдара Дадина, Андрея Пивоварова, Владимира Кара-Мурзы, «DOXA», Евгении Беркович, Светланы Петрийчук, Саши Скочиленко и других.
- Затем студентам разъясняли основные особенности второго пришествия советского права, включая трансформацию роли наказания, персонификацию наказания, избирательное правоприменение, возрождение концепции врага, расплывчатые «резиновые» формулировки новых статей российского законодательства, повышение роли государства и возрождение оборонительного характера российского уголовного права.
- В конце курса слушатели обсуждали феномен легализма Владимира Путина, его неправовые законы, дискриминационное

законодательство и использование юридических механизмов в отношении оппонентов власти.

4.2.2.2. Преподавание

Дискуссия была важнейшим компонентом занятий. После каждой лекции следовала сессия вопросов и ответов. Учитывая объем материалов для чтения, каждое занятие начиналось с 10-минутного обсуждения тем предыдущего занятия, чтобы убедиться, что все понятно, и студенты не запутались. Студентам было настоятельно рекомендовано выступать с 7–10-минутными презентациями по темам, имеющим отношение к курсу.

4.2.3. Оценивание

Преподаватель разработала новую систему оценивания, учитывая тот факт, что ее ученики были очень разными по возрасту, происхождению и уровню образования. Обычной формой экзамена была итоговая письменная работа объемом 1000–2500 слов, которую использовали студенты, не любившие выступать на занятиях. Студенты, которые делали презентации и активно участвовали в обсуждении на занятиях, могли использовать один из трех вариантов экзамена. Поскольку все студенты, проходившие курс, были из постсоветских стран, где устные экзамены широко распространены, преподаватель соответствующим образом скорректировала систему оценивания и включила возможность проведения небольшого устного экзамена (вариант № 1), состоящего из трех произвольно выбранных вопросов, относящихся к разным частям курса. Вариантом № 2 была более короткая итоговая письменная работа объемом 700–1000 слов. В 2022 году Мишина добавила еще один вариант (№ 3) — экзамен в форме участия в заключительной конференции курса. Участники должны были выступить с 10–15-минутными презентациями, которые затем оценивались преподавателем и двумя внешними экспертами из Свободного университета.

5. Заключение

Цель данной статьи — изучить, как исторически преподавалось советское право, представить аргументы в пользу его включения в современные учебные программы для студентов юриди-

ческих факультетов, в особенности для студентов, изучающих сравнительное правоведение и историю (а также, в сокращенном виде, для тех, кто изучает политическую теорию, журналистику и другие дисциплины), а также предложить некоторые рекомендации, как именно это лучше делать. Во-первых, было показано, что в прошлом как советские, так и западные студенты, изучавшие советское право, сталкивались со своими собственными отличительными испытаниями и трудностями, которые вкратце могут быть охарактеризованы как недостаток пространства для свободной академической дискуссии и отсутствие базовых знаний соответственно, что затрудняло полноценное обсуждение особенно острых вопросов советской юриспруденции. Так или иначе, авторы столкнулись с обеими этими проблемами при разработке и проведении своих курсов. Во-первых, Свободный университет, одна из платформ, где преподавались эти курсы, в 2023 г. была признана «нежелательной организацией» и столкнулась со значительным давлением со стороны российских властей и с введением определенных ограничений в осуществлении образовательной деятельности. Во-вторых, преподавание советского права в постсоветскую эпоху означало, что большинству студентов требовалась дополнительная помощь в контекстуализации изучаемых юридических материалов путем предоставления необходимых исторических подробностей. Курсы были направлены на успешное преодоление обоих препятствий с использованием процесса получения знаний, который был одновременно интеллектуально свободным и кропотливым.

Во-вторых, есть три причины, по которым преподавание советского права необходимо в первую очередь. Изучение советского права важно для понимания советской истории, поскольку правовые нормы стали важной частью советской системы власти для понимания того, как работает право в целом, особенно в его взаимодействии с политикой, из-за уникальности советской правовой системы, а также для углубления понимания современных постсоветских правовых систем, особенно в России, где многие черты восходят к ее историческому наследию. Эти цели были не просто сформулированы, но и включены в преподавание, чтобы студенты могли рас-

сма­три­вать со­вет­ское пра­во в его ис­то­ри­че­ском, фи­ло­со­ф­ском и по­ли­ти­че­ском кон­тек­сте.

В-тре­ть­их, в ста­тье об­суж­да­лось прак­ти­че­ское при­ме­не­ние этих со­об­ра­же­ний, и ос­нов­ное вни­ма­ние уде­ля­лось курсам, ко­то­рые ав­то­ры чи­та­ли в Свободном уни­вер­си­те­те, школе пра­ва Сан-Паулу, Ми­чи­ган­ском уни­вер­си­те­те и На­ци­о­на­льном ис­сле­до­ва­тель­ском уни­вер­си­те­те — Выс­шей школе э­ко­но­ми­ки. Это об­суж­де­ние по­ка­за­ло, что в на­ши дни мож­но по-раз­но­му реа­ги­ро­вать на вы­зо­вы и дос­ти­гать це­лей пре­по­да­ва­ния со­вет­ско­го пра­ва. Курс Ан­ны Лу­ки­ной «Со­вет­ское пра­во, его исто­ки и раз­ви­тие (1917–1948)» был по­свя­щен фи­ло­со­ф­ско­му ас­пек­ту со­вет­ско­го пра­ва до 1948 го­да, и вни­ма­ние было сфо­ку­си­ро­ва­но на раз­ви­тии по­ни­ма­ния ин­тел­лек­ту­аль­ной ис­то­рии со­вет­ско­го пра­ва с по­мо­щью сок­ра­ти­че­ских ди­а­ло­гов и пись­мен­ных уп­ра­ж­не­ний. Ека­те­ри­на Ми­ши­на в сво­их курсах, куль­ми­на­цией ко­то­рых стал ее ны­не пре­по­да­вае­мый курс «Со­вет­ское пра­во и вли­я­ние со­вет­ско­го про­ш­ло­го (path dependence) на су­деб­ные ре­фор­мы в пост­со­ци­а­ли­сти­че­ских го­су­дар­ствах. Вто­рое при­ше­ствие со­вет­ско­го пра­ва», на­про­тив, по­шла бо­лее прак­тич­ным пу­тем, пре­до­ставив сту­ден­там по­дроб­ный а­на­лиз со­вет­ских Кон­сти­ту­ций, Ко­дек­сов, за­ко­но­да­тель­ных ак­тов и нор­ма­тив­ных дек­ре­тов, за ко­то­ры­ми по­сле­до­вал а­на­лиз ро­ли *path dependence* в пост­со­вет­ской транс­фор­ма­ции и изу­че­ние клю­че­вых за­ко­но­да­тель­ных ак­тов и су­деб­ных ре­ше­ний со­вре­мен­ной Рос­сии. В ре­зуль­та­те со­вет­ское пра­во яв­ля­ется удивитель­но уни­вер­саль­ным пред­ме­том для пре­по­да­ва­ния и может быть ис­поль­зо­ва­но для дос­ти­же­ния са­мых раз­ных пе­да­го­гиче­ских це­лей.

И в за­к­лю­че­ние, эта ста­тья приз­ва­на на­чать дис­кус­сию в на­уч­ном со­об­ще­стве, что может при­ве­сти к раз­работке до­пол­ни­тель­ных учеб­ных про­грамм и ме­то­дик пре­по­да­ва­ния. Воз­ро­жде­ние пре­по­да­ва­ния со­вет­ско­го пра­ва толь­ко на­ча­лось, и ин­те­рес­но по­смот­реть, что нас ждет впе­ред. И­так, впе­ред!

Приложение 1. Программа курса Анны Лукиной «Становление советского права (1917–1948)»

1. Подходы к изучению советского права

Вторичные источники

- *Fitzpatrick S.* Revisionism in Soviet History.
- *Sagatienė D.* Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law.
- *Berman H.* The Comparison of Soviet and American Law.
- *Huskey E.* A Framework for the Analysis of Soviet Law.

Темы

- Советское право: оксюморон? Обсуждение вступительных эссе.
- Подходы к советскому праву в историографии и теории права.

2. Государство и право в классическом марксизме

Первичные источники

- *Маркс К.* К еврейскому вопросу (1844). Отрывок.
- *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология (1846). Отрывок.
- *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической Партии (1848). Разделы 1–2. URL: <https://tinyurl.com/y7svb7f3>.
- *Маркс К.* Предисловие к Критике Политической Экономии (1859). URL: <https://tinyurl.com/2d55y6s2>.
- *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу (1872). Отрывок.
- *Маркс К.* Критика Готской программы (1875). Отрывок.
- *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг (1878). Отрывок.

Вторичные источники

- *Leiter B.* Marx, Law, Ideology, Legal Positivism. Особенно р. 1–10.

Темы

- Теоретические основы советского права в трудах Маркса и Энгельса.
- Право как «надстройка».
- «Отмирание» права и государства при коммунизме.

3. Октябрьская революция и право

Первичные источники

- *Ленин В. И.* Государство и революция (1917). URL: <https://tinyurl.com/24r4zy22>.

- Конституция РСФСР 1918 года. URL: <https://tinyurl.com/28x275fn>.

Вторичные источники

- *Beirne P., Hunt A.* Law and the Constitution of Soviet Society: The Case of Comrade Lenin.
- *Kivotidis D.* Dictatorship of the Proletariat. URL: <https://tinyurl.com/23zxqbld>.

Темы

- В. И. Ленин о государстве и праве.
- «Диктатура пролетариата» и «революционная законность».
- Октябрьская революция: свержение дореволюционных правовых институтов.

4. Период правовых экспериментов

Первичные источники

- *Стучка П.* Революционная роль права и государства (1924). Гл. 1 «Что такое право?» (<https://tinyurl.com/2a6o4c7t>), гл. 4 «Организованная власть господствующего класса и право» (<https://tinyurl.com/22tqs6xy>).
- Конституция СССР 1924 года. URL: <https://tinyurl.com/28o9s5qo>.
- Конституция РСФСР 1925 года. URL: <https://tinyurl.com/ysyx4clv>.
- *Пашуканис Е.* Общая теория права и марксизм (1929). Введение «Задачи общей теории права» (<https://tinyurl.com/2cvo5cqe>), гл. 3 «Отношение и норма» (<https://tinyurl.com/2996g6ew>), гл. 10 «Право и правонарушение» (<https://tinyurl.com/2bmgmjcm>).

Вторичные источники

- *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. Гл. 1 «План эксперимента».

Темы

- Задача создания нового советского права.
- П.Стучка и Е. Пашуканис о праве.
- Правовой нигилизм конца 1920-х — начала 1930-х.

Задания

- RESPONSE PAPER 1.

5. Возвращение к юридическому формализму

Первичные источники

- Конституция СССР 1936 года. URL: <https://tinyurl.com/y299r85s>.

- *Вышинский А.* Основные задачи науки советского социалистического права (Сокращенная стенограмма доклада на I Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г.). URL: <https://tinyurl.com/2сyсch33>, с. 2–35, особенно с. 2–18.

Вторичные источники

- *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. Гл. 5 «Возвращение к традиционному правовому строю».
- *Berman H.* The Spirit of Soviet Law.
- *Fuller L.* Pashukanis and Vyshinsky: A Study in the Development of Marxian Legal Theory.

Темы

- Возвращение к легализму в теории и практике.
- Личность и юридическая мысль А. Вышинского.
- «Социалистическая законность».
- «Сталинская» Конституция 1936 года.

6. Право и политические репрессии

Первичные источники

- Видеозапись заключительной речи прокурора А. Я. Вышинского на Третьем Московском Процессе (1938). URL: <https://tinyurl.com/22l3ym1m>, транскрипт: <http://istmat.info/node/31282>.
- Объяснительная бывшего начальника Кожевниковского РО НКВД Салтымакова Дмитрия Кондратьевича (1956). URL: <https://tinyurl.com/2aqqz73c>.
- Мой ГУЛАГ. Воспоминания Тихановой Валентины Александровны (2016). URL: https://mygulag.ru/tihanova_valentina.

Вторичные источники

- *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. Гл. 7 ««Большой террор» и уголовное правосудие».
- *Lukina A.* The Semenchuk Case of 1936: Storytelling and Propaganda above the Law in the Soviet Criminal Trial. Особенно с. 71–80.
- *Байбурын А.* Советский паспорт: история, структура, практики. Гл. 3 «Введение паспортной системы в СССР (1932–1936 гг.)», особенно с. 127–133.
- *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing.

Темы

- Взаимодействие права и террора.

- Анатомия показательного процесса.
- Политические репрессии глазами жертв и палачей.

7. Советское право на международной арене

Первичные источники

- Выступление министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН о Всемирной Декларации Прав Человека (9 декабря 1948). URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/02/1002921>, транскрипт.

Вторичные источники

- *Hirsch F.* The Soviets at Nuremberg: International Law, Propaganda, and the Making of the Postwar Order.
- *Lukina A.* Russia and International Human Rights Law: A View from the Past. Особенно с. 46–53.

Темы

- Роль СССР в становлении международного права.
- СССР и Нюрнбергский процесс.
- Советская концепция прав человека в ООН.
- Право как инструмент Холодной войны.

8. Советское право и современность

Первичные источники

- *Gessen M.* My Grandmother, the Censor (1998). URL: <https://granta.com/my-grandmother-the-censor/>.
- Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Г. Арановского по делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» (2019). С. 29–41.

Вторичные источники

- *Mishina E.* The Re-Birth of Soviet Criminal Law in Post-Soviet Russia.

Темы

- Где мы сейчас? Дискуссия о неразрывности правовых систем, «политике памяти», и правосудии переходного периода (transitional justice).

Задания

- RESPONSE PAPER 2.

Форма итоговой проверки знаний

Оценка за курс ставится по 100-балльной шкале, где 50+ является порогом для успешного прохождения курса, а 90+ означает, что курс окончен с отличием.

Она будет складываться из следующих компонентов:

- 50% — активное участие в семинарах,
- 50% — письменные работы.

От каждого участника курса требуется также написать 2 response papers в размере 1500–2000 слов. Дедлайны указаны в тематическом плане курса — работы следует сдать к 4 и 8 семинарам.

Response paper — размышление на тему одного из источников, рассмотренных в рамках курса. Она не является пересказом источника. Разрешается — и приветствуется — использовать не только данный источник, но и другие материалы курса, а также ваши знания вне программы.

Приложение 2. Программа курса Екатерины Мишиной «Советское право и влияние советского прошлого (path dependence) на судебные реформы в постсоциалистических государствах. Второе пришествие советского права»

Лекция 1. Советское право и его основные черты. Конституции СССР: Конституция РСФСР (1918), Конституция СССР (1924), Конституция СССР (1936), Конституция СССР (1977)

Материалы для чтения

- Конституция РСФСР (1918), Конституция СССР (1924), Конституция СССР (1936), Конституция СССР (1977).
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого. М., 2020.
- Pomeranz, William E. Law and the Russian State. Russia's Legal Evolution from Peter the Great to Vladimir Putin (2019).
- Мишина Е. Союз несвободных республик: от рассвета до заката (2021). URL: <https://tinyurl.com/zybvyg9n>.

Лекция 2. Новая экономическая политика. Основные черты советского семейного права

Материалы для чтения

- Совместные акты Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (Совнаркома) «О расторжении брака» от 16 (29) декабря 1917 г., «О гражданском браке, детях и записи актов гражданского состояния» от 18 (31) декабря 1917 г., Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (1918), Кодекс законов РСФСР «О браке, семье и опеке» (1926), Указы Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям...» и от 10 ноября 1944 года «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов».
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).
- Mishina E., Soviet Family Law: Women and Child Care (from 1917 to the 1940s) // Russian Law Journal. 2017. 5 (4). P. 69–92.

Лекция 3. Особенности советского уголовного права

Материалы для чтения

- Уголовный кодекс РСФСР (1922), Уголовный кодекс РСФСР (1926), Уголовный кодекс РСФСР (1960). Совместное постановление Центрального исполнительного комитета и Совнаркома СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» (Закон о трех колосках). Совместное постановление Центрального исполнительного комитета СССР и Совнаркома от 22 августа 1932 года «О борьбе со спекуляцией», Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 8 июня 1934 года «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине».
- Berman, Harold J., Principles of Soviet criminal law. *The Yale Law Journal*. Vol. 56: 803 (1947).
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).

- *Lukina A.* The Semenchuk Case of 1936: Storytelling and Propaganda above the Law in the Soviet Criminal Trial // Review of Central and East European Law. URL: <https://brill.com/view/journals/rela/rela-overview.xml>. Online Publication Date: 22 Sep 2016.

Лекция 4. Суды и судьи в Советском Союзе. Особенности советского судейского менталитета

Материалы для чтения

- Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 года, Инструкция революционному трибуналу от 19 декабря 1917 года, Декрет (Положение) о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года.
- Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Сатаров Г. А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М., СПб.: Норма, 2010.
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).
- Hendley, Kathryn; Solomon Jr., Peter H. The Judicial System of Russia. Oxford University Press, 2023.

Лекция 5. Path dependence. Судебные реформы в Польше и Болгарии в период перехода к демократии и рыночной экономике

Материалы для чтения

- Конституция Болгарии (1991), Закон о судебной системе Болгарии (1991), Стратегический документ по реформированию судебной системы Болгарии (2001).
- *Aślanowicz, Marcin.* National Report on Polish Judicial System (2009).
- Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Сатаров Г. А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М., СПб.: Норма, 2010.
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).
- Нуреев Р., Латов Ю. Что такое path dependence и как ее изучают российские экономисты // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

Лекция 6. Судебные реформы в странах Балтии в период перехода к демократии и рыночной экономике

Материалы для чтения

- Эстония: Конституция (1992), Закон о судах (1991), Закон о статусе судей (1991), Закон о судах (2002). Латвия: Закон о судебной власти (1992). Литва: Закон о судах (1994 год, Закон об административных судах 1999 года. Е.Мишина “Длинные тени советского прошлого” (2020).
- Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа (2010).
- Laar, Mart, Little Country That Could. London: Centre for Research into Post-Communist Economies, 2002.

Лекция 7. Судебные реформы в Украине и Кыргызстане в период перехода к демократии и рыночной экономике

Материалы для чтения

- Закон «О судебной системе и статусе судей Украины» (2010), Закон Украины «О восстановлении доверия к судебной системе Украины» (2014), Закон Украины «Об очищении власти» (2014), Закон Кыргызской Республики «О судах аксакалов» (2002), Закон Кыргызской Республики «О судах аксакалов» (2024), Конституционный закон Кыргызской Республики «О статусе судей» (2021).
- Евсеев А. Судебная власть в Украине: между правом и политикой // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (105).
- Венецианская комиссия. Промежуточное заключение по Закону об очищении власти (Закон о люстрации) 12–13 декабря 2014 г.
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).

Лекция 8. Реформа полиции в постсоветских государствах. Реформы в Грузии

Материалы для чтения

- Uldriks, Niels, Police Reform and Human Rights: Opportunities and Impediments in Post-Communist Societies. Intersentia, 2005.
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).

- Федеральный закон РФ «О полиции» (2011).
- USAID Report on Georgia: The Judicial System. Past reforms and Future Perspectives (2017).

Лекция 9. Реформы в России в 1990-е годы. Судебная реформа в России в период перехода к демократии и рыночной экономике. Суды и судьи в современной России

Материалы для чтения

- Конституция Российской Федерации (1993), Концепция судебной реформы (1991).
- Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной системы, комплексный анализ (2010).
- Мишина Е. Длинные тени советского прошлого (2020).
- Hendley, Kathryn; Solomon Jr., Peter H. The Judicial System of Russia. Oxford University Press, 2023.
- Solomon, Peter H. Jr. Threats of Judicial Counterreform in Putin's Russia // Demokratizatsiya. Summer 2005. 13 (3).
- Hendley K. Everyday Law in Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2017; Pomeranz, William E. Law and the Russian State. Russia's Legal Evolution from Peter the Great to Vladimir Putin (2019).

Лекция 10. Второе пришествие советского права в современную Россию. Трансформация роли наказания. Персонификация наказания. Уголовные дела Михаила Ходорковского, Платона Лебедева, Василия Алексаняна, «Pussy Riot»

Материалы для чтения

- Mishina E. The Long Shadows of the Soviet past (2020)
- Mishina E. The Re-birth of Soviet Criminal Law in Post-Soviet Russia // Russian Law Journal. 2017. 5(1).
- Челищева В. Как меня убивали. Новая газета, 2020.

Лекция 11. Внутренние и внешние враги: законодательство об «иностранных агентах», «нежелательных организациях», защита исторической правды

Материалы для чтения

- Постановление Конституционного Суда РФ от 08 апреля 2014 г. № 10-п.
- «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских нравственных и духовных ценностей» (утверждены Указом Президента Российской Федерации № 809 от 09 ноября 2022 г.).
- Мишина Е. Штрихи к портрету врага в российском нормотворчестве 2010–2020 гг. // Палладиум. 2023. № 6 (5). DOI: 10.55167/82c438e14763.
- Крупский М. Влияние российского законодательства об «иностранных агентах» на гражданское общество. URL: <https://tinyurl.com/24mdjl85>.

Лекция 12. «Гуттаперчевое нормотворчество» и правоприменение. Новая редакция статьи 275 УК РФ «Государственная измена», «дадинская» статья 212.1 УК РФ и т. д.). Уголовные дела И.Дадина, А.Пивоварова, В.Кара-Мурзы. Дело DOXA

Материалы для чтения

- Уголовный кодекс Российской Федерации (1996) с поправками.
- Mishina E. The Long Shadows of the Soviet past (2020).
- Mishina E. The transition project: Establishing the Rule of Law. URL: <https://tinyurl.com/224vwh3v>.

Лекция 13. Путинский легализм и его основные черты (неправовые законы, дискриминационное законодательство, криминализация деяний, не обладающих признаком общественной опасности, непропорционально жестокие наказания, использование уголовного преследования и иных действий органов государственной власти для воздействия на политических активистов, лиц, неугодных властям, и их близких [lawfare]). Дело регионального бизнесмена. Нормы о ЛГБТ и решение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023. Дело Е.Беркович и С.Петрийчук

Материалы для чтения

- *Mishina E.* The transition project: Establishing the Rule of Law. URL: <https://tinyurl.com/224vwh3v>.
- *Mishina E.* Lawmaking of the Countermotion State. Free Russia Foundation, 2023. URL: <https://tinyurl.com/23jjtxh5>.

Лекция 14. Возрождение оборонительного характера российского права. Возрастание роли государства. Нормотворчество военного времени (2022–2023). «Традиционные ценности» и попытки возродить официальную государственную идеологию. Дело Саши Скочилленко. «Закон о конфискации» 2024 г.

Материалы для чтения

- *Mishina E.* The transition project: Establishing the Rule of Law. URL: <https://tinyurl.com/224vwh3v>.
- *Mishina E.* Lawmaking of the Countermotion State. Free Russia Foundation, 2023. URL: <https://tinyurl.com/23jjtxh5>.
- «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских нравственных и духовных ценностей» (утверждены Указом Президента Российской Федерации № 809 от 09 ноября 2022 г.).

Требования к итоговым работам и система оценивания

Общие требования к экзамену: итоговая работа объемом 1000–2500 слов (темы должны иметь отношение к курсу и быть предварительно согласованы с преподавателем).

Варианты для студентов, которые выступали с презентациями и принимали активное участие в обсуждении на занятиях:

Вариант № 1 — Краткий устный экзамен, состоящий из трех произвольно выбранных вопросов, касающихся разных частей курса.

Вариант № 2 — Более короткая итоговая работа объемом 700–1000 слов.

Вариант № 3 — Участие в заключительной конференции курса. Участники должны сделать доклады продолжительностью 10–15 минут (темы должны иметь отношение к курсу и быть предварительно согласованы с преподавателем). Доклады будут оцениваться преподавателем и двумя внешними экспертами из Свободного университета (Brīvā Universitāte).

Критерии оценки работ включают, но не ограничиваются:

- Качество понимания и использования основных понятий курса (например, основные характеристики советского права, советская конституционная система, особенности раннего советского семейного права, особенности советского уголовного права, принцип аналогии, обратная сила уголовного закона, роль судов и судей в СССР, советский судейский менталитет, независимость судей).
- Логическая последовательность.
- Фактологическая точность.
- Соответствие выбранной теме.
- Обязательны ссылки на оригинальный текст (или перевод) Конституции или законодательного акта изучаемой страны. Использование вторичных источников вместо оригинальных текстов ссылкой.
- Библиография, состоящая как минимум из 5 отдельных источников для итоговой работы (1000–2500 слов) или как минимум из 3 отдельных источников для сокращенной версии итоговой работы (700–1000 слов) (это может быть книга, научная статья или законодательный акт). Статьи из Википедии не считаются элементами библиографии.

DOI: 10.55167/58545a9f6cb9

«А что у них?», или Размышления о сравнительном конституционном исследовании судебной власти

Дмитрий Кузнецов

Исследователь, Университет Гётеборга (Швеция); преподаватель, Свободный Университет (Латвия)

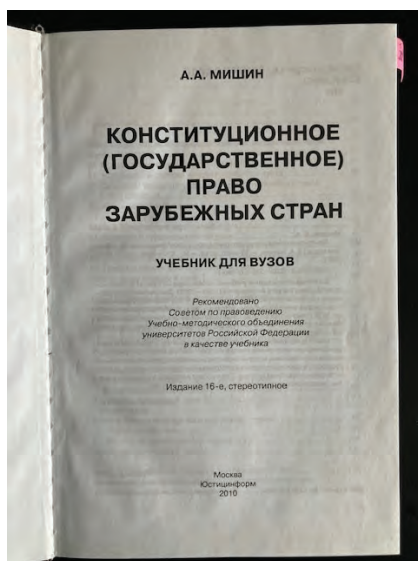
Аннотация. Чаще всего при обсуждении метода, целей и предмета сравнительного конституционного права дискуссия (если она не сводится к банальному описанию существующих явлений) строится на перечислении сходств и различий тех или иных правовых систем, институтов или характеристиках источников права. Такой подход был и во многом остаётся типичным для университетских курсов «конституционного права зарубежных стран». Сравнительное правоведение А. А. Мишина, как представляется, исходит из отличной идеи универсальности принципов и ценностей, лежащих в основе конституционного права; она пытается смотреть на сущность правовых феноменов, составляющих основу правовых систем, обсуждая не внешние признаки тех или иных институтов права в своего рода каталоге разрозненных государств или правовых семей, выбор которых обусловлен традиционным делением на «более или менее важные» страны, — а пытается установить холистические институциональные закономерности развития конституционного права. Настоящее эссе станет попыткой применить идеи Августа Алексеевича к современному конституционному праву и обсудить роль компаративного метода в изучении этой, основной для любой правовой системы, отрасли.

Ключевые слова: сравнительное конституционное право, судебная власть, конституционный контроль, сравнительный метод, вертикальная компаративистика, климат.

Of the worship of Diana at Nemi some leading features can still be made out»¹.

Введение

Когда мои студенты просили посоветовать им хорошую книгу по сравнительному конституционному праву (такое название дисциплины мне всегда казалось более корректным и отражающим идею конституционализма, как некоторой идеологии, независимой от государственных границ, в отличие от «конституционного права зарубежных стран», которое мне представлялось, наоборот, слишком ограничивающим и направленным на противопоставление), я называл книгу Августа Алексеевича Мишина, по которой учился сам и которую до сих пор считаю одним из лучших и самых понятных учебников по праву, написанных по-русски. Это единственный русскоязычный учебник, который у меня сохранился в печатном варианте.

Фотография титульного листа учебника А. А. Мишина

1. *Frazer, James George. The golden bough a study in magic and religion / Ed. Inc NetLibrary. Oxford: Oxford University Press, 1998.*

Пара слов о заглавии книги. Думаю, что название, под которым книга переиздаётся, — это своего рода дань традиции, изучавшей конституционное (государственное) право других стран, которое, как презюмировалось, отличалось от советского, единственно-верного. Идея Мишина в этой книге иная. Она, на мой взгляд, состоит в том, что конституционное право — это область права, которая, суть, включает некоторый набор ценностей и принципов, лежащих в основе любой национальной системы права². Отсюда проистекает и сравнительный подход, метод, на основе которого строится книга и который, на мой взгляд, является наиболее подходящим для изучения конституционного права. Сомнительным при этом кажется разделение конституционного права на его «российскую» и «зарубежную» части, однако это, к сожалению, далеко не единственная или не самая главная проблема российского юридического образования и российской юридической науки, среди которых я бы выделил отсутствие связи с практикой, догматичность и бессмысленность большей части вторичных источников, которые предлагаются для изучения³.

Цель данного текста — попытаться понять, в какой мере идеи Августа Алексеевича актуальны сегодня, а также ответить на вопросы о том, зачем юристам в принципе нужно изучать конституционное право и заниматься компаративистикой, а также как это делать. Наконец, эссе рассуждает о том, что сравнительный метод в конституционном праве позволяет нам понять о конституции (в широком смысле) и устройстве правовой системы.

Исходя из приведённых выше целей, текст будет состоять из двух основных частей. Первая часть размышляет о том, что такое современное сравнительное конституционное право-ведение и как оно может быть полезно при изучении текстов судебных решений. Вторая часть рассматривает значение и применение сравнительного метода для изучения судов, как одного из конституционных органов, а также пытается опреде-

2. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Юстицифнорм, 2010.

3. Примеры таких текстов приведены во второй части эссе.

лить вопросы, на которые надлежит ответить исследователю при применении сравнительного метода к судебной власти.

Два важных для этой работы уточнения. Первое: поскольку конституционное право — это самая масштабная область права, а помноженное на количество государств и территорий с конституционно-правовыми особенностями — необъятная в рамках одной статьи или книги, я в основном буду использовать примеры из близкой мне области экологического права⁴ и борьбы с изменением климата, а также буду преимущественно говорить о судебной ветви власти, как «слабейшей из всех», но вместе с тем, как будет показано на примерах ниже, наиболее склонной применять сравнительный метод. Второе: я рассматриваю данный текст не как строго академическую научную статью, а скорее как эссе, призванное доказать *gesamtkunstwerk* природу рассматриваемой области юриспруденции и её связь с эстетическим началом в праве, что отражается и на форме данного текста. Формула Фомы Аквинского о том, что прекрасная или совершенная вещь (явление) обладает характеристиками *integritas* (целостность), *consonantia* (соразмерность или пропорциональность), и *claritas* (ясность)⁵ кажется мне важной как для написания юридических текстов, так и для разговора о них, достигающего некоторой степени обобщения.

1. Роль сравнительного метода в судебной практике

Зададим, вслед за Марком Ташнетом, вопрос «зачем сравнивать?»⁶.

Ответы могут различаться. Например, сравнительный метод нужен для признания роли «международных акторов»

4. О самом термине «экологическое право», «право окружающей среды» также можно долго спорить. Это не предмет данного текста, поэтому оставим эту дискуссию за скобками.

5. Thomas, St. Aquinas. Summa Theologica Part I-II (Pars Prima Secundae). Jazzybee Verlag, 2012. Question 39.

6. Tushnet, Mark. Advanced introduction to comparative constitutional law / Second edition. Comparative constitutional law. Cheltenham: Edward Elgar, 2018.

и для «заимствования из других правопорядков»⁷; для понимания европейских и иных интеграционных процессов⁸ и практической полезности для законодателей и судей⁹; наконец, для того чтобы вписывать существующую правовую систему в контекст и понимать, насколько она оторвана или, наоборот, связана с другими правовыми системами, а также с какими из них она связана слабее и сильнее всего.

А. А. Мишин даёт следующий ответ. Сравнительное конституционное право помогает установить содержание принципов и основных концепций, свойственных разным правопорядкам, главным из которых является принцип верховенства права¹⁰. Именно обеспечением принципа верховенства права руководствуются суды (*должны* руководствоваться) при рассмотрении споров, в том числе конституционно значимых.

Сравнение в конституционном праве может быть как качественным, так и количественным¹¹. Оба подхода важны, но первый интересует меня больше, так как позволяет сосредоточиться именно на тех источниках, которые кажутся важными исследующему их, и помогает практически до бесконечности глубоко изучать выбранный объект. Качественное сравнительно-правовое исследование является также более предпочтительным, потому что позволяет отграничить те ситуации, когда зарубежные конституционные источники используются инструментально¹², например, для того чтобы показать,

7. Dixon, Rosalind, and Landau, David. Introduction: A Dark Side of Comparative Constitutional Law. United Kingdom: Oxford University Press, 2021.

8. The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford University Press, 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199578610.001.0001>. Chapter 1.

9. Ibid. Chapter 2.

10. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. С. 11, 21.

11. Hirschl, Ran. Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law / First edition. Oxford: Oxford University Press, 2014. Chapter 6.

12. Инструментальный подход к праву и к изучению правовых явлений кажется по своей природе противоречащим идеалистическому

что позиция суда по тому или иному вопросу является общепринятой или, наоборот, что не существует какого-либо консенсуса относительно избранной позиции¹³, от непредвзятого научного исследования¹⁴. В этом смысле качественное сравнительно-правовое исследование, если применяющие его учёные открыты относительно их методов и критериев, может быть более убедительным и выглядеть более объективным, чем то, которое останавливается исключительно на доктринальном подходе¹⁵. Последний меня как читателя далеко не всегда убеждает в правоте пишущих. Доктринальный анализ судебных решений может быть полезен для комментария или развития позиции суда учёными, но для комплексного исследования такой подход может быть проблематичным, так как он даёт мало понимания относительно критериев выборки или игнорирования других решений, не подтверждающих позицию комментаторов.

в праве и не всегда соотносящимся с принципом верховенства права. См., например: *Tamanaha, Brian Z.* How an Instrumental View of Law Corrodes the Rule of Law // *DePaul Law Review*. 56, no. 2 (2007). URL: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol56/iss2/12>.

13. См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года № 49-П, в котором суд приводит такой пассаж: «Необходимость принятия наряду с другими мерами борьбы с пандемией мер, связанных с ограничением свободы передвижения, подтверждается опытом других государств. Меры изоляции и самоизоляции граждан по месту их проживания (пребывания), получившие международное обозначение “*lockdown*”, не являются особенностью Российской Федерации. В апреле 2020 года они в той или иной степени применялись более чем в 90 странах мира и, таким образом, охватывали более половины населения планеты».

14. *Roux, Theunis, and Hagan, J.* Comparative Constitutional Studies: Two Fields or One? // *Annual review of law and social science*. 13, no. 1 (2017). URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-110316-113534>.

15. См., например: *Linos, Katerina, and Carlson, Melissa.* Qualitative Methods for Law Review Writing // *The University of Chicago law review*. 84, no. 1 (2017).

Сравнительное конституционное право исследует три основных блока проблем¹⁶: язык, институты и отношение граждан к конституционным положениям¹⁷ или, иными словами, легитимность основного закона и отдельных его положений в глазах граждан и общества. При этом сравнение может проводиться с целью формулирования доктрины конституционного права, рефлексии относительно роли конституционных органов (преимущественно высших судов) в разрешении конституционно-правовых вопросов или же исследования глубины имплементации тех или иных правовых доктрин¹⁸ в национальные правовые порядки¹⁹.

Язык, которым оперирует конституционное право той или иной страны — первый и наиболее заметный уровень сравнения. Даже сам термин «конституционное право» используется далеко не везде и не во все периоды времени. Если, скажем, в англоязычной литературе, как минимум с XIX века, для обозначения данной области права используется прилагательное *constitutional*²⁰, а в литературе, изучающей французскую правовую систему — *constitutionnel*²¹, то, например, шведская пра-

16. Tushnet, Mark. Advanced introduction to comparative constitutional law.

17. Такой анализ можно назвать «социологическим» и во многом основанным на идеях Макса Вебера. См. подробнее: Fallon, Richard H. Legitimacy and the Constitution // Harvard Law Review. 118, no. 6 (2005). P. 1795. URL: <http://www.jstor.org/stable/4093285>.

18. Яркий пример — исследование феномена пропорционального анализа, сравнительно-правовому изучению которого посвящены несколько выдающихся юридических текстов: Barak, Aharon. Proportionality and Principled Balancing // Law & ethics of human rights. 4, no. 1 (2010). URL: <https://doi.org/10.2202/1938-2545.1041>; Kumm, Mattias. The Idea of Socratic Contestation and the Right to Justification: The Point of Rights-Based Proportionality Review // Law & ethics of human rights. 4, no. 2 (2010). URL: <https://doi.org/10.2202/1938-2545.1047>.

19. Roux and Hagan. Comparative Constitutional Studies: Two Fields or One?

20. См.: Dicey, Albert Venn. Introduction to the study of the law of the constitution / 8. ed. London: MacMillan, 1926.

21. Troper, Michel. L'histoire du droit, le droit comparé et la théorie générale du droit // Revue internationale de droit comparé. 67, no. 2 (2015). URL:

вовая система до недавнего времени говорила о совокупности норм, составлявших более широкое публичное право (*offentlig rätt*), в котором конституционный элемент (*författningsrätten*) — явление «недавнее и ещё не изученное»²². Если рассмотреть историю российского права, то до 1993 года резоннее было говорить о государственном праве, нежели о конституционном, предполагающем в своей основе подчинение государства некоторым нормам, которые даже оно не в силах преодолеть — чего в большевистской и советской, по своей сути антиправовой, системе не было в принципе. До Февральской революции говорить о конституционном праве тоже едва ли справедливо как в силу отсутствия самого имперского конституционного акта (спору относительно природы Манифеста 17 октября 1905 года оставим за пределами данного текста), так и в силу природы российской государственности, унаследованной большевиками от Российской Империи.

Другой классический пример — это термин, используемый для обозначения принципа верховенства права (*rule of law* в английском языке, *l'état de droit* — во французском, *rechtsstaat* — в нидерландском, *rechtsstaat* — в немецком и т.д.), о содержании и разных подходах к пониманию которого написана не одна сотня текстов²³, и толкованию которого во многом посвящены судебные конституционные споры.

Второй уровень сравнения — институты. Так, значение и роль судебной власти менялись с течением времени, и если максима о том, что «только суд может говорить о том, что является законом»²⁴ была настоящей революцией для своего време-

<https://doi.org/10.3406/ridc.2015.20504>.

22. *Sonntag, Niklas*. An Introduction to Swedish Constitutional Law // Vienna online journal on international constitutional law. 4, no. 4 (2010). URL: <https://doi.org/10.1515/icl-2010-0408>.

23. *Bingham, Tom*. The rule of law. London, New York: Allen Lane, 2010. См. также доклад Комитета Совета Европы по правовым вопросам и правам человека от 6 июля 2007 года «The principle of the Rule of Law», в котором детально обсуждается содержание принципа в разных государствах СЕ. URL: <https://tinyurl.com/23gflg6f>.

24. *Marbury v Madison*, 5 U.S. 1 Cranch 137. 1803. Однако не стоит забывать, что, если в США такая конституционная революция произо-

ни, то фраза о XXI веке, как «о веке судебной власти», уже вполне кажется трюизмом²⁵. За 200 лет функции и понимание роли судебной власти изменились. Однако можем ли мы понять это без обращения к сравнительному методу, как в исторической перспективе, так и с точки зрения эволюции содержания этого института через призму его функций, субъектов обращения, процедуры формирования судебных органов (назовём лишь некоторые характерные черты)? Наполнение оболочки, которая называется «суды», неодинаково, и для проведения корректного сравнения этого содержания необходимы и функциональный анализ, и, например, анализ роли индивидуальных мнений, если в судебной системе конкретной рассматриваемой страны имеет значение партийная (политическая) принадлежность судей (США) или народных заседателей (Швеция).

Отношение граждан страны к конституции (и в нашем — более конкретном примере — к судебной власти) — третий уровень сравнения. Требование о соблюдении своей же собственной конституции кажется более значимым в контексте правового развития страны, чем, безусловно, героический поступок небольшой группы людей, протестующих против действий своего государства, так как это требование, обращённое к последнему, подразумевает прежде всего изменение в восприятии роли основного закона и осознание того, что он

шла в самом начале XIX века, то, например, в Израиле (с поправкой на молодость нынешней итерации еврейского государства) такая революция случилась только в конце XX в. в решении Верховного суда под председательством Аарона Барака, подтвердившего высший статус основного закона «О достоинстве», и *obiter dictum* рассказавшего о легитимности Кнессета. См. подробнее: *United Mizrahi Bank v. Migdal Cooperative Village* CA 6821/93. URL: <https://larc.cardozo.yu.edu/iscp-opinions/391>. Мне при этом кажется, что и у российского Конституционного Суда, а вернее КС РСФСР тоже было своё «дело Марберри» — это т. н. «дело МГБ», в котором Суд запретил создание единого министерства государственной безопасности (Постановление №1-П-У от 14 января 1992 года).

25. Например, об этом, как о вполне свершившемся факте, говорил бывший председатель Верховного суда Израиля Аарон Барак: *Barak, Aharon. The Judge in a Democracy*. Princeton University Press, 2006. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt7szb4>.

ограничивает не только индивидов, но и само государство. При том, что в конкретный день 1965 года судьба отдельных людей кажется (и справедливо) более значимой, чем некоторые абстрактные требования²⁶.

Суды в такой парадигме становятся самым логичным местом разрешения потенциальных конфликтов между индивидами и государством при условии, что наряду с осознанием роли конституции, в обществе существует и доверие к судебной системе. Соответственно, если мы хотим сравнивать судебные системы разных государств, мы неминуемо приходим к тому, что говорим и об отношении общества и граждан к судебной системе — её своего рода субъективном элементе и неотъемлемой части отношения граждан к основному закону²⁷.

Названный выше список ключевых проблем, возникающих при обсуждении сравнительного метода в праве, безусловно, не исчерпывающий²⁸. Однако без ответа на вопросы о языке, институциональном дизайне и восприятии того или иного правового феномена разговор о зарубежных институтах не уйдёт дальше занимательной географической справки.

26. См.: *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. С. 216–224.

27. Концепция была разработана ещё в 80-е годы прошлого века и с тех пор занимает многих учёных. См.: *Ely, John Hart.* *Democracy and Distrust. A Theory of Judicial Review.* Harvard University Press, 1980. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv102bj77>. См. также: *Ross, Bertrall L.* *Democracy and Renewed Distrust: Equal Protection and the Evolving Judicial Conception of Politics* // *California law review.* 101, no. 6 (2013); *Popelier, Patricia et al.* *A research agenda for trust and distrust in a multilevel judicial system* // *Maastricht journal of European and comparative law.* 29, no. 3 (2022). URL: <https://doi.org/10.1177/1023263X221096026>.

28. Например, Розенфельд обращает внимание на необходимость в целях корректного сравнения изучить содержание прав человека в конкретной юрисдикции (*Rosenfeld, Michel.* 38 B. *Comparative Constitutional Analysis in United States Adjudication and Scholarship* // *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law.* Oxford University Press, 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0003>); Диксон предлагает обращать внимание на время, в которое тот или иной конституционный текст был написан (*Dixon and Landau.* *Introduction: A Dark Side of Comparative Constitutional Law*) и т. д.

Не менее важно то, что такой анализ должен быть динамическим²⁹, т. е. рассматривать объекты сравнения в их изменчивости и непрерывной трансформации, а также взаимодействии с другими органами, институтами и обществом.

Поскольку в конечном итоге именно судебная власть толкует закон, а суды функционируют во всех, даже самых авторитарных системах, логично рассмотреть, как сама судебная власть подходит к использованию сравнительных методов при разрешении конституционно значимых споров.

Обратимся к качественному сравнению³⁰ некоторых примеров из судебной практики по экологическим делам (делам, связанным с изменением климата), которые рассматривались в высших судах. Для примеров я выбрал: 1 — наиболее схожие по теме, 2 — имеющие своё чёткое отношение к конституционному контролю, 3 — сравнимые на разных уровнях дела³¹.

Одним из наиболее известных является дело «Ургенда» (*Urgenda zaak*), итоговое постановление по которому Верховный суд Нидерландов вынес в 2019 году³². В этом деле неправительственная организация, борющаяся с изменением климата и пытающаяся заставить правительство принять более решительные шаги для исполнения предполагаемых международных обязательств Нидерландов, пыталась в рамках стратегического судебного дела доказать, что Королевство должно было сократить выбросы CO₂ как минимум на 25 процентов к 2020 году вместо 20 процентов в сравнении с выбросами 1990 года, на

29. Пандемия COVID-19 дала много материала для исследователей судебной власти и меняющегося отношения судов к ограничениям прав человека и, например, к применению анализа пропорциональности ограничительных мер. См., например: *Vyhnánek, Ladislav et al. The Dynamics of Proportionality: Constitutional Courts and the Review of COVID-19 Regulations // German law journal. 25, no. 3 (2024). URL: <https://doi.org/10.1017/glj.2023.96>.*

30. *Hirschl. Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law.*

31. *Linos and Carlson. Qualitative Methods for Law Review Writing.*

32. *De staat der Nederlanden (ministerie van economische zaken en klimaat) tegen stichting Urgenda. ECLI:NL:HR:2019:2006. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2019:2006>.*

которых настаивал ответчик — правительство Королевства³³. Постановление, как и процесс в целом, длившийся в течение нескольких лет, послужили предметом пристального анализа в литературе, СМИ и в профессиональном сообществе³⁴. Вместе с тем само постановление ВС Нидерландов содержит большое количество компаративного материала и ссылок на зарубежное регулирование (преимущественно право Совета Европы³⁵) и международно-правовые нормы³⁶. Так, например, Суд рассмотрел концепцию позитивных обязательств государства на примере Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сославшись на толкование статей 2 (право на жизнь) и 8 (защита частной и семейной жизни) Европейским Судом по правам человека³⁷. В целом ВС использовал четыре основных блока аргументов: научные данные по изменению климата, международно-правовые обязательства государства, конституционные обязательства Королевства и принцип разделения властей.

33. Подробнее см.: Кузнецов Д. А. Дело «Urgenda»: проблема разделения властей в контексте имплементации экологических обязательств государства (часть I) // Журнал конституционного правосудия. 3 (81) (2021). URL: <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2021-4-30-38>.

34. Например, Ook internationaal veel belangstelling voor uitspraak Urgenda-zaak // NOS. 20 December 2019. URL: <https://tinyurl.com/228ln6am> [accessed: 29 January 2023]; Dutch supreme court upholds landmark ruling demanding climate action // The Guardian. 20 December 2019. URL: <https://tinyurl.com/27dyjtnm>; Meguro, Maiko. State of the Netherlands v. Urgenda Foundation // The American journal of international law. 114, no. 4 (2020). URL: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.52>; Burgers, Laura. Should Judges Make Climate Change Law? // Transnational Environmental Law. 9, no. 1 (2020). URL: <https://doi.org/10.1017/s2047102519000360>.

35. ECLI:NL:HR:2019:2006 §§ 5.2.1-5.5.3.

36. Например, на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Council of Europe, *European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, as amended by Protocols Nos. 11 and 14*, ETS 5, 4 November 1950.

37. ECLI:NL:HR:2019:2006 §§ 5.2.1-5.5.3.

Постановление по делу «Ургенда» вдохновило большое количество схожих судебных процессов по всему миру³⁸. Особый интерес в контексте данного эссе для нас представляют несколько дел. Первое из них — это т. н. дело «Нойбауэр», постановление по которому в 2021 году вынес Федеральный конституционный суд ФРГ (ФКС)³⁹.

ФКС рассматривал дело (несколько объединённых в одном производстве конституционных жалоб) с точки зрения защиты индивидуальных конституционных прав и прав будущих поколений. Как и в нидерландском деле, заявители жаловались на бездействие федерального правительства и предполагаемое нарушение фундаментального принципа уважения достоинства человека. Аргументацию Суда также можно разделить на несколько ключевых блоков. Во-первых, большую часть текста занимает анализ и прямое цитирование научных данных, касающихся изменения климата. Во-вторых, суд непосредственно обратился к сравнительному методу, включив аргументацию ВС Нидерландов и прямо на него сославшись. В-третьих, ФКС обозначил конвенционные обязательства Федеративной Республики и указал, что источником позитивной обязанности правительства бороться с изменением климата являются право на жизнь (аналогичный аргумент, использованный в деле «Ургенда») и, новый аргумент в сравнении с описанным выше нидерландским делом, — право собственности, которое, по мнению ФКС, неминуемо пострадает в случае климатических изменений⁴⁰. В-четвёртых, практически прямо цитируя коллег,

38. Conseil d'État, 6ème — 5ème chambres réunies. ECLI:FR:CEC HR:2020:427301.20201119. URL: <https://tinyurl.com/2yubbnc4>; *Demanda Generaciones Futuras v Minambiente*. STC4360-2018. English translation. URL: <https://tinyurl.com/2b46y67p>; *Anton Foley and others v Sweden* (Aurora Case), pending. URL: <https://tinyurl.com/2co468hl>; Cour d'appel de Bruxelles (Brussels Court of Appeal) 30 November 2023, *Klimaatzaak and others v the Belgian State, Wallonia, Flanders and the Brussels Region*. URL: <https://www.klimaatzaak.eu/en>.

39. BVerfG, Order of the First Senate of 24 March 2021 — 1 BvR 2656/18 -, paras. 1-270. URL: https://www.bverfg.de/e/rs20210324_1bvr265618en.html.

40. Ibid. §§ 144, 164, 171.

Конституционный суд постановил, что «законодатель нарушил основные права неприятием достаточных мер для исполнения обязательств по сокращению выбросов таким образом, который бы уважал основные права»⁴¹. Суд сослался на принцип пропорциональности, которым правительство должно руководствоваться при определении экологической политики и объёмов выбросов. При этом «риск для прав будущих [поколений] и риск серьёзного нарушения основных прав в будущем не сдерживаются должным образом в настоящем»⁴². Наконец, Конституционный суд уделил большое внимание особенностям применения принципа разделения властей относительно климатических споров.

Так же, как и ВС Нидерландов, ФКС ФРГ практически сразу после публикации постановления на официальном языке опубликовал полный перевод на английский язык.

Третий пример важного климатического дела — это постановление Конституционного суда Колумбии 2018 года⁴³. Заявители, граждане Колумбии в возрасте от семи до двадцати пяти лет, жаловались на то, что правительство не принимало должных мер по охране бассейна реки Амазонки. Они утверждали, что правительство посягало на право на жизнь, так как их ожидаемая продолжительность жизни превышает семьдесят восемь лет, а к середине XXI века климатические условия будут настолько плохими, что заявители не смогут реализовать своё конституционное право и дожить до предполагаемого максимального возраста. Суд признал жалобу приемлемой и постановил, что, действительно, бездействие правительства может привести к негативным последствиям для жизней заявителей.

КС Колумбии обратился к т. н. «моральным обязательствам», указав, что защита основных прав включает не только «индивида», но и «другого» — категория, которая должна трактоваться чрезвычайно широко, включая не только «человеческие существа», но также и сообщества живых организ-

41. Ibid. § 182.

42. Ibid. §§ 192, 195.

43. STC4360-2018. Op. cit.

мов, природные объекты и ещё не рождённых детей, которые также обладают правом на благоприятную окружающую среду. Такие обязательства государства основаны на принципе солидарности и автономном значении природы⁴⁴. Основываясь на принципе солидарности, Конституционный суд подтвердил необходимость уважения всех видов, а также то, что «[принцип] солидарности и инвайронментализм связаны до такой степени, что становятся одним и тем же»⁴⁵.

При первом приближении кажется, что приведённые примеры — это иллюстрация унификации в праве и что суды приняли преимущественно одинаковые решения, отвечающие актуальной повестке, и здесь мало материала для компаративного анализа. С одной стороны, если остановиться только на результате этих разбирательств, то так и есть. С другой стороны, если воспользоваться приведёнными выше критериями — языка, характеристики судебного органа и отношения к судам, мы увидим более сложную картину.

В Нидерландах, где текст конституции прямо запрещает судебный конституционный надзор⁴⁶, а нормы международного права имеют прямое действие и приоритет над нормами основного закона, Верховному суду удалось принять необычное и уникальное для правовой системы решение. Судебная система опиралась на общественный консенсус и веру граждан в то, что именно судебными средствами можно заставить правительство принять климатические меры. Решение говорит не только о важности климатической повестки в судах, но и о том, что для конституционного права не менее важно — об изменении роли суда в правовой системе Королевства. ФКС ФРГ в силу своих институциональных особенностей и функций, заключающихся, прежде всего, в обеспечении баланса федеративных отношений⁴⁷, а также имманентного скепсиса к раз-

44. Ibid. § 5.3.

45. Ibid.

46. Grondwet voor het Koninkrijk der Nederlanden, na de wijziging van 2018. URL: <https://tinyurl.com/2ddjj5z>. Art. 120.

47. *Theil, Stefan*. Cautious scrutiny: The Federal Climate Change Act case in the German constitutional court // *Modern law review*. 86, no. 1 (2023).

ного рода активизму и популизму, укоренённому в обществе, избрал умеренный и в большой степени казуистический путь разрешения первого климатического дела в Германии. Конституционный суд Колумбии, в свою очередь, обратился непосредственно к конституционному тексту, не исключаящему и более широкий, чем антропоцентричный подход, взгляд на права и фактически подтвердил то, что и так было закреплено в конституции.

Таким образом, проведя качественное сравнение трёх судебных актов на нескольких уровнях⁴⁸, можно заключить, что в первом случае — ВС Нидерландов — произошла настоящая конституционная революция. Во втором случае — ФКС ФРГ — было принято очень осторожное и минимально-возможное прогрессивное решение. А в третьем случае — ВС Колумбии — не произошло ничего экстраординарного, а суд действовал в соответствии с конституционными ожиданиями⁴⁹.

URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12746>.

48. См. также: *Hirschl. Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law. Chapter 5.*

49. Возвращаясь к постановлению КС Колумбии, вспомним также параллельную практику ЕСПЧ, который в мае 2024 года принял одно решение, в котором отказал заявителям схожего возраста в удовлетворении их требований в правительству Португалии на том основании, что они не исчерпали внутренние средства правовой защиты и не смогли доказать статус «жертвы» предполагаемого конвенционного нарушения (ECtHR. *Duarte Agostinho and Others v Portugal and Others* (dec.) no. 39371/20, 9 April 2024). Также ЕСПЧ принял постановление против Швейцарии, в котором, наоборот, нашёл нарушение права на жизнь пожилых женщин, которым угрожает изменение климата (ECtHR. Application no. 53600/20 *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and others v Switzerland* [GC] 9 April 2024. See also Lestas, G. Did the Court in Klimaseniorinnen create an actio popularis? EJIL: Talk! 13 May 2024. URL: <https://tinyurl.com/24brxbzl>. Возникает вопрос: насколько в принципе сравнимы эти решения, которые с внешней точки зрения крайне похожи, — климатический интерес, заявители-активисты, проблемы с *locus standi*. Если воспользоваться критериями сравнительного правового метода, мы сможем прийти к каким-то выводам, но большой вопрос будет в том, насколько они будут для нас информативны, если мы хотим что-то понять про функционирование исследуемых судебных органов.

Рассмотрев в первой части судебные решения на конкретном примере стратегических климатических дел, в следующей части я обращаюсь к сравнению самих судебных органов.

2. Сравнительный метод в изучении судов

Изучение конституционного права зарубежных стран в его традиционном подходе предполагает описание институтов или устройства государства и права (с упором на первом) без проведения значимых параллелей или погружения в суть описываемых феноменов. В изучении тех или иных государств упор делается на внешнюю сторону или какие-либо бросающиеся в глаза очевидные характеристики изучаемой группы стран, например, географического положения или схожего постколониального опыта⁵⁰. Такое изложение материала напоминает картину «Урок анатомии доктора Тульпа», где участники действия смотрят куда угодно, только не на изучаемое тело. Параллель с описанием конституционного права ещё более занимательна тем, что, как и во времена медицины, не основанной на доказательствах, многие врачи строили гипотезы, построенные на чём угодно, только не на реальном анализе и изучении фактов или объективных физиологических явлений. Сам процесс исследования тела как будто бы уходил на второй план. То же происходит с наукой и учебной дисциплиной конституционного права зарубежных стран: описываются институты, формы права, перечисляются источники, но не даётся объяснение функционирования этих феноменов правовой действительности, не раскрываются принципы или ценности, на которых строится та или иная система. Но самое главное — не показываются сущностные взаимосвязи между институтами, а также не исследуется их взаимное влияние, то есть как будто бы описывается представление автора об этих явлениях и институтах, её или его мнение, часто имитирующее реальное научное исследование.

50. Клишас А. А. Публичное право стран Латинской Америки. В 2 тт. Т. 1. Международные отношения, 2016.

Урок анатомии доктора Тульпа

Можно сколь угодно долго рассуждать о «совершенствовании системы отправления конституционного правосудия» или «новых вызовах, стоящих перед конституционной системой», но эти рассуждения будут оставаться имитацией или игрой в бисер до тех пор, пока авторы будут игнорировать ключевые проблемы — роль институтов, языка актов и легитимности основного закона, а будут складывать слово «вечность» из кусочков мёртвой текстуальной формы⁵¹. В таких случаях «ленивое»⁵² сравнение или указание на «исторические философские идеи» делается либо с инструментальной точки зрения, о которой я говорил в первой части эссе, либо для

51. Вот лишь несколько примеров подобных наукообразных публикаций: *Кобзарь-Фролова М. Н.* О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. No. 12 (2023). URL: <https://doi.org/10.31857/S102694520029366-3>; *Бабурин С. Н.* Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // Государство и право. No. 12 (2023). URL: <https://doi.org/10.31857/S102694520029289-8>; *Авакьян С. А.* Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 1 (2024). URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-1-2-12>; *Чертков А. Н.* Государственная власть на современном этапе: вызовы, функции, ориентиры совершенствования // Конституционное и муниципальное право. No. 11 (2023). URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-11-12-16>.

52. *Hirschl.* Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law. P. 221.

демонстрации знаний автора, хотя сколько-нибудь значимого анализа таких идей, как правило, не дается⁵³.

Вернёмся к примеру судебной власти, о которой мы говорили выше. Рассмотрим теперь изучение феномена конституционного надзора⁵⁴, который в той или иной форме закреплён на конституционном уровне в подавляющем большинстве государств⁵⁵. Традиционным способом рассмотрения этого правового явления было бы перечисление функций того или иного высшего судебного органа, указание на его компетенцию, порядок формирования и, возможно, упоминание его ключевых решений (в широком смысле)⁵⁶. Однако это не использование сравнительного метода в праве. Здесь мы имеем дело с описа-

53. Ещё несколько примеров из недавних русскоязычных наукообразных публикаций, иллюстрирующих мою идею: *Конева Н. С.* Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. No. 12 (2023). URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>; *Добрынин Н. М.* Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы // Государство и право. No. 9 (2023). URL: <https://doi.org/10.31857/S102694520027638-2>.

54. В виду того, что в русском языке термина устоялся, я буду использовать именно его, хотя, как представляется, английский *constitutional review* шире по объёму, и, возможно, термин «контроль конституционности» мог быть более корректным аналогом в русском языке. И в этой переводческой проблеме мы снова обращаемся к лингвистическому измерению сравнительного метода, что само по себе достойно отдельного обсуждения. См, подробнее: *Tushnet, Mark V.* Review of Origins of the Bill of Rights, and: Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 31. No. 2, 2000. P. 290–291. Project MUSE, <https://muse.jhu.edu/article/16076>; *Allan, T. R. S.* Constitutionalism at Common Law: The Rule of Law and Judicial Review // Cambridge law journal. 82, no. 2 (2023). URL: <https://doi.org/10.1017/S000819732300017X>.

55. *Ginsburg, Tom, and Versteeg, Mila.* Why Do Countries Adopt Constitutional Review? // Journal of law, economics, & organization. 30, no. 3 (2014). URL: <https://doi.org/10.1093/jleo/ewt008>.

56. Такой подход не отменяет того, что научные публикации могут быть важными и интересными, например: *Jestaedt, Matthias et al.* The German Federal Constitutional Court: The Court Without Limits / 1 ed. Oxford: Oxford University Press, 2020.

нием правового явления, в чём, конечно же, нет ничего предосудительного⁵⁷, но это лишь начальный этап сравнения. Такой подход не ответит на вопрос, почему в той или иной стране сложилась определённая модель судебного контроля, он не скажет, почему компетенция судебного органа либо очень ограничена, либо, наоборот, практически безгранична, да и, собственно, почему в некоторых странах конституционный надзор судебной власти не существует в принципе.

Попробуем провести сравнительно-правовое упражнение на хорошо всем известных примерах высших судебных органов Соединённого Королевства, Франции и США. В первом случае с конца XIX века в конституционном праве господствует доктрина парламентского суверенитета, предполагающая верховенство парламента действующего созыва и его несвязанность какими-либо предыдущими парламентскими решениями или решениями судебной власти⁵⁸. Дайси сформулировал это правило как запрет судебного надзора над актами парламента⁵⁹. Этот принцип был несколько ослаблен введением Акта 1998 года о правах человека, имплементировавшего Конвенцию о защите прав человека и основных свобод⁶⁰, который предполагает некоторую форму проверки законопроектов (контроль *a priori*) на соответствие положениями ЕКПЧ. При этом консенсусным в науке всё ещё будет мнение о том, что «судейский

57. В российской правовой науке описательный (дескриптивный) подход кажется дискредитировавшим себя ввиду огромного количества публикаций с описанием нормативных правовых актов или другими подобными текстами. Вместе с тем добросовестное описание правового явления имеет и самостоятельную научную ценность. См., например: *Orford, Anne*. In Praise of Description // *Leiden Journal of International Law*. 25, no. 3 (2012). URL: <https://doi.org/10.1017/S0922156512000301>, <https://www.cambridge.org/core/product/C8D879D8875229DFE4F1E0C34B4EA55B>.

58. *Kirby, James*. A. V. Dicey and English constitutionalism // *History of European ideas*. 45, no. 1 (2019). URL: <https://doi.org/10.1080/01916599.2018.1498012>.

59. *Dicey*. Introduction to the study of the law of the constitution.

60. United Kingdom: Human Rights Act 1998.

активизм несёт смерть принципу верховенства права»⁶¹, и что доктрина парламентского суверенитета — это, по-прежнему, главный конституционный принцип, которому бы противоречило появление института конституционного контроля.

В случае с Францией важное историческое значение при рассмотрении особенностей судебного контроля имеет доверие или, скорее, недоверие судебной власти⁶². Ненависть к *Ancien régime* была во многом продиктована существованием квазисудебных органов — *parlements*⁶³. В качестве лекарства от недоверия судебной системе, помимо физического уничтожения зданий, французская конституционная традиция выработала своего рода иммунитет против судебной власти, отрицающий конституционный контроль законодательных актов, как минимум, *ex-post*⁶⁴. Ситуация начала немного меняться с появлением т. н. процедуры приоритетного конституционного вопроса (*La question prioritaire de constitutionnalité* — QPC), вступившей в силу 1 марта 2010 года. *La QPC* предполагает, что по запросам Государственного совета и Кассационного суда Конституционный Совет (квазисудебный орган) может проверить конституционность вступивших в силу законов, если есть сомнения в их соответствии правам и свободам человека⁶⁵.

61. Bingham. The rule of law.

62. Troper, Michel. Sovereignty and Natural Law in the Legal Discourse of the Ancien Régime // Theoretical inquiries in law. 16, no. 2 (2015). URL: <https://doi.org/10.1515/til-2015-103>; Troper. L'histoire du droit, le droit comparé et la théorie générale du droit.

63. Doyle, William. The Oxford handbook of the Ancien Régime. Oxford: Oxford University Press, 2012.

64. Denizeau-Lahay, Charlotte. La genèse du bloc de constitutionnalité // Les catégories de normes constitutionnelles. Titre VII, no. N° 8 (avril 2022). URL: <https://tinyurl.com/2566qefk>.

65. Serrand, Pierre. La question prioritaire de constitutionnalité // Giornale di storia costituzionale. 27 (2014).

Parlement Бретани в г. Ренн, Франция. Здание значительно пострадало в 1790 году во время Революции, но уже спустя 14 лет ему снова была возвращена судебная функция. © Д. Кузнецов

Третий пример особенного отношения к судебной власти — США и создание Верховного суда. Как видно из даже беглого прочтения писем Федералиста⁶⁶, судебная власть в государстве, строящемся на республиканских принципах⁶⁷, — это «профессиональный орган», независимый от народного волеизъявления или популярной поддержки. В этом кроется как слабость, так и сила судебной власти: в отсутствие необходимости переназначения судьи могут выносить действительно независимые решения — с одной стороны, но при этом, учитывая элитистский состав судебного органа, его решения далеко не всегда будут соотноситься с настоящими потребностями общества или уровнем его текущего развития — с другой стороны.

С формальной точки зрения верховные суды Соединённого Королевства и США являются высшими судебными органами, КС Франции тоже движется в этом направлении, занимая в некотором смысле промежуточное положение между судебным органом и органом парламентского контроля, который изначально создавался для защиты прав парламент-

66. *Hamilton, Alexander*. The federalist papers / Ed. Inc NetLibrary. Champaign, IL; Boulder, Colo.: Project Gutenberg Boulder; NetLibrary, 1990.

67. *Bellamy, Richard*. Which Republicanism, Whose Freedom? // *Political Theory*. 44, no. 5 (2016). URL: <https://doi.org/10.1177/0090591716663361>.

ской оппозиции⁶⁸. Состоят они из профессиональных судей (в США — изначально, в СК — с момента реформы Палаты лордов и создания Верховного суда с 2009 года); во Франции процесс формирования органа сложнее: он, например, автоматически включает в свой состав бывших президентов Республики, а члены Совета не обязаны иметь статус судей или даже юридическое образование⁶⁹. При этом ВС США с самого своего появления не был зависим от Конгресса, ВС СК сформировался после разделения представительных и судебных функций Палаты лордов, то есть судебная функция отделилась от представительной, пусть и весьма специфической. Конституционный совет Франции же всё ещё в своей природе имеет неразрывную связь с Национальной ассамблеей и парламентским контролем.

Выше были рассмотрены историческое отношение к судебным органам и некоторые, самые бросающиеся в глаза институциональные особенности. А что же язык? Конечно, речь идёт не о том, что в двух органах судопроизводство ведётся на английском, а в одном — на французском. Я имею в виду их юридический язык (стиль, источники, которые суды используют). Здесь всё, как мне кажется, гораздо интереснее. Правовой позитивизм стал своего рода *lingua franca* юристов по всему миру, но для судебной власти это едва ли так, особенно когда дело касается толкования законопроектов и законов или проверки их на соответствие нормам высшей юридической силы. В этом смысле французский Конституционный совет в силу исторической традиции будет обращаться к писаному праву нормативных правовых актов и черпать легитимность своих обоснований в актах, отсылающих к другим актам, пусть даже таким неожиданным способом, как толкование преамбулы действующей и предшествующей конституции, как, напри-

68. *Martial, Mathieu*. La justice constitutionnelle en France, du rejet à l'adoption // *Revista Jurídica da UFERSA*. 6, no. 12 (2022). URL: <https://doi.org/10.21708/issn2526-9488.v6.n12.p204-216.2022>; *Troper, Michel*. À quoi sert la séparation des pouvoirs ? Le point de vue de la théorie du droit // *La séparation des pouvoirs*. Titre VII N° 3 (2019). URL: <https://tinyurl.com/2agwjc5u>.

69. Présentation générale. URL: <https://tinyurl.com/28fo7usa>.

мер, в известном решении 1971 года о свободе ассоциации⁷⁰. Язык решения будет предельно лапидарным, исключаящим *obiter dictum* или обращение к доктринам⁷¹. В свою очередь, язык, которым чаще всего написаны решения верховных судов США и СК, будет метафоричным, не скрывающим, какие взгляды или доктрины разделяют судьи и далеко не всегда основанным на позитивном праве⁷².

В этой связи я вспоминаю лекцию одного из первых судей Конституционного суда ЮАР, Альберта (Альби) Сакса, прочитанную много лет назад в Санкт-Петербурге. Сакс говорил, что его судебные решения — это материализация общего принципа справедливости, который посредством трансформации в текст судебного решения приобретает силу нормы права. Вместе с тем мотивировочная часть (аргументация) решения приходит позднее, так как исход дела всё равно определится, исходя из принципа справедливости — в этом смысле судебное решение может являться «ложью», как разница между итоговым единственно верным разрешением и логическим путём, которым познающий субъект должен дойти до такого решения⁷³. Исходя из такой логики, можно трактовать решения КС ЮАР или решения других судебных органов, принадлежащих к системе общего права, как попытку установить содержание того, что является справедливым, не опираясь на писаную норму, что во французской послереволюционной традиции, основанной на примате позитивных источников права, непредставимо.

70. Décision n° 71-44 DC du 16 juillet 1971. URL: <https://tinyurl.com/29mf4cuw>.

71. См., например: Décision n° 2024-1091/1092/1093 QPC du 28 mai 2024. URL: <https://tinyurl.com/24a44lju>.

72. Снова обратимся к самому известному решению ВС США *Marbury v Madison*.

73. См. подробнее: Sachs, Albie. We, the People. Insights of an activist judge. Wits University Press, 2016. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.18772/12016119988>.

Альберт (Альби) Сакс, 2017 год © НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

Сравнение таких судебных решений с решениями континентальных судов должно проводиться не с точки зрения резолютивной или даже мотивировочной частей решений, а с точки зрения принципиального подхода судов к их роли и к процессу принятия решений, положенного в исторический и институциональный контекст. В этом будет, на мой взгляд, кардинальное или сущностное отличие толкования судебных решений учёными-правоведами и толкования текстов художественных произведений критиками или специалистами в области литературы. В последнем случае (по крайней мере, с точки зрения одного из распространённых подходов) контекст или личность автора («личность» суда или его природа, если вернуться к судебной системе) не важна и, наоборот, она только может помешать пониманию литературного произведения⁷⁴. Для юристов, изучающих зарубежные суды и решения, все контекстуальные детали, наоборот, критически важны.

Как я писал в первой части, сравнительно-правовой метод является комплексным или многосоставным. Будучи, по существу, качественным, он включает в себя элементы институционального, дискурсивного анализа, а также не может обойтись без социологического и исторического элементов. Равно как к пониманию природы права возможны разные подходы или применимы разные теории, так и сравнительный метод в праве должен включать разные аспекты и разные способы осмысле-

74. Самое известное эссе на эту тему принадлежит Марселю Прусту: *Proust, Marcel. Contre Sainte-Beuve : précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et articles* / Ed. Pierre Clarac. Paris, 1971.

ния исследуемых правовых феноменов. Предложенный Хартом аналитический подход к праву, хотя и преимущественно концентрируется на юридическом позитивизме, наиболее близко подходит к комплексному сравнительному методу, особенно если мы признаём важное значение языковых феноменов.

Рассмотрев примеры судебных дел, где применялся сравнительный метод, и сделав попытку сравнить некоторые высшие судебные органы, сформулируем перечень ключевых вопросов, которые юристы, применяющие сравнительный метод, должны задать себе в целях корректного применения метода. Отправным должен быть вопрос об историческом и культурном контексте формирования судебного органа. Следующий вопрос или серия вопросов — о функциях, порядке формирования органа. Третий вопрос должен быть задан относительно распределения компетенции между ветвями власти и/или государственными органами, то есть о том, каково конституционное положение судебного органа. Четвёртый вопрос — это то, какими доктринами, принципами или подходами руководствуется судебный орган при вынесении решений. Пятый вопрос — как эти доктрины и принципы влияют на язык судебных решений, а возможно, и на саму форму решения, его внешний вид⁷⁵. Наконец, заключительный вопрос состоит в том, как судебные решения воспринимаются обществом, какова легитимность судебных решений в глазах общества.

Заключение

В эпиграфе к этому тексту я привёл цитату из книги Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь», которая на примере одного малоизвестного древнего ритуала реконструировала сложнейшую систему верований, магического мышления и институциональных связей, существовавших в древнем мире. Что удивляет особенно сильно — это то, что книга, изначально призванная

75. Меня, например, всегда удивляло насколько схожи по форме текста — расположению параграфов, нумерации, формулировкам в длинных предложениях — Конституционный Суд РФ и Конституционный суд Италии, при том, что едва ли эти судебные органы служили или служат образцами для подражания друг для друга.

деконструировать один магический ритуал, показала взаимосвязь верований и культов, которые предположительно существовали во всех древних обществах, доказав, в конечном итоге, насколько люди в разных концах света похожи: они ценят одни и те же вещи, боятся одного и того же, заботятся (или ненавидят друг друга) одинаково. Не думаю, что что-то принципиально изменилось с доисторических времён. Право (оставим на время в стороне дебаты сторонников концепции естественного права и позитивистов) исходит из общей для всех людей потребности жить в согласии или хотя бы в некотором равновесии, руководствуясь общими принципами и ценностями. Думается, что цель сравнительного правоведения, особенно сравнительного конституционного права, помимо множества прикладных задач, состоит как раз в том, чтобы напоминать нам о том, что люди, независимо от того, где они живут, или паспорт какого цвета у них есть, стремятся к схожим вещам, разделяют схожие идеалы, которые в том числе отражаются во внешнем дизайне государства и права и их институтов. Сравнительное правоведение и сравнительное конституционное право, как его часть, при этом идут дальше, чем просто изучение права или правовой нормы в узком смысле. Сравнительный метод напоминает юристам о том, что каждая норма — это продукт определённого контекста, это нечто, находящееся в динамике и заслуживающее постоянного переосмысления.

Библиография

Судебные решения

КС РСФСР. Постановление от 14 января 1992 года № 1-П-У.

КС РФ. Постановление от 25 декабря 2020 года № 49-П.

SCOTUS. *Marbury v Madison*, 5 U.S. 1 Cranch 137. 1803.

Supreme Court of Israel. *United Mizrahi Bank v. Migdal Cooperative Village* CA 6821/93.

Conseil d'État. 6ème — 5ème chambres réunies. ECLI:FR:CECHR:2020:427301.20201119.

Constitutional Court of Columbia. *Demanda Generaciones Futuras v Minambiente*.

STC4360-2018.

Nacka District Court, Sweden. *Anton Foley and others v Sweden* (Aurora Case), pending.

Cour d'appel de Bruxelles. 30 November 2023. *Klimaatzaak and others v the*

Belgian State, Wallonia, Flanders and the Brussels Region.

BVerfG, Order of the First Senate of 24 March 2021. 1 BvR 2656/18.

De staat der Nederlanden (ministerie van economische zaken en klimaat) tegen stichting Urgenda. ECLI:NL:HR:2019:2006.
 ECtHR. *Duarte Agostinho and Others v Portugal and Others* (dec.) no. 39371/20, 9 April 2024.
 ECtHR. Application no. 53600/20 *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and others v Switzerland* [GC] 9 April 2024.
 Conseil Constitutionnel. Décision n° 71-44 DC du 16 juillet 1971.
 Conseil Constitutionnel. Décision n° 2024-1091/1092/1093 QPC du 28 mai 2024.

Научная литература

Allan, T. R. S. Constitutionalism at Common Law: The Rule of Law and Judicial Review // *Cambridge law journal*. 82, no. 2 (2023): 236-64. URL: <https://doi.org/10.1017/S000819732300017X>.
 Barak, Aharon. *The Judge in a Democracy*. Princeton University Press, 2006. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt7szb4>.
 Barak, Aharon. Proportionality and Principled Balancing // *Law & ethics of human rights*. 4, no. 1 (2010): 1-16. URL: <https://doi.org/10.2202/1938-2545.1041>.
 Bellamy, Richard. Which Republicanism, Whose Freedom? // *Political Theory*. 44, no. 5 (2016): 669-78. URL: <https://doi.org/10.1177/0090591716663361>.
 Bingham, Tom. *The Rule of Law*. London, New York: Allen Lane, 2010.
 Burgers, Laura. Should Judges Make Climate Change Law? // *Transnational Environmental Law*. 9, no. 1 (2020): 55-75. URL: <https://doi.org/10.1017/s2047102519000360>.
 Denizeau-Lahay, Charlotte. La Genèse Du Bloc De Constitutionnalité // *Les catégories de normes constitutionnelles*. Titre VII, no. N° 8 (avril 2022). URL: <https://tinyurl.com/2566qefk>.
 Dicey, Albert Venn. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. 8th ed. London: MacMillan, 1926.
 Dixon, Rosalind, and Landau, David. *Introduction: A Dark Side of Comparative Constitutional Law*. Oxford University Press (UK), 2021.
 Doyle, William. *The Oxford Handbook of the Ancien Régime*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
 Ely, John Hart. *Democracy and Distrust a Theory of Judicial Review*. Harvard University Press, 1980. DOI: 10.2307/j.ctv102bj77. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv102bj77>.
 Fallon, Richard H. Legitimacy and the Constitution // *Harvard Law Review*. 118, no. 6 (2005): 1787-853. URL: <http://www.jstor.org/stable/4093285>.
 Frazer, James George. *The Golden Bough a Study in Magic and Religion* / Ed. by Inc NetLibrary. Oxford: Oxford University Press, 1998.
 Ginsburg, Tom, and Versteeg, Mila. Why Do Countries Adopt Constitutional Review? // *Journal of law, economics, & organization*. 30, no. 3 (2014): 587-622. URL: <https://doi.org/10.1093/jleo/ewt008>.
 Hamilton, Alexander. *The Federalist Papers* / Ed. by Inc NetLibrary. Champaign, IL; Boulder, Colo.: Project Gutenberg, NetLibrary, 1990.

- Hirschl, Ran. *Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198714514.001.0001.
- Jestaedt, Matthias; Oliver Lepsius; Christoph Möllers; and Christoph Schönberger. *The German Federal Constitutional Court: The Court without Limits*. 1 ed. Oxford: Oxford University Press, 2020. DOI: 10.1093/oso/9780198793540.001.0001.
- Kirby, James. A. V. Dicey and English Constitutionalism // *History of European ideas*. 45, no. 1 (2019): 33–46. URL: <https://doi.org/10.1080/01916599.2018.1498012>.
- Kumm, Mattias. The Idea of Socratic Contestation and the Right to Justification: The Point of Rights-Based Proportionality Review // *Law & ethics of human rights*. 4, no. 2 (2010): 142–75. URL: <https://doi.org/10.2202/1938-2545.1047>.
- Linos, Katerina, and Melissa Carlson. Qualitative Methods for Law Review Writing // *The University of Chicago law review*. 84, no. 1 (2017): 213–38.
- Martial, Mathieu. La Justice Constitutionnelle En France, Du Rejet à L'adoption // *Revista Jurídica da UFRSA*. 6, no. 12 (2022): 204–16. URL: <https://doi.org/10.21708/issn2526-9488.v6.n12.p204-216.2022>.
- Meguro, Maiko. State of the Netherlands V. Urgenda Foundation // *The American journal of international law*. 114, no. 4 (2020): 729–35. URL: <https://doi.org/10.1017/ajil.2020.52>.
- Orford, Anne. In Praise of Description // *Leiden Journal of International Law*. 25, no. 3 (2012): 609–25. DOI: 10.1017/S0922156512000301. URL: <https://www.cambridge.org/core/product/C8D879D8875229DFE4F1E0C34B4EA55B>.
- The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. Oxford University Press, 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199578610.001.0001>.
- Popelier, Patricia; Glavina, Monika; Baldan, Federica; and Zimmeren, Esther van. A Research Agenda for Trust and Distrust in a Multilevel Judicial System // *Maastricht journal of European and comparative law*. 29, no. 3 (2022): 351–74. URL: <https://doi.org/10.1177/1023263X221096026>.
- Proust, Marcel. *Contre Sainte-Beuve : Précédé De Pastiches Et Mélanges Et Suivi De Essais Et Articles* / Edited by Pierre Clarac. Paris, 1971.
- Rosenfeld, Michel. 38 B. Comparative Constitutional Analysis in United States Adjudication and Scholarship // *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*. Oxford University Press, 2012. URL: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199578610.013.0003>.
- Ross, Bertrall L. Democracy and Renewed Distrust: Equal Protection and the Evolving Judicial Conception of Politics // *California law review*. 101, no. 6 (2013): 1565–640.
- Roux, Theunis, and J. Hagan. Comparative Constitutional Studies: Two Fields or One? // *Annual review of law and social science*. 13, no. 1 (2017): 123–39. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-lawsocsci-110316-113534>.

- Sachs, Albie.* We, the People. Insights of an Activist Judge. Wits University Press, 2016. DOI: 10.18772/12016119988. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.18772/12016119988>.
- Serrand, Pierre.* La Question Prioritaire De Constitutionnalité // *Giornale di storia costituzionale*. 27 (2014): 163–76.
- Sonntag, Niklas.* An Introduction to Swedish Constitutional Law // *Vienna online journal on international constitutional law*. 4, no. 4 (2010): 663–81. URL: <https://doi.org/10.1515/icl-2010-0408>.
- Thomas, St., Aquinas.* Summa Theologica Part I-II (Pars Prima Secundae). Jazzybee Verlag, 2012.
- Tamanaha, Brian Z.* How an Instrumental View of Law Corrodes the Rule of Law // *DePaul Law Review*. 56, no. 2 (2007). URL: <https://via.library.depaul.edu/law-review/vol56/iss2/12>.
- Theil, Stefan.* Cautious Scrutiny: The Federal Climate Change Act Case in the German Constitutional Court // *Modern law review*. 86, no. 1 (2023): 263–75. URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12746>.
- Troper, Michel.* À Quoi Sert La Séparation Des Pouvoirs ? Le Point De Vue De La Théorie Du Droit // *La séparation des pouvoirs. Titre VII N° 3*. (2019). URL: <https://tinyurl.com/2agwjc5u>.
- Troper, Michel.* L'histoire Du Droit, Le Droit Comparé Et La Théorie Générale Du Droit // *Revue internationale de droit comparé*. 67, no. 2 (2015): 331–40. URL: <https://doi.org/10.3406/ridc.2015.20504>.
- Troper, Michel.* Sovereignty and Natural Law in the Legal Discourse of the Ancien Régime // *Theoretical inquiries in law*. 16, no. 2 (2015): 315–36. URL: <https://doi.org/10.1515/til-2015-103>.
- Tushnet, Mark.* Advanced Introduction to Comparative Constitutional Law // *Comparative Constitutional Law*. Second ed. Cheltenham: Edward Elgar, 2018.
- Tushnet, Mark V.* Review of Origins of the Bill of Rights, and: Constitutional Construction: Divided Powers and Constitutional Meaning // *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 31. No. 2, 2000. P. 290–291. Project MUSE, <https://muse.jhu.edu/article/16076>.
- Vyhnánek, Ladislav; Blechová, Anna; Bátrla, Michael; Míšek, Jakub; Novotná, Tereza; Reichman, Amnon; and Harašta, Jakub.* The Dynamics of Proportionality: Constitutional Courts and the Review of Covid-19 Regulations // *German law journal*. 25, no. 3 (2024): 386–406. URL: <https://doi.org/10.1017/glj.2023.96>.
- Авакьян С. А.* Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // *Конституционное и муниципальное право*. 1 (2024). URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-1-2-12>.
- Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012.
- Бабурин С. Н.* Аксиологическая трансформация современного российского конституционализма // *Государство и право*. No. 12 (2023). URL: <https://doi.org/10.31857/S102694520029289-8>.

- Добрынин Н. М.* Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: веки и векторы // Государство и право. No. 9 (2023). URL: <https://doi.org/10.31857/S102694520027638-2>.
- Клишас А. А.* Публичное право стран Латинской Америки. В 2 тт. Т. 1. Международные отношения, 2016.
- Кобзарь-Фролова М. Н.* О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. No. 12 (2023). URL: <https://doi.org/10.31857/S102694520029366-3>.
- Конев Н. С.* Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. No. 12 (2023). URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-12-17-19>.
- Кузнецов Д. А.* Дело «Urgenda»: проблема разделения властей в контексте имплементации экологических обязательств государства (часть I) // Журнал конституционного правосудия. 3 (81) (2021). URL: <https://doi.org/10.18572/2072-4144-2021-4-30-38>.
- Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Юстицифнорм, 2010.
- Чертков А. Н.* Государственная власть на современном этапе: вызовы, функции, ориентиры совершенствования // Конституционное и муниципальное право. No. 11 (2023). URL: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2023-11-12-16>.

Abstract. Most often, when discussing the method, goals, and subject of comparative constitutional law, the discussion (if it is not reduced to a banal description of existing phenomena) is based on listing the similarities and differences of certain legal systems, institutions, or characteristics of sources of law. Such an approach was and, in many ways, remains typical for university courses on “constitutional law of foreign countries.” A. A. Mishin’s comparative legal studies seem to be based on an excellent idea of the universality of principles and values underlying constitutional law; it attempts to look at the essence of legal phenomena that form the basis of legal systems, discussing not the external features of certain legal institutions in a kind of catalogue of disparate states or legal families, the choice of which is conditioned by the traditional division into “more or less important” countries, but tries to establish holistic institutional patterns of development of constitutional law. This essay will attempt to apply the ideas of August Alekseevich to modern constitutional law and discuss the role of the comparative method in the study of this branch, which is fundamental to any legal system.

DOI: 10.55167/d2da57fc463e

Конституционные модели распределения чрезвычайных полномочий в постсоциалистических демократиях: дисперсия суверенитета или торжество парламентаризма?

Ирина Алебастрова

Доктор юридических наук, профессор Свободного университета

I. Введение

Среди полномочий органов публичной власти неизбежно имеются полномочия чрезвычайные. Их основное предназначение заключается в обеспечении государственного суверенитета¹. Вместе с тем их наличие содержит угрозу принципам правового демократического государства, поскольку, как подчеркивал Карл Шмитт, реально суверенитет принадлежит не тому, кто принимает законы, а тому, кто их отменяет². Осуществляется же такая отмена, как правило, в условиях экстраординарных режимов посредством осуществления чрезвычайных полномочий. Именно для того, чтобы обеспечить баланс названных конституционных ценностей: защитить в случае необходимости государственный суверенитет и общественный порядок, но предотвратить концентрацию и узурпацию власти, чрезвычайные полномочия органов публичной власти, прежде всего — высших органов государственной власти, регламентируются современными конституциями все более обстоя-

1. См.: Partlett W., Küpper H. The Post-Soviet as Post-Colonial: A New Paradigm for Understanding Constitutional Dynamics in the Former Soviet Empire. Edward Elgar, 2022. P. 139.

2. См.: Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 17–18.

тельно³. Конституции устанавливают содержание и перечень чрезвычайных полномочий, порядок их осуществления, модель их распределения между высшими органами государственной власти. К числу таких полномочий относятся верховное главнокомандование и командование вооруженными силами государства, объявление войны, введение военного и чрезвычайного положений, использование вооруженных сил страны за ее пределами, объявление мобилизации. В настоящей статье будет рассмотрено регулирование данных полномочий конституциями тех постсоциалистических государств, которым не чужды демократические ценности.

В свою очередь, важнейшим фактором, который обуславливает модель (и нюансы) распределения чрезвычайных полномочий между высшими органами государственной власти, является форма правления, установленная конституцией государства. Следует отметить, что первичное представление о внутривидовом разнообразии форм правления, о распределении полномочий между высшими органами государственной власти в рамках различных форм правления я получила, осваивая курс профессора Августа Алексеевича Мишина по государственному праву буржуазных и развивающихся стран⁴. Данные диковинные характеристики государства, не особенно востребованные советской наукой государственного права при анализе отечественной государственности, почему-то запали мне в душу, удивив множеством деталей и возможных вариантов.

А довольно скоро в нашей стране началась демократизация, и вопрос о выборе формы правления встал перед отечественной наукой и политической практикой весьма остро. Вряд ли можно утверждать, что форма правления России, установленная Конституцией 1993 года, — смешанная президентско-парламентарная с гипертрофированной ролью президента РФ в государственном механизме — была выбрана

3. См.: Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М.: Институт права и публичной политики, 2021. С. 514–531.

4. См.: Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Учебник для вузов. 17-е изд. М.: Статут, 2017. С. 49–58.

удачно, поскольку она не установила надежных противоядий возрождению диктатуры. Тем более важно не ошибиться второй раз и заложить в будущую Конституцию демократической России модель организации публичной власти, базирующуюся на обоснованном и эффективном механизме сдержек и противовесов. Важным вкладом в процесс выработки концепции демократической организации публичной власти является непредвзятое и тщательное осмысление зарубежного опыта, чему, собственно, посвятил свою профессиональную деятельность профессор А. А. Мишин и чему он учил нас — своих студентов (помню его слова, сказанные на одной из лекций еще в доперестроечные 80-е годы: «Капитализм можно много ругать, но ругать за то, что он заслуживает, а не за то, что при нем есть выборы и парламенты»).

Представляется, что обогащение такого опыта множеством нюансов произошло в рамках конституционного развития молодых постсоциалистических демократий — стран, которые после отказа от социалистической модели бытия более или менее успешно и последовательно двигаются по извилистому пути освоения демократических ценностей. Речь идет о тех постсоциалистических странах, которые в терминологии журнала одного из самых известных рейтингов государств по уровню демократии, ежегодно публикуемых журналом *The Economist*, являются несовершенными демократиями и гибридными режимами. Таких стран нынче — по результатам рейтинга за 2023 год — 21 (из 29 постсоциалистических государств)⁵.

2. Форма правления постсоциалистических демократий

Представляется, что форму правления постсоциалистических государств рассматриваемой группы можно охарактеризовать как суперпарламентарную⁶, хотя по формальным признакам в большинстве из них, а именно в 15, она является смешанной,

5. См.: Democracy Index 2023. EIU Report. URL: <https://tinyurl.com/27m8wxhc> (дата обращения: 06.02.2025).

6. См. подробнее: Алебастрова И. Представительное правление и плебиситарная демократия: новая попытка гармонизации на пост-

характеризуемой в литературе как парламентарно-президентская⁷ (в остальных шести постсоциалистических странах она напоминает классическую парламентскую республику с парламентским способом избрания президента⁸). Вкрапление президентской республики в форме правления указанных государств представлено единственным элементом: прямыми выборами президента. Однако полномочия главы государства являются настолько незначительными, урезанными даже по сравнению с главами классических парламентских республик, что прямые выборы президентов соответствующих государств ничего не меняют в характеристике их формы правления как парламентарной республики.

Наиболее ярко ослабление фигуры президента в рассматриваемых странах проявляется в том, что президенты не только однозначно лишены каких бы то ни было регулирующих и управленческих полномочий (что характерно для парламентарной республики в принципе), но и функций хранителей ключей от хорошего управления, арбитров во взаимоотношениях между парламентом и правительством: в большинстве демократических и гибридных постсоциалистических государств президенты лишены какого бы то ни было усмотрения, самостоятельности, инициативы при решении вопросов формирования правительства, его отставки, отставки отдельных министров и роспуска парламента. Все эти вопросы решаются по усмотрению парламента. Президент же в большинстве постсоциалистических демократий лишь объявляет о соответствующем решении.

Итак, небывалая слабость президентов постсоциалистических государств, находящихся ныне в демократическом пространстве (сопоставимая разве что с конституционным статусом императора Японии), при одновременном усилении

социалистическом пространстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 1–31.

7. К числу таких стран относятся Литва, Молдова, Украина, Болгария, Польша, Румыния, Чехия, Словакия, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Монголия.

8. Речь идет об Албании, Венгрии, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии.

позиций парламентов позволяет охарактеризовать их как модернизированные парламентарные республики, а точнее — республики суперпарламентарные, для которых характерно сочетание юридически ослабленного даже по сравнению с президентами классических парламентарных республик президента с его прямыми выборами. Укрепление роли парламентов как политических и управленческих акторов проявляется прежде всего в том, что именно парламентам отведена монопольная или близкая к ней роль в формировании правительств, при этом они не могут быть распущены по усмотрению президента или иного внешнего актора.

3. Чрезвычайные полномочия высших органов государственной власти в конституциях различных поколений и при различных формах правления: к постановке вопроса

Как уже отмечалось, важную роль в системе сдержек и противовесов играет распределение между президентами, парламентами и правительствами чрезвычайных полномочий.

Следует отметить, что полномочия, связанные с введением и отменой экстраординарных режимов, а также осуществляемые в период их действия, с одной стороны, были установлены уже в первых конституциях с целью не допустить ни угроз демократии, ни злоупотребления ею, что в конце концов тоже оборачивается рисками. С другой стороны, уже со времени принятия первых конституций они стали своего рода серой зоной во взаимоотношениях между законодательной и исполнительной ветвями власти. Действительно, Конституция США признала за конгрессом право объявления войны и мира, а президента объявила верховным главнокомандующим. Но она не регламентирует полномочия в условиях ведения войны и подобных операций. Как при их проведении должны быть распределены полномочия между законодательной и исполнительной ветвями государственной власти? Кто принимает решение о проведении военных операций за пределами территории страны без объявления войны, как должны разграничиваться полномочия по решению проблем, связанных с веде-

нием военных действий: мобилизацией, объявлением военного положения и ограничением прав? Проблемы разграничения чрезвычайных полномочий касаются и механизмов реагирования власти на внутренние экстраординарные ситуации. Конституция США данные вопросы не регламентирует (как не затрагивает, будучи весьма кратким документом, и многих других вопросов организации государственного механизма, политической и экономической систем, а также социальных отношений⁹), а вот конституции второй и третьей волн стали содержать соответствующие положения, более тщательно регулируя экстраординарные режимы и связанные с ними чрезвычайные полномочия. При этом для того, чтобы не допустить перетекания суверенитета в один сосуд в условиях чрезвычайных режимов, ослабить соблазн их введения как предлога для концентрации власти, демократические государства распределяют чрезвычайные полномочия между разными государственными органами, а именно между парламентом, президентом и правительством, заботясь вместе с тем и о том, чтобы государство могло с чрезвычайными вызовами успешно справиться. Это общая черта конституционно-правового регулирования чрезвычайных полномочий. Однако имеет место и его вариативность от страны к стране, особенно — с различными формами правления. В президентских (не говоря уж о суперпрезидентских) и президентско-парламентарных республиках более весомые чрезвычайные полномочия имеют президенты, хотя парламенты тоже не лишены влияния на решение вопросов об объявлении, реализации и прекращении чрезвычайных режимов. Парламентарные же республики стремятся в рассматриваемой сфере повысить роль парламентов.

9. См.: Мишин А. А. Конституция США — первая писаная буржуазная конституция // Конституция США: история и современность. М.: Юридическая литература. 1988. С. 79.

4. Виды чрезвычайных полномочий и их распределение в постсоциалистических демократиях

Вписываются ли в общую концепцию суперпарламентарной республики модели распределения чрезвычайных полномочий между президентами, парламентами и правительствами, установленные конституциями постсоциалистических демократий? Или чрезвычайные режимы остаются той сферой, где президенты могут проявить себя как резервные фигуры в расчете на то, что именно они станут твердой и реальной опорой суверенитета и демократии соответствующих государств (выступая в роли бронепоезда, стоящего на запасном пути)?

Начнем с классических функций и полномочий президентов и парламентов чрезвычайного характера, которые были известны уже первым конституциям. Это объявление войны и заключение мира, а также верховное главнокомандование вооруженными силами.

4.1. Объявление войны и заключение мира

Это может показаться удивительным, но, в отличие от конституций первой волны, *полномочие объявлять войну* упоминается далеко не во всех современных конституциях. Например, в конституциях лишь 11 из 21 стран молодой постсоциалистической демократии упомянуто полномочие объявлять войну, да и то в четырех из них упомянуто об объявлении *состояния* войны (Украина, Польша, Румыния, Монголия). В семи других — Латвии, Армении, Болгарии, Словакии, Сербии, Хорватии и Северной Македонии данное полномочие упомянуто без использования смягчающих выражений — именно как объявление войны и заключение мира. О чем свидетельствует данная статистика: почему объявление войны является исчезающим конституционным полномочием? Ответ на данный вопрос коренится прежде всего в практической плоскости: практики объявления войны не стало, в течение XX века она сошла на нет. Отсутствие такой практики, в свою очередь, во-первых, является следствием того, что военных столкновений стало меньше в принципе, война перестала быть образом жизни. Если же военные дей-

ствия имеют место, они происходят под лицемерным названием «военные операции», то есть без объявления войны. Во-вторых, самостоятельной причиной отсутствия упоминания об объявлении войны в конституциях является выражением стремления авторов конституций поддержать эту тенденцию пацифизма — «лучшего в нас»¹⁰, и от греха подальше спрятать данное полномочие в текущее законодательство (в России, например, оно содержится не в Конституции, а в Федеральном законе «Об обороне» (статья 18)¹¹) или вообще о нем не упоминать. В данной связи следует отметить, что конституции пяти государств рассматриваемой группы (Польши, Чехии, Словакии, Латвии, Монголии) содержат ограничения права объявлять войну (или ее состояние) случаями вооруженного нападения на территорию страны. При этом конституции Польши, Чехии и Словакии устанавливают в качестве основания объявления войны также необходимость выполнения международных обязательств, а Конституция Монголии — необходимость отражения угрозы независимости и суверенитету государства. Как видно, в Польше, Чехии, Словакии и Латвии конституции устанавливают весьма жесткие ограничения применению полномочия объявления войны, в Монголии же возможность объявления войны при существовании угрозы независимости страны содержит некоторый элемент неопределенности, а следовательно — возможности для злоупотреблений. Разумеется, еще больше таких возможностей допускают конституции тех стран, конституции которых не устанавливают перечня исчерпывающих оснований объявления войны (или ее состояния).

Кому же принадлежит полномочие объявления войны в молодых постсоциалистических демократиях? Как распределяются роли между главой государства, законодательной и исполнительной ветвями государственной власти? Разброс вариантов таков:

10. См.: *Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше.* М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

11. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

- в пяти странах решение об объявлении войны принимает парламент (Болгария, Северная Македония, Монголия, Чехия, Румыния, в Румынии — на совместном заседании палат);
- решение принимает парламент, глава государства объявляет это решение (Латвия, Словакия, Хорватия);
- решение принимает парламент (нижняя палата), а если парламент не может собраться на заседание — президент при последующем утверждении парламентом (Болгария, Польша);
- решение принимает парламент, а если он не может собраться, решение об объявлении войны принимается совместно президентом, главой парламента и премьер-министром при последующем утверждении парламентом (Сербия);
- решение принимает парламент, но только по предложению правительства, а если парламент не может собраться на заседание — правительство (Армения);
- решение принимает парламент, но только по предложению президента (Украина, Латвия).

Какие выводы позволяет сделать сравнительный анализ данных подходов? В четырех из 11 стран войну может объявить только парламент. К ним, вроде бы, примыкают еще три страны, в которых у президента имеется функция обнародования принятого парламентом решения. Казалось бы, функция техническая. Но возникает вопрос: если президент сочтет, что при принятии решения парламент нарушил конституцию, ее принципы, может ли он отказаться объявить об этом решении? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Представляется, что президент может в подобных случаях счесть, что решение в смысле, придаваемом данному полномочию конституцией, не принято (в Словакии, например, если не соблюдено условие о вооруженном нападении на страну) и отказаться его объявить.

В четырех странах (Польша, Болгария, Армения, Сербия) конституциями предусмотрено замещение парламента, если он не может собраться на заседание. В Болгарии и Польше

в данном случае решение о состоянии войны принимает президент, в Армении — правительство, а в Сербии — объявление войны должно быть совместным решением президента, спикера парламента и премьер-министра. Понятно, что такой подход — замещение парламента должностными лицами или более компактной коллегией — объясняется опасностью промедления. Сам по себе он не содержит угрозы парламентскому верховенству, ибо соответствующие решения нуждаются в последующем утверждении парламентом. Этого нельзя сказать о другой модели процедуры объявления войны — заключающейся в принятии решения парламентом, но не по своей инициативе, а по предложению правительства (Армения) или президента (Латвия и Украина). Такой подход также обусловлен соображениями обеспечения компетентности и срочности при принятии соответствующих решений. Парламенту в рамках данной модели принадлежит, по сути, контролирующая функция. Конечно, это немало. Однако повестку дня определяет в данных странах не парламент, что, по сути, делает роль президента или правительства, с одной стороны, и парламента — с другой, сопоставимой. Разные подходы к определению инициаторов объявления войны в трех упомянутых странах обусловлены разными подходами к решению вопроса о главнокомандовании их вооруженными силами: в Латвии и Украине главнокомандующим является президент, а в Армении данный институт не предусмотрен на мирное время, в военное же время главнокомандом становится премьер-министр (модель, которая во многом заимствована из Основного закона ФРГ).

Как видно, для конституций большинства стран, предусматривающих объявление войны, характерно стремление заложить значительную роль парламента в решении данного вопроса, что обусловлено стремлением обеспечить гражданский парламентский контроль за столь судьбоносным решением. С другой стороны, в силу опять же срочности, необходимости компетентности и наибольшей информированности о ситуации конституции некоторых стран предусматривают более или менее значительную включенность в решение данного вопроса правительства и президента.

Обычно конституции, регулирующие процедуру объявления войны, устанавливают аналогичную процедуру заключения мира.

4.2. Главнокомандование вооруженными силами

Регламентация конституциями постсоциалистических демократий организации *главнокомандования вооруженными силами* государства также характеризуется заметным разнообразием, проявляя при этом неодинаковую степень приверженности принципам парламентаризма и гражданского контроля за вооруженными силами¹². Позиция верховного главнокомандующего или его аналога (вождь вооруженных сил — в Латвии) предусмотрена конституциями 13 из 21 страны, в конституциях семи стран такой позиции нет, они содержат прагматичные функциональные нормы о конкретных чрезвычайных полномочиях и порядке их осуществления. Это Грузия и бывшие югославские республики. В Эстонии и Армении верховный главнокомандующий назначается только в военное время: в Эстонии он назначается парламентом по представлению президента, в Армении соответствующие полномочия вверяются премьер-министру.

В большинстве тех стран, где позиция верховного главнокомандующего (главнокомандующего, вождя) вооруженных сил конституциями предусмотрена, ее занимает президент, но в Армении — премьер-министр. При этом позиция президента как верховного главнокомандующего обозначена без каких бы то ни было оговорок в семи странах (Украина, Молдова, Румыния, Болгария, Чехия, Словакия, Монголия), а с оговорками о том, что президент действует не самостоятельно, а через посредство других органов — в пяти (Албания, Венгрия, Латвия, Литва, Польша). Данная оговорка делает главкома скорее инструментом гражданского контроля за вооруженными силами. Например, Конституцией Албании президент объявлен верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, но в мирное время он действует через посредство председателя

12. См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Отв. ред. Б. А. Страшун. Т. 1–2. М.: БЕК, 2000. С. 158–161.

Совета министров и министра обороны, а в военное — назначает главнокомандующего.

4.3. Объявление военного и чрезвычайного положений

Введение военного и чрезвычайного положений во всех странах рассматриваемой группы осуществляется при включенности в данную процедуру парламента и президента (в некоторых странах вместо президента — правительства или премьер-министра). Так, конституции 11 стран предусматривают, что решения о введении военного положения или чрезвычайного положения принимаются парламентом, конституции пяти государств вверяют данное полномочие президенту: это Грузия, Украина, Польша, Словакия, Румыния (при этом в трех из этих стран президент действует не самостоятельно, а по предложению правительства или премьер-министра), в двух государствах названные экстраординарные режимы объявляются правительством (Латвия, Армения). При этом соответствующие решения президента или правительства нуждаются в последующем утверждении парламента. В конституциях трех стран (Боснии и Герцеговине, Хорватии, Чехии) данный вопрос не регулируется, в них содержится отсылка к текущему законодательству. При этом в шести из 11 стран, в которых чрезвычайное и военное положения вводятся парламентом, он это может сделать по своему усмотрению (Венгрия, Литва, Молдова, Сербия, Черногория, Монголия). В пяти же из них парламент не вправе объявить военное или чрезвычайное положение по собственной инициативе, действуя по предложению президента (военное положение — в Албании и Эстонии), правительства (в Словении, чрезвычайное положение — в Албании и Эстонии), президента или правительства (Болгария), президента, правительства или определенного числа депутатов парламента (Северная Македония). Как видно, монопольным инициатором введения военного и чрезвычайного положений президент является лишь в пяти странах, а только военного положения — в семи. В остальных 14 странах роль президента при принятии решений о введении военного и чрезвычайного положений ограничена в пользу парламента и исполнительной власти. Особенно заметной является тенденция продвиже-

ния роли правительства или его главы, что в большей степени соответствует парламентарной форме правления данных государств и является более демократичным подходом: при всей срочности даже инициатива установления особых режимов в большинстве государств рассматриваемой группы не отдается на откуп одному человеку.

Далее, конституции 10 стран предусматривают, что в особо срочных случаях, если при этом парламент не может быть быстро созван на заседание, решение о введении военного или чрезвычайного положения принимают иные субъекты: Президент (Албания, Венгрия, Литва, Молдова, Сербия, Словения, Северная Македония, Монголия, Эстония; при этом в Эстонии — только о введении военного положения, а в Албании президент действует по предложению правительства) или правительство (Эстония — только о введении чрезвычайного положения), а в Черногории — Совет национальной обороны и безопасности, состоящий из президента, премьер-министра и спикера парламента. Во всех случаях принятое решение нуждается в последующем утверждении парламентом. Как видно, только в Болгарии парламент не может быть устранен от первичного принятия чрезвычайных решений даже в срочных случаях.

Важно, что в большинстве конституций предусмотрен срок введения военного и чрезвычайного положений, по истечении которого вопрос о продлении рассматривается парламентом. Так, в соответствии с Конституцией Албании чрезвычайное положение может быть введено на срок до 60 дней, после чего может быть продлено Кувендом (парламентом) на срок, устанавливаемый им; Венгрии — до 30 дней, после чего может быть пролонгировано государственным собранием (парламентом).

4.4. Объявление мобилизации и демобилизации

Основания и порядок проведения *мобилизации* регулируются в конституциях в 11 из 21 рассматриваемого государства. При этом в четырех государствах мобилизация объявляется президентом без участия парламента: президент Монголии это делает единолично; в Болгарии, Польше и Словакии президент

не вправе объявлять мобилизацию самостоятельно, действуя по предложению правительства (Болгария, Словакия) или Премьер-министра (Польша). В семи же конституциях, то есть в большинстве основных законов, регулирующих основы порядка мобилизации, в объявлении мобилизации так или иначе участвует парламент. Например, в Албании и Эстонии мобилизация объявляется парламентом по предложению президента. По сути аналогичную модель предусматривает Украина: мобилизация в данной стране объявляется Президентом при последующем утверждении Верховной радой, то есть парламентом. В Румынии и Молдове мобилизацию тоже объявляет президент с предварительного (в Румынии — в исключительных случаях — последующего) согласия парламента. В Армении это делает правительство, но его постановление может быть отменено парламентом. В Литве мобилизацию объявляет сейм, который вправе действовать самостоятельно, а если парламент не заседает, то мобилизация может быть объявлена только в случае вооруженного нападения на Литву президентом страны при последующем утверждении парламентом. Как видно, лишь в Монголии Конституция доверяет президенту единоличное объявление мобилизации.

Конституции четырех стран предусматривают основания проведения мобилизации, ограничивая соответствующие органы обстоятельствами, с которыми может быть связано ее осуществление. В качестве таких обстоятельств конституции называют совершение военной агрессии и введение военного положения (Албания), военное время (Эстония), вооруженное нападение на страну или его непосредственная угроза (Армения), непосредственная внешняя угроза суверенитету и независимости государства (Польша). Установление круга таких обстоятельств ограничивает возможности мобилизации, особенно если она увязана конституцией только с введением военного положения и вооруженным нападением на страну¹³.

13. См.: *Пахомов В. В.* Историко-правовые аспекты становления мобилизации и мобилизационной подготовки в зарубежных странах // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. № 1 (5). С. 128–135.

4.5. Использование вооруженных сил государства за границей

Использование вооруженных сил государства за его пределами регулируется на конституционном уровне еще меньшим количеством государств — молодых постсоциалистических демократий: всего девятью. При этом в большинстве из них конституции вверяют данное полномочие парламенту. Президент же так или иначе участвует в данной процедуре только в трех странах. Самые сильные позиции в рассматриваемой сфере занимает президент Украины, который принимает решение об использовании вооруженных сил страны за ее пределами с последующим утверждением Верховной радой. В Эстонии это делает парламент, но только по предложению президента и только для выполнения международных обязательств. Еще более ограничен в данной сфере президент Грузии: он принимает решение об использовании вооруженных сил страны за ее пределами только по предложению правительства, с последующим утверждением парламентом и только для выполнения международных обязательств. В Болгарии, Сербии, Чехии, Черногории и Венгрии решение об использовании вооруженных сил за пределами территории государства принимает парламент, причем самостоятельно (впрочем, правительство Венгрии может принять решение об использовании венгерских вооруженных сил в военных операциях ЕС и НАТО). В Словакии решение об использовании вооруженных сил за границей тоже принимает парламент, действуя, однако, по предложению правительства.

5. Заключение

Проведенный анализ чрезвычайных конституционных полномочий и их распределения между высшими органами государственной власти в постсоциалистических демократиях позволяет сделать вывод о том, что даже в данную сферу, традиционно считающуюся вотчиной, последним прибежищем главы государства, проникают буква и дух парламентаризма. В большинстве конституций соответствующих государств вовлеченность парламента в осуществление чрезвычайных

полномочий выходит за пределы роли контролирующей инстанции, позволяя парламенту быть полноценным актором, который самостоятельно принимает решения в условиях экстраординарных ситуаций. Это является одним из аргументов в пользу характеристики формы правления молодых пост-социалистических демократий как суперпарламентарной республики, установление которой в данных государствах объясняется «конституционным страхом»¹⁴ возрождения диктатуры.

DOI: 10.55167/8c2a74a17afd

14. См.: *Шайо А.* Самоограничение власти, краткий курс конституционализма. М.: Юристъ, 2001. С. 11–18.

Конституция как морковка. Место и роль конституции в системе права и в системе законодательства

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, профессор Свободного университета

Аннотация. Данная статья — это попытка восполнения пробела в отечественной конституционно-правовой науке о месте и роли конституций в системе права и в системе законодательства. В ней рассматриваются юридическая природа конституции, ее особенности как основного закона, соотношение с другими законами и подзаконными актами, специфика моноконституционных и поликонституционных законодательных систем, соотношение конституций и международных договоров, роль и место конституций в системе источников права в контексте предмета конституционного права.

Ключевые слова: конституционная культура, защита конституции, конституция в системе права, конституция как источник права, юридическая сила конституции, органические законы, конституционные законы, конституция и международные договоры, проектирование конституций, иерархия законов.

*Посвящается моим учителям
Геorgию Васильевичу Барабашеву
и Августу Алексеевичу Мишину*

Эта статья является своего рода анонсом книги под названием «Апология конституции», которую я сейчас пишу. Книга эта — экстракт моих мыслей, лекций и сорокалетнего опыта преподавания конституционного права в трех университетах. Название статьи — «Конституция как морковка» — тоже результат этого опыта. Прекрасную метафору я утащила с зачета по основам советского права, который принимала на мехмате МГУ в начале 80-х годов прошлого века. Тогда на вопрос о месте

конституции в системе законодательства задумчивый пятикурсник-математик, почесав в затылке, изрек ту самую фразу про морковку. Впоследствии она стала крылатой, потому что я использовала ее на протяжении всех лет преподавания конституционного права на юрфаке МГУ, в Вышке и в Свободном университете. Иной раз, встречая своих бывших учеников, первое, что я слышу от них: «Помним конституцию как морковку». Жаль только, что я не зафиксировала имени того поистине талантливого студента, извергнувшего из глубин своей математической души столь точный образ места и значения конституционного права в системе права и конституции в системе законодательства. И именно этой «морковкиной» теории посвящена данная статья.

Итак. Конец XVIII в. можно смело назвать моментом цивилизационного прорыва человечества. А выразился этот прорыв главным образом как раз в появлении *первых конституций современного типа* — США (1787), Польши (май 1791) и Франции (сентябрь 1791). В современном мире под конституцией стали понимать не просто акт высшей юридической силы и акт, закрепляющий основы строения и жизнедеятельности соответствующего государства, но акт, означающий, что в данном государстве нет какого-либо *всевластного субъекта*¹. За прошедшие полтора века конституции триумфально шествовали по миру, совершенствовались и усложнялись, развивалась и конституционная теория. Исследований самых разных ипостасей конституций в юридической науке много. Подробно написано об истории их возникновения, о содержании, о конституционных целеполаганиях и об институтах, о соотношении фактической и юридической конституции, о соотношении конституции и конституционализма. Все это действительно очень важно и интересно. Но почему-то в учебниках и монографиях довольно редко уделяется внимание месту, роли и значению конституций в системе источников права и в системе законодательства. А ведь именно такой формально-юридический под-

1. См. подробнее: Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. Пособие. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 61.

ход к вопросу имеет огромное значение для правоприменения. Если депутат, судья или следователь считают конституцию чем-то оторванным от действующего права, неким отрешенным от каждодневных правовых реалий абстрактным политико-правовым небожителем, то в своих действиях и решениях они будут исходить не из конституционных установлений, а из требований подконституционных или даже подзаконных актов, конституционность которых не всегда очевидна.

Допускаю, что в странах с развитой конституционной культурой такие исследования не особо нужны — конституционный приоритет является само собой разумеющимся, безоговорочным и не требующим специальных доказательств. Один из моих американских студентов-магистрантов на вопрос о том, что для американцев Конституция, ответил после секундной паузы: «для американцев Конституция — это религия». Легендарный сенатор США Джон Маккейн, прослуживший в сенате 31 год вплоть до своей смерти, всегда носил с собой две книги — Конституцию и Библию. Он часто подчеркивал важность этих двух документов как символов свободы и демократии, а его приверженность им служила ему моральным компасом в политической жизни. Но в переходных странах с неразвитой конституционной традицией² и наследием авторитарной правовой культуры эти нехитрые истины приходится раз за разом объяснять и доказывать.

Из незнания конституции, непонимания ее роли, места и значения возникает вопиющая разница в восприятии правовой действительности, которая ставит в тупик экспертов и политиков стран с более высокой конституционной культурой. С высоты своего восприятия конституционной материи они просто не могут понять, что и почему происходит в нашей стране. Вот несколько примеров. Мы помним, как в 2020 году в России была создана рабочая группа по подготовке поправок к Конституцию, в которую вошла известная спортсменка и член Международного олимпийского комитета Елена Исинбаева. Приступив к своей ответственной работе, эта прекрасная

2. Как известно, в начале XX века только в двух европейских странах — в Турции и в России — не было конституций.

женщина сочла возможным публично сообщить миру о том, что она *впервые* прочитала Конституцию России именно благодаря своему участию в этой группе и посоветовала своим соотечественникам «читать этот документ, так как он содержит много интересной информации»³. Ровно как в стихе, опубликованном на сайте pozdravok.com в разделе стихи о конституции:

Я сегодня прочитал
Книгу, всем известную,
И оттуда почерпнул
Много интересного»⁴.

Вот еще один пример: в сентябре 2024 года несколько депутатов Государственной думы внесли предложение о запрете второго гражданства для граждан Российской Федерации (поправки в закон, в соответствии с которыми появление второго гражданства автоматически влечет за собой лишение гражданства российского)⁵. Но! В статьях 6 и 62 Конституции черным по белому написано: 1) гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации; 2) наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод и не освобождает от обязанностей, вытекающих из российского гражданства; 3) гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. То есть, внося подобные законодательные предложения, наделенные правом законодательной инициативы субъекты не были знакомы с текстом Конституции от слова «совсем». Иначе мне трудно себе представить хоть какую-то мотивацию подобных инициатив. Можно возразить: «Ну что им стоит поменять конституцию?» Ан, нет! Подобное возражение тоже могло бы прозвучать из уст того, кто никогда Конституцию не читал. Ведь

3. См.: <https://lenta.ru/news/2020/02/13/isinbaeva/>.

4. URL: <https://tinyurl.com/23lmlbqk>.

5. URL: <https://tinyurl.com/25nkv6of>.

и 6, и 62 статьи относятся к ее особым неизменяемым главам, внесение поправок в которые депутатам «не по зубам». Чтобы их изменить, придется принимать новую конституцию. Все это называется чудовищным конституционным невежеством. И Елену Исинбаеву, и законодателей, не читавших Конституцию, и огромное число других россиян нужно учить. Лучше, конечно, в школе. Но сначала для этого нужно выучить хотя бы школьных учителей.

А вот другая, диаметрально-противоположная ситуация. В течение двух дней с момента подписания и оглашения в январе 2025 года исполнительного приказа (указа) 47 президента США Дональда Трампа об ограничении предоставления гражданства по праву рождения этот документ оспорили в суде 22 штата и столичный округ Колумбия. Изначально 18 штатов подали иск в суд штата Массачусетс, а затем к ним присоединились еще четыре: Вашингтон, Орегон, Аризона и Иллинойс. Все иски от разных субъектов утверждают, что указ нарушает 14-ю поправку Конституции США, которая гарантирует гражданство детям, рожденным на территории страны, независимо от статуса их родителей. Буквально через сутки действие приказа было приостановлено до рассмотрения вопроса о его конституционности. То есть случилась мгновенная массовая реакция противодействия покушению на конституционные основы. Потому что Конституцию в стране не только читают, но почитают и считают своим долгом защищать.

Для того чтобы в обществе возникали подобные естественные реакции, нужно, чтобы в повседневной жизни каждый из нас мог разбираться в базовых вопросах конституционной теории так же просто, как мы разбираемся с бытовой техникой. Конституция — это основа жизни не только государства, но и каждого из нас. Конституционные реакции на происходящее должны быть автоматическими. Поэтому то, о чем я пишу, не является никаким особым научным открытием. Это, если можно так сказать, некие юридические «кружева», без которых, тем не менее, возникает много недопониманий и ошибок в правоприменительной практике. В том числе потому, что в русскоязычных монографиях, учебниках и в СМИ подобные темы либо не освещаются вовсе, либо затрагиваются по каса-

тельной. Все, что здесь написано, — своего рода констатация сущего, этакое правовое просвещение, которое, как оказалось, совершенно необходимо гражданам стран со слабыми конституционными традициями и искаженным конституционным восприятием.

Первое и главное, что нужно понимать — Конституция не есть некая абстрактная политическая декларация, не нечто запылившееся и стоящее в красном углу на книжной полке. Это рабочий документ для каждодневного употребления, который должен быть в досягаемости каждого из нас в любой момент времени. В этом я полностью солидаризируюсь с сенатором Маккейном. У меня Конституция всегда с собой. Потому что в ней ответы на огромное количество экстренно возникающих вопросов.

Конституция — это закон

Причем закон особый. Сразу оговорюсь, мы рассматриваем здесь только писанные конституции, которых в современном мире подавляющее большинство. Вернее, даже не большинство, а практически все за редчайшими исключениями, такими, например, как конституции Великобритании и Новой Зеландии⁶, сочетающие в себе статутное и прецедентное право, конституционные соглашения и доктринальные источники. Писанные конституции независимо от их модификаций (чуть позже будет рассмотрено) имеют все признаки законов.

6. Конституция Новой Зеландии состоит из (1) *Статутов (актов парламента)* Первый акт был принят в 1846 году, а последний — в 1986 году; (2) *Договора Вайтанги 1840 года* — исторического договора между представителями британской короны и местными маори. Он определяет права коренного населения и их отношения с британской властью; (3) *Распоряжений Исполнительного Совета*, касающихся управления и функционирования исполнительной власти в стране; (4) *Жалованных грамот* (исторических документов, которые также влияют на конституционные нормы); (5) *Судебных решений* (прецедентов судов, уточняющих и интерпретирующих существующие нормы); (6) *Неписаных конституционных обычаев* и (7) *Билля о правах* (1990).

Как известно, таких признаков четыре:

- законы регулируют наиболее значимые, типичные и устойчивые общественные отношения
- законы — это всегда нормативные акты
- законы принимаются, изменяются и дополняются в особом установленном конституцией порядке
- законы обладают высшей юридической силой.

Посмотрим на эти признаки чуть подробнее.

1. *Законами регулируются не любые, а лишь наиболее значимые, типичные и устойчивые отношения.* Все нормативные правовые акты регулируют те или иные общественные отношения. Эти общественные отношения разные. Более или менее стабильные, широко или мало распространенные, возникающие часто или редко, влияющие на широкий круг вопросов или, наоборот, узко направленные. Именно поэтому для множества правил, регулирующих очень разные отношения, предусмотрены и разные виды нормативных правовых актов. Все они общеобязательные, но у всех у них разные объекты, разная юридическая сила и разный порядок принятия, изменения и отмены.

Жизнь намного богаче права. Не право источник жизни, а, наоборот, вся наша переменчивая жизнь является первичным источником права. В жизни всегда происходит что-то неожиданное и непредвиденное. Огромное количество ситуаций, которые даже самые мудрые юридические головы не в состоянии предусмотреть. Право почти всегда отстает от жизни. И лишь в очень редких случаях предусматривает что-либо на будущее. Ярким примером такого перспективного правового регулирования является знаменитая *оговорка Мартенса*⁷. Оговорка Мартенса звучит так: «Впредь до того времени, когда представится

7. Фёдор Фёдорович Мартенс — российский юрист, специалист в области международного права, дипломат, член Совета Министерства иностранных дел Российской империи. Автор фундаментального труда в области международного права «Современное международное право цивилизованных народов» (1882), вице-президент Европейского института международного права (1885), член «Постоянной палаты третейского суда» в Гааге, автор концепции мирного разрешения международных споров.

возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Предыстория оговорки Мартенса восходит к Брюссельской конференции 1874 года, когда по инициативе Российской империи делегатам конференции был предложен проект Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Однако тогда делегаты отказались подписывать проект, в принципе возражая против ограничения войны международными правилами. В результате предложенный документ был принят лишь в виде декларации, не имеющей обязательной силы. И лишь через двадцать пять лет, в 1899 году, в Гааге на первой конференции мира, инициированной Россией, оговорка Мартенса была внесена в преамбулу II Гаагской конвенции 1899 года. Позднее её варианты были использованы в ряде международных соглашений, включая Женевские конвенции 1949 года и дополнительные протоколы к ним. (Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны, также известная как четвёртая Женевская конвенция — принята 12 августа 1949 года). В 1993 году Совет Безопасности ООН включил конвенцию вместе с оговоркой Мартенса в состав норм обычного международного права, что сделало её обязательной для исполнения не только для стран-подписантов, но и всех других стран, вовлечённых в военные конфликты.

Но подобные правовые предвидения случаются редко. Обычно для новых, еще не вполне устоявшихся, не апробированных отношений нужно более гибкое правовое регулирование, которое может оперативно исправляться. Для таких случаев закон не подходит — его корректировка слишком сложна. Всяческие ГОСТы, правила усушки и утруски зерна, нормативы прочности материалов и пр. тоже не подходят для законов. Они все время меняются по мере развития научно-технического прогресса. Отсюда и вариантативность внешних форм права —

мы можем выбирать, в какую внешнюю оболочку поместить то или иное правило. Для удобства и эффективности юристам нужны разные виды нормативных актов, у каждого из которых есть свое собственное предназначение. А законы — только для наиболее значимых, типичных и устойчивых правил. Все вместе эти акты составляют систему законодательства — жестко иерархический и формально определенный набор «вместилищ», внешних оболочек (юристы называют их внешними формами права) для правовых норм.

2. *Законы — это всегда нормативные акты.* В отличие от других видов правовых актов, которые могут быть как нормативными, так и правоприменительными (например, указы президента, постановления и распоряжения правительства и пр.), законы всегда нормативны. Да, конечно, случаются редкие «уродцы» — правоприменительные законы. Но это именно «уродцы», такие артефакты или ситуативные исключения, достойные быть помещенными в юридическую кунсткамеру, ежели таковая когда-нибудь будет создана.

Например, после того как в феврале 1935 года II Всесоюзный съезд колхозников-ударников обратился в ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров (СНК) СССР с предложением основать Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, 21 августа 1938 года Верховный совет СССР принял «Закон о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке»⁸. Почему этот акт нельзя было принять Постановлением Совета Министров — ответа нет. Тем более, что и обращение было в правительство. Но казус имеет место быть. Еще одна парадоксальная правовая ситуация, в результате которой Государственная дума была вынуждена принять несколько правоприменительных законов. В Федеральный закон 1994 года «О статусе члена Совета Федерации Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» забыли включить пункт о том, что одним из оснований прекращения депутатских полномочий является смерть депутата. Поэтому, когда отдельные члены обоих высоких собраний уходили в мир иной, их семьи оставались без какого бы то ни было вспомо-

8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1938. № 11.

ствования. Пока ошибку исправили⁹, прошло четыре года. И за эти четыре года пришлось принимать отдельные правоприменительные законы по отношению к семьям умерших депутатов и сенаторов. Почему опять-таки не постановлениями Правительства, можете спросить вы? Ведь именно на Правительстве лежит обязанность такого обеспечения. А потому, что в то время парламент и правительство еще не соединились в едином порыве в нерушимый тандем, в котором они безоговорочно поддерживают друг друга, и Правительство заявило, что будет исполнять только предписания законов.

3. *Законы принимаются, изменяются и дополняются в особом установленном конституцией порядке.* Это очень важный признак всех законов. Процедура и условия, в которых принимаются законы, крайне важны для оценки их соответствия принципу верховенства права и правовому характеру законов. Она внесена в контрольный список вопросов для оценки состояния верховенства права в отдельных государствах, который является приложением к докладу Венецианской комиссии Совета Европы «О верховенстве права»¹⁰. Сама конституционная процедура принятия законов является важнейшей гарантией их стабильности и юридического верховенства. Но одной только процедуры недостаточно. Каждый парламент имеет свои правила законотворческого процесса, которыми самая строгая процедура может модифицироваться и даже в особых политических режимах (условиях) подвергаться манипуляциям. Этим приемом, например, активно пользуется Государственная дума России. Именно в результате манипулирования законодательными процедурами ей удалось достичь невиданной «скорострельности» в деле изготовления дефектной законодательной продукции, не отвечающей стандартам верховенства права.

9. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 137-ФЗ «О материальном обеспечении членов семьи умершего сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31, ст. 3815.

10. Доклад о верховенстве права, Утверждённый Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 года). URL: <https://tinyurl.com/2364jns9>.

4. *Законы обладают высшей юридической силой.* Про это слышали все, но далеко не все понимают, что это значит. А значит это то, что в случае коллизии (противоречия) закона с подзаконным актом действует норма закона. Допустим, чиновник отказывает вам в реализации вашего права, ссылаясь на ведомственную инструкцию, но вы точно знаете, что в законе сказано иначе. В этом случае у вас есть все шансы преодолеть такое бюрократическое препятствие. Правило о высшей юридической силе закона также означает, что процесс создания любого нормативного акта должен начинаться с того, каким актам более высокой юридической силы и по каким вопросам этот будущий акт должен соответствовать. Потому что, повторяю, право — это не набор эклектических правил, а большая, сложная, взаимосвязанная и взаимозависимая система.

Конституциям присущи все четыре признака законов. Но в отличие от законов обыкновенных (принятых в порядке текущего законодательства), у конституций эти признаки, если можно так сказать, гипертрофированные. Конституции регулируют не просто наиболее значимые, типичные и устойчивые общественные отношения, а наиважнейшие из всех значимых, типичных и устойчивых. Конституции всегда нормативны. Не бывает правоприменительных конституций. При этом часть конституционных норм отличается по своей внутренней структуре от норм законов обыкновенных (в них больше, нежели в других нормативных актах нормы-принципов и норм-определений). Конституции обладают не просто высшей, но наивысшей юридической силой и находятся на вершине иерархической лестницы системы законодательства. Это значит, что ни один нормативный правовой акт не может противоречить конституции, а в случае их коллизии должны действовать конституционные нормы. Именно в этом состоит смысл правила о прямом действии конституции. Конституции принимаются, изменяются и дополняются в наиболее сложном порядке. И это понятно — правовому регулированию самых значимых общественных отношений нужна особая защита от произвольных корректировок, которая обеспечивает устойчивость конституционных норм. То есть все признаки законов у конституций возведены в некую превосходную степень.

Эта особая степень обеспечивает им непререкаемое верховенство. Поэтому конституции называются основными законами. В текстах советских конституций так и было зафиксировано: «Конституция (Основной закон) СССР». Конституция Германии 1949 года вообще не называется конституцией. Для ее обозначения используется единственное название Grundgesetz — Основной Закон.

Итак, конституция — это неотъемлемая важнейшая, можно даже сказать, стержневая часть системы законодательства, без которой вся совокупность нормативных правовых актов перестает быть собственно системой. Ведь именно конституциями определяются виды и иерархия нормативных правовых актов, а сама конституция официально провозглашается вершиной всей системы. Вершина в иерархии — это, конечно, не морковка. Морковка — это корень, центр, ядро. Но кое-что от морковки здесь все же есть — системообразующая роль конституций в определении видов правовых актов и в установлении правил подзаконности. Конституции также могут устанавливать единые требования для всех правовых норм и нормативных актов. Например, в статье 9 Конституции Испании 1978 года закреплено требование о правовой определенности правовых норм (необходимость законности и предсказуемости норм). В ч. 3 ст. 15 Конституции России сказано: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Еще один нюанс из области тонких конституционных материй, который должен быть дополнительно разъяснен — *внутри некоторых конституций нормы различаются по юридической силе*. То есть каждая конституция сама по себе является сложной правовой системой с внутренней иерархией. Внутренняя юридическая сила норм конституции напрямую связана с порядком их принятия/изменения. Чем сложнее порядок, являющийся гарантией охраны нормы, тем выше ее юридическая сила.

Вот некоторые примеры:

Конституция США является жесткой конституцией, где изменения требуют одобрения как Конгресса (две трети голосов в обеих палатах), так и ратификации со стороны трех четвертей штатов. В Конституции также предусмотрены поправки, которые могут иметь разную юридическую силу в зависимости от их содержания.

Конституция Германии обладает жестким характером, требуя для изменений согласия двух третей голосов в Бундестаге и Бундесрате. Но некоторые ее нормы, такие как основные права, имеют особую защиту и не могут быть изменены.

Конституция Франции имеет гибкий характер, позволяя вносить в нее изменения через обычный парламентский процесс или через референдум. Однако некоторые ее положения требуют более сложной процедуры изменения.

В Конституции Индии существуют две категории норм: те, которые могут быть изменены простым большинством в парламенте, и те, для изменения которых требуется согласие штатов.

Ну и, конечно же, *Конституция России*, нормы которой имеют не два, а целых три уровня различной юридической силы. Так, глава 1 «Основы конституционного строя» имеет абсолютное верховенство, которое непосредственно закреплено в Конституции. В статье 16 сказано: «Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации». Это означает, что не только нормы всех остальных глав Конституции должны строго следовать духу и смыслу каждого положения первой главы, но и все остальное законодательство обязано этим положениям соответствовать и подлежать судебной проверке в случаях возникновения сомнений в таком соответствии.

Именно эту норму проигнорировал Конституционный Суд России, когда к нему на проверку в 2020 году поступил проект поправок в Конституцию¹¹. Он самоустранился от рас-

11. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации

смотрения поправок по существу, хотя вносимые поправки фактически блокировали ряд положений первой главы. Суд рассмотрел лишь процедуру их принятия, однако тоже довольно поверхностно и таким образом не выполнил своего главного предназначения охранителя Конституции.

Второй уровень юридической силы норм Конституции России — ее главы 2 и 9. Для них, как и для первой главы, предусмотрен специальный порядок пересмотра (статья 135), неподвластный парламенту. А некоторые нормы второй главы («Права и свободы человека и гражданина») специально усилены в отношении всех остальных законов¹².

Третий уровень российских конституционных норм — это главы с третьей по восьмую с упрощенным порядком пересмотра (статья 136)¹³. Именно этим правилом воспользовался в 2020 году Президент России для реализации конституционного переворота, обнуления сроков и продления своих полномочий, хотя и их умудрился нарушить¹⁴. Но, как ни странно,

и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/.

12. Статья 18. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Статья 55 2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Статья 56 3. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54 Конституции Российской Федерации.

13. Поправки к главам 3–8 Конституции Российской Федерации принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, и вступают в силу после их одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации.

14. См.: Деконструкция Конституции: что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе // Либеральная миссия — Экспертиза. Вып. 8 / Под ред. К. Рогова. М: Фонд «Либеральная Миссия», 2020. URL: <https://tinyurl.com/2c7tnvxm>.

именно этот порядок дает нам некоторую надежду на будущее. С его помощью можно проще и быстрее пройти переходный период от диктатуры к демократии, если для изменений откроется форточка возможностей. Упрощенный порядок внесения поправок в 3-8 главы Конституций позволит не менять Основной Закон на первом этапе, но при этом даст возможность ликвидировать монополизацию и централизацию власти вплоть до смены формы правления.

Моноконституционные и поликонституционные законодательные системы

Когда речь идет о писаных конституциях, нередко возникает путаница. Многие считают, что писаная конституция — это обязательно единый документ. Но это не так, потому что возможны вариации. Конституция может состоять из одного (так, конечно, удобнее) или из нескольких актов. Главное, чтобы вся совокупность актов и каждый из них по отдельности обладали особой юридической силой и принимались/изменялись в особом порядке. Тогда совершенно не важно, какая юридическая композиция находится во главе иерархии. Главное, чтобы было понятно, как действовать в случае коллизии. В мире существуют как моноконституционные, так и поликонституционные законодательные системы. Моноконституционными считают системы, в которых конституции представляют собой единый документ, а все поправки и дополнения непосредственно инкорпорируются в их тексты. В поликонституционных системах верхнюю ступеньку в иерархии нормативных актов занимает не один, а несколько актов, обладающих высшей юридической силой. Все вместе они и есть писаная конституция. И таких систем немало. Иногда они трансформируются друг в друга.

Например, законодательная система первых лет советской власти была поликонституционной, а с 1936 года трансформировалась в моноконституционную. Неотъемлемыми частями Конституции РСФСР 1918 года были Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и Декларация прав народов России, к Конституции СССР 1924 года также прилагались два документа: Договор и Декларация об образова-

нии СССР. Позже оба документа были полностью переработаны и встроены в текст Конституции СССР 1936 года, а потом в Конституцию 1977 года. И совсем не факт, что это было хорошо. Включение положений Договора в Конституцию позволило Союзу усилить централизацию управления, хотя, конечно, федеративные механизмы СССР по сравнению с современной Россией были более эффективными. Если бы Договор об образовании СССР остался самостоятельным документом и не был бы положен на полку в архиве, если бы субъекты федерации такой сложной по многим параметрам страны имели возможность периодически пересматривать и уточнять его, возможно, сегодня на политической карте мы имели бы другое государство. Сейчас нам остается только гадать, что было бы, если бы... У истории, увы, не бывает сослагательного наклонения. Хотя статус и судьба Договора до сих пор будоражат некоторых ученых и политиков, поскольку 15 марта 1996 года Государственная дума России постановила «признать утратившим силу Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР»¹⁵. Это постановление до сих пор не отменено, и мы не знаем, какие еще сюрпризы оно нам готовит, поскольку может быть использовано в разных политических целях.

Конституция *США* также не существует в виде единого документа. Ее неотъемлемыми частями являются Билль о правах (первые 10 поправок) и еще 16 поправок, существующих отдельно. Не имеет единой конституции *Израиль*. Вместо этого существует свод Основных законов, который продолжает развиваться с момента создания государства в 1948 году. В *Сан-Марино* нет единой конституции, однако существуют два основных нормативных акта: Декларация прав граждан и Законодательный статут республики. *Швеция* имеет несколько законодательных актов, которые вместе выполняют функции конституции, включая акты о свободе печати и о форме

15. Постановление ГД ФС РФ от 15.03.1996 № 156-ІІ ГД «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР, и отмене Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года „О денонсации Договора об образовании СССР“» // Собрание законодательства РФ. 25.03.1996. № 13, ст. 1274.

правления. Конституция Канады представляет собой сложный и многоуровневый правовой документ, который включает как писанные, так и неписанные элементы. Основные законы и принципы, регулирующие жизнь в стране, закреплены в нескольких ключевых актах: Конституционный акт 1867 года (Акт о Британской Северной Америке), Акт о Канаде 1982 года, который включает в себя основные права и свободы, Конституционный акт 1982 года и Канадская хартия прав и свобод. Все это — поликонституционные законодательные системы, которые, конечно, немного сложнее моноконституционных, но с точки зрения иерархии нормативных актов ничем особенно друг от друга не отличаются.

Конституционные и органические законы

Есть еще несколько вопросов, о которые спотыкаются рядовые граждане, сталкивающиеся с конституционной терминологией. Например, что такое *конституционные и органические законы и каково их соотношение с конституцией*. Попробуем разобраться. На самом деле здесь не было бы никакой путаницы, если бы Конституцией России 1993 года не был бы введен отдельный вид нормативных актов — федеральные конституционные законы. Поэтому сначала обозначу общий подход к вопросу, а потом отдельно разберу российский сюжет. Итак, законы бывают конституционными и обыкновенными (принятыми в порядке текущего законодательства). Разница между ними в юридической силе и в порядке принятия. С этой точки зрения конституционными следует считать только саму конституцию, законы о поправках в конституцию и/или совокупность актов, составляющих конституцию в поликонституционных законодательных системах. Именно они обладают наивысшей юридической силой и самым строгим порядком принятия. Все остальные законы не могут считаться конституционными по своей сути. Вот яркий пример: 27 октября 1968 года в ЧССР был принят Конституционный закон о Чехословацкой федерации. Он стал ключевым документом в процессе федерализации Чехословакии, преобразовав унитарное государство в федерацию двух равноправных республик: Чешской и Словацкой.

Закон отменил ряд глав Конституции 1960 года о высших органах власти и внес 58 поправок, касающихся новой структуры управления. Положения этого закона не были непосредственно инкорпорированы в текст Конституции, он существовал отдельно. В самой Конституции так и писалось: статья такая-то отменена, смотри соответствующую статью закона о Чехословацкой федерации. То есть два эти конституционных закона вместе составляли Основной закон государства. Кстати, это еще один образец обратной трансформации моноконституционной системы в поликонституционную.

В России конституционными законами можно считать только саму Конституцию, законы о ее поправках и толкования Конституции Конституционным судом (их всего 13), поскольку они имеют конституционную юридическую силу.

Органические законы (в некоторых странах именуются *фундаментальными законами*) — термин, возникший во Франции, который чаще всего применяется к законодательным актам, принимаемым по прямому предписанию конституции (принятие которых предусмотрено в ее тексте) и по своей юридической силе находящимися между конституцией и законами обыкновенными.

Как правило, порядок принятия органических законов и порядок внесения изменений в них отличаются от аналогичного порядка для обычных законов в сторону повышенных требований к голосованию. Такой порядок делает органические законы более стабильными и менее подверженными изменениям по сравнению с обыкновенными законами.

Согласно действующей Конституции Франции, «органические законы» — это краткий фиксированный перечень законов, существование которых предусмотрено в самом тексте Конституции. И хотя они принимаются, как и законы обыкновенные, не на референдуме, для их принятия требуется согласие Конституционного совета Франции.

Конституция Грузии предусматривает принятие органических законов об устройстве и порядке работы парламента, о государственной символике, о гражданстве, о политических партиях, о полномочиях и порядке работы органов местного самоуправления и по некоторым другим вопросам. Проект

органического закона Грузии считается принятым, если он поддержан более чем половиной списочного состава парламента, тогда как обычный закон считается принятым, если за него проголосовало большинство присутствующих депутатов, но не менее одной трети всего депутатского корпуса. Важным органическим законом Грузии, прямо не предусмотренным Конституцией, является Акт об экономической свободе, принятый во время реформ Саакашвили-Бендукидзе.

Органические законы также предусмотрены законодательством ряда латиноамериканских стран (например, Перу).

Как уже говорилось, Россия внесла изрядную терминологическую путаницу в наши представления о границах между конституционными и органическими законами. Законодательство России не использует термин «органический закон». Все органические законы, перечисленные в Конституции, получили официальное наименование федеральных конституционных законов (далее — ФКЗ), хотя по своей юридической силе и по порядку принятия они таковыми не являются. Да, для их принятия требуется квалифицированное большинство голосов в обеих палатах парламента (не менее 3/4 голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее 2/3 от общего числа депутатов Государственной Думы); да, президент не может наложить на эти законы вето. Но ФКЗ обладают промежуточной юридической силой между конституцией и обыкновенными законами и на деле не играют серьезной конкурирующей роли при разрешении споров в случае возникновения правовых коллизий.

В статье 108 Конституции России четко зафиксировано: «Федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации». Изначально в Конституции (редакция 1993 года) содержалось указание на двенадцать органических законов, для которых была предусмотрена форма ФКЗ. За первые 10 лет действия Конституции одиннадцать из них были приняты. Двенадцатый (ФКЗ о Конституционном Собрании) не принят до сих пор. Позже, в 2014 году, после внесения поправок в Конституцию, в ней появилось указание еще на один ФКЗ (О Верховном суде). То есть 12 ФКЗ — это «чистые» органические

законы, принятие которых предусмотрено Основным законом страны. Но по факту в России на сегодняшний день действует шестнадцать ФКЗ¹⁶. Откуда же взялись еще четыре, если о них нет никаких упоминаний в Конституции? Для трех из них — ФКЗ «О военных судах...», «О судах общей и юрисдикции...» и «О дисциплинарном судебном присутствии...» — форма ФКЗ предусмотрена в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Это само по себе странно и спорно, но хотя бы более или менее понятно, поскольку принятие этих законов приходится на путинский период захвата и монополизации власти, в котором судебная система играла одну из ведущих ролей. Единственное найденное мной объяснение придания особой формы этим законам следующее: «ответ на вызовы времени». То есть никаких правовых оснований, что, впрочем, характерно для авторитарных режимов. Но вот принятие в форме ФКЗ закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» вызывает полное недоумение. Этот ФКЗ был принят в 1995 году и по времени принятия являлся вторым из всех ФКЗ после ФКЗ «О Конституционном суде...». Про специальную форму для такого акта нигде нет ни слова, тем более что он был принят на год раньше ФКЗ «О судебной системе...». Видимо, он тоже стал «ответом на вызовы времени» и свидетельством особых дружеских отношений между президентом Б. Н. Ельциным и первым председателем ВАС В. Ф. Яковлевым в условиях конкуренции между Верховным и Высшим Арбитражным судами.

Соотношение конституций и международных договоров

Казалось бы, часть 4 статьи 15 Конституции России очень просто и понятно сформулирована: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

16. URL: <https://tinyurl.com/28d6dbtc>.

В этой норме равным счетом ничего не сказано о приоритете международных договоров над Конституцией. И это понятно — не бывает таких международных договоров, которые противоречили бы чьей-либо конституции. Потому что, если текст договора будет противоречить Основному закону, государство просто не подпишет и не ратифицирует такой международный договор. А вот для законов обыкновенных конституционно обозначенное верховенство международных договоров важно. Ведь формально юридическая сила международного договора равна юридической силе закона, принятого в порядке текущего законодательства (ратификация и денонсация международных договоров оформляется законами). Будучи ратифицированным, международный договор, как сказано в Конституции, становится внутренним законом, частью правовой системы страны, и государство берет на себя обязанность контролировать его соблюдение. Вопрос возникает только тогда, когда закон и договор вступают в коллизию. Чем тогда следует руководствоваться? Конституция, в полном соответствии со своей «морковкиной» сущностью, дает однозначный ответ на этот вопрос — международным договором.

Еще раз о том, почему во внутригосударственном праве не бывает таких международных договоров, которые противоречили бы конституции. Потому что международное право — это всего лишь согласование воль государств. У него нет собственного механизма принуждения к выполнению правил договоров. Вернее, эти механизмы могут быть, но только в том случае, когда государство, присоединяющееся к договору (ратифицировавшее его), на эти условия добровольно соглашается. А бывает и так, что государство подписывает и ратифицирует международный договор с оговорками или отсрочками вступления в силу того или иного пункта договора¹⁷. Более того, в российском законодательстве предусмотрена дополнитель-

17. В статье 64 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года предусмотрено: «1. Любое государство при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты может сделать оговорку к любому конкретному положению Конвенции в отношении того, что тот или иной закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению».

ная гарантия в виде возможности проверки международного договора, выносимого на ратификацию, на соответствие Конституции. Конституционный Суд России по запросам определенного круга субъектов (статья 125 Конституции) может рассмотреть вопрос о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации. Вдруг этот договор кому-то покажется неконституционным?

Только лишь подписание международного договора не влечет для государства правовых последствий по его исполнению до ратификации. Такой договор просто не вступает в силу. Ответственность наступает только тогда, когда путем ратификации договор становится частью внутреннего права страны. Например, Российская Федерация подписала европейскую Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод», действовавшую с сентября 1953 года, лишь 28 февраля 1998 года. Конвенция была ратифицирована 30 марта 1998 года, а вступила в силу 5 мая 1998 года в соответствии с положениями закона о ратификации. Еще пример: в сентябре 2000 года Россия (президент Путин) подписала Римский статут Международного уголовного суда (международный договор, учредивший Международный уголовный суд), но до 2016 года договор так и не был внесен в парламент на ратификацию и, соответственно, не вступил для России в силу. 16 ноября 2016 года Путин подписал распоряжение о намерении России не становиться участником Римского статута Международного уголовного суда, то есть фактически отозвал свою подпись (по принципу «слово дал — слово взял»). В итоге правила Римского статута для России так и не заработали, несмотря на то, что договор 16 лет считался подписанным. И Россия не одна такая. По состоянию на март 2023 года Римский статут подписали 137 государств, но ратифицировали только 124.

И ровно также государство может «изъять» договор из своего внутреннего права и избавиться от обязательств по его исполнению путем денонсации (расторжения) договора, которая тоже фиксируется законом. Вот как это бывает: 25 февраля 2022 года Комитет министров Совета Европы принял решение о приостановлении представительства России в организации. 15 марта 2022 года Россия официально уведомила Генераль-

ного секретаря Совета Европы о своем намерении выйти из организации, ссылаясь на статью 7 Устава Совета Европы, которая регулирует порядок добровольного выхода. 17 января 2023 года президент Владимир Путин внес в Госдуму законопроект «О прекращении действия в отношении РФ международных договоров Совета Европы». Среди них — Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Закон был принят 28 февраля 2023 года. Правда, Госдума умудрилась денонсировать конвенцию и десять протоколов к ней «задним числом» с 16 марта 2022 года, то есть придала обратную силу закону о денонсации¹⁸. Но Совет Европы и ЕСПЧ решили иначе: Российская Федерация перестает быть Высокой Договаривающейся стороной Конвенции 16 сентября 2022 года. Суд остается компетентным рассматривать жалобы, направленные против Российской Федерации в связи с действиями или бездействием, способными представлять собой нарушение Конвенции, при условии, что они имели место до 16 сентября 2022 года¹⁹.

Зачем я так подробно рассматриваю эту историю? А затем, что в декабре 2020 года Владимир Путин в рамках своих инициатив по изменению законодательства России подписал пакет законов, который устанавливает верховенство Конституции Российской Федерации над международными договорами и решениями межгосударственных органов. Эти изменения были официально приняты 8 декабря 2020 года и касаются более чем 110 нормативных правовых актов, включая основные кодексы, такие как Гражданский, Уголовно-процессуальный и Кодекс административного судопроизводства²⁰. Началась буквально истерическая дискуссия о роли международного права в российской правовой системе. Вся российская пропагандистская армада некоторое время истошно голосила

18. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. 06.03.2023. № 10, ст. 1566.

19. URL: <https://tinyurl.com/2cfxy54n>.

20. URL: <https://pravo.ru/news/228128/>.

о необходимости защиты национальной конституционной идентичности и суверенитета России от возможного влияния международных норм, которые могут противоречить внутреннему законодательству. В итоге в законодательство были внесены множественные поправки о том, что не допускается применение правил международных договоров в их истолковании, если они противоречат Конституции²¹.

Вопрос лишь в том, был ли у всех этих действий и пропагандистских истерик какой-либо юридический смысл? Однозначно нет. Все они из разряда механизмов нагнетания страстей и создания изоляционистского ажиотажа. Легальных юридических последствий у этих действий тоже не было и быть не может. Все уже давно урегулировано и конституционно закреплено. Кроме того, официального термина «национальная конституционная идентичность» не существует. Вернее, он употребляется, но под ним обычно понимаются национальные правовые традиции²². Это всего лишь такой юридический эквилибр, который не признан наукой и отвергнут международной правоприменительной практикой²³, искусственная форма речи политиков, которую ученые называют оборонным конституционализмом²⁴.

Конституция в системе права. Чей источник?

А вот теперь можно поговорить непосредственно о морковке. До сих пор мы определяли место конституций и их системообразующую роль в иерархии нормативных актов. С этой точки зрения конституции оказывались на верхней ступеньке иерар-

21. URL: <https://tass.ru/politika/10199979>.

22. См. *Шайо А., Умс Р.* Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М.: Ин-т права и публичной политики, 2021. С. 78–83.

23. См.: *Лукьянова Е. А.* Идентичность и трансформация современного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 130–148 URL: <https://tinyurl.com/2xv2jjwl>.

24. *Васильева Т. А.* Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 2. С.32–54.

хической лестницы, являясь вершиной правовой пирамиды, хотя даже здесь удалось обнаружить ее системообразующую «морковкину» сущность. Но этого мало для понимания конституционной материи. Вершина системы нормативных правовых актов — лишь одна из ипостасей конституции. Главное же ее предназначение в том, что конституции являются ядром правовой системы каждого государства, ее центром, стержнем-корнем. От того, каков этот корень, зависит, какой будет вся система права. Попробую доказать. И именно морковь как образ мне в этом в помощь.

Вы открываете любой учебник по праву (гражданское, уголовное, трудовое и пр.) и обнаруживаете в параграфе про источники каждой отрасли наряду с разными нормативными правовыми актами Конституцию. То есть если следовать такой логике, получается, что Конституция — это универсальный источник всех отраслей права, этакий межотраслевой нормативный акт, эклектический набор правовых норм из разных отраслей. Но нет, это не так. Как известно, источником права считается нормативный акт, который содержит правовые нормы, регулирующие общественные отношения, являющиеся предметом данной отрасли права. То есть с формальной точки зрения, чтобы считать конституцию источником гражданского права, в ней должны содержаться нормы, регулирующие имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Но их там нет. Равно как нет норм, регулирующих отношения, связанные с совершением преступных деяний, или с организацией труда, или с вопросами государственного управления. Тем не менее, уголовное, трудовое и административное право тоже считают Конституцию своим источником. И не только они. Все без исключения отрасли тоже так считают. Почему? Все дело в общественных отношениях, которые регулируются Конституцией и конституционным правом, в особенностях предмета его правового регулирования.

Что же это за отношения такие? И вот ровно на этом месте мы спотыкаемся, поскольку в отличие от других отраслей четкого и единого определения предмета конституционного права не существует. Но при этом все характеризуют этот самый предмет как «наиболее важные (фундаментальные)», «базовые

и основополагающие» отношения, как «системообразующие и оформляющие целостность общества», как «фундамент всего здания сложной системы социальных связей, подлежащих правовому воздействию», как отношения, являющиеся «носителем и гарантом национальной правовой идентичности»²⁵. То есть что-то сверхважное и значимое, но что конкретно непонятно.

Тут мне придется сделать короткое отступление, потому что без него нам не разобраться. Советское конституционное право, не мудрствуя лукаво, вообще не давало никакого специального определения предмету отрасли, а просто перечисляло в качестве него разделы конституции. Параграфы учебников по конституционному праву, посвященные его предмету, всегда вызывали у студентов острый сонный эффект, поскольку были неконкретными и мало усвояемыми. Серьезных научных работ по этому вопросу тоже было мало («отраслевтики» не очень любят копаться в теории, им больше нравится институциональный анализ), а если и были, то все сводилось исключительно к государству и его организации или ровно к тем абстракциям, которые только что были приведены в качестве примера. Поэтому и называлось конституционное право государственным и закономерно ставило государство во главу угла. Видимо, считалось, что таким образом вопрос о предмете можно считать исчерпанным. Но как тогда отделять «зерна от плевел»? Как нам выделить источники конституционного права и понять, почему и как они определяют все национальные правовые системы?

За последние 30 лет ситуация изменилась не сильно, но все же изменилась. Большинство продолжало бодро собирать и переписывать цитаты предшественников, выдавая это за науку. Но четверо ученых в полном соответствии с их высо-

25. См., например: *Комаров С. А., Попова А. В.* Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 103–111; *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001; *Нарутто С. В.* Профессор Е. И. Козлова о предмете конституционного права // Lex Russica. 2016. № 3. С. 115; *Дудко И. Г.* К вопросу о предмете конституционного права (в поиске адекватной проекции) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 92–102.

чайшей научной репутацией все же попытались сломать порочный тренд. Это Август Алексеевич Мишин, Марат Васильевич Баглай, Юрий Александрович Тихомиров и Владимир Иванович Крусс. Привожу их точки зрения. Ю. А. Тихомиров: «Закрепление России как правового государства в гл. 1 Конституции Российской Федерации 1993 г. меняет ориентацию отрасли и науки конституционного права, уводя от сугубо государствоведческой проблематики (по сути, государственного строительства) и в большей степени обращаясь к правам и свободам человека и гражданина, институтам гражданского общества (по сути, гуманитарному, «общественному» праву)»²⁶. А. А. Мишин: «Конституционное право, будучи основной отраслью системы права, определяет основы всех ее отраслей. Это объясняется тем, что конституционное право содержит в себе нормы, устанавливающие основные принципы отдельных отраслей данной национальной системы права»²⁷. В. И. Крусс предлагает переосмыслить предмет конституционного права следующим образом: «Таковым в наиболее общем формате выступает правовая система общества в единстве ее компонентов: правового сознания, системы права и юридической практики. При этом базовый, определяющий конституционализацию характер имеют идеалы и ценности, закрепленные в основах конституционного строя России, прежде всего права и свободы человека и гражданина»²⁸. М. В. Баглай: «Предметом конституционного права могут быть только взаимоотношения между человеком и государством и непосредственно сами властеотношения»²⁹.

Мне как исследователю источников конституционного права в течение многих лет тоже пришлось столкнуться с этой

26. Конституционное законодательство России / Под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Норма, Инфра-М, 1999. С. 18–24.

27. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Белые альвы, 1966. С. 6.

28. Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2016.

29. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 6.

проблемой. Еще тогда в позднем СССР в качестве предмета я выделяла две основных группы отношений, регулируемых конституционным (государственным) правом. Первая группа — это отношения, составляющие основы власти (экономическая, политическая, социальная). Именно нормы из этой группы называли все другие отрасли в качестве своих источников. И вторая группа — отношения, непосредственно возникающие в процессе осуществления представительной власти. На эти нормы не «претендовал» никто, чистое конституционное право³⁰. Сегодня я бы сформулировала определение так: *предметом конституционного права* в рамках любого национального права являются *основы взаимоотношений личности, государства и общества, механизмы реализации этих отношений, цели, задачи и принципы функционирования правовой системы*. То есть три группы, две из которых выполняют функцию морковки — ядра всей правовой системы, определяющие ее сущность и содержание. Третья группа — механизмы реализации — являются гарантией реализации двух остальных и системообразующим фактором для самого конституционного права, которое не сводится только лишь к конституционному тексту. Это механизмы политической конкуренции, законодательство о партиях, о религиях и церкви, об общественных объединениях, выборах, об общественном участии и общественном контроле, о СМИ, о гражданстве и миграции, о реализации основных (конституционных) прав и свобод, об порядке организации и деятельности органов представительной власти и местного самоуправления. Это тоже морковка. Но только для конституционного права.

Как совершенно верно определил М. В. Баглай, в первую очередь, отношения, регулируемые конституционным правом — это властеотношения с личностью и с обществом. Именно от них, от того, какую роль играет человек в жизни государства и какой степенью свободы он обладает, зависит, какой в этом государстве политический режим. Если государство правовое (самоограниченная власть) — то нормы, регу-

30. Лукьянова Е. А. Закон как источник советского государственного права. М.: Изд-во МГУ, 1988.

лирующие эти властеотношения, являются клеткой для государства. Если государство неправовое, то нормы становятся клеткой для общества и личности. А поскольку именно конституционное право закрепляет основы и механизмы этих властеотношений, то все остальные отрасли будут такими, каковы эти основы. «Государство без конституции было бы анархией. Конституция свойственна даже „тирании“ в античном смысле — так называемым деспотиям, равно как и такому строю, где правление находится в руках демократического комитета общественного спасения вроде французского 1793 года», — так писал Георг Еллинек, автор теории самоограничения государства изданными им правовыми актами³¹.

Вот несколько простых сравнений норм двух конституций (Конституции СССР 1977 года и Конституции РФ 1993) и их результатов.

СССР. Основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях (ст. 10). В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства (ст. 11). Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества.

РФ. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная

31. Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. С. 371.

и иные формы собственности (ст. 8). Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ст. 9). В Российской Федерации гарантируются свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34). Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (ст. 35).

Две конституции — две совершенно разных экономических системы и два разных гражданских права. Даже нельзя просто сказать гражданских. Ровно как в морковке ее надземная зеленая часть (не хочется говорить ботва) разрослась в 4-томный гражданский кодекс, в авторское, предпринимательское, коммерческое, банковское право и пр. Хотя, повторяю, ни одной нормы, регулирующей имущественные отношения, здесь нет. Есть только две разные экономические основы власти, разные формы собственности и разное отношение государства к ним и ко всему, что с ними связано. Поэтому гражданское право не может не считать эти нормы своими источниками.

Еще один пример. СССР. Граждане СССР имеют право на труд — то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера (ст. 40). В СССР в соответствии с законом допускаются индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности, основанные исключительно на личном труде граждан и членов их семей. Государство регулирует индивидуальную трудовую деятельность, обеспечивая ее использование в интересах общества (ст. 17).

РФ. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. 2. Принудительный труд запрещен. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без

какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку (с. 37). В итоге два совершенно разных трудовых права и опять-таки ни одной нормы, регулирующей отношения работника и работодателя или устанавливающей правила охраны труда. Но именно эти нормы лежат в основе трудового права, которое, естественно, рассматривает их в качестве своего источника.

Таким образом, конституция не является межотраслевым актом, набором норм разных отраслей права. У конституции и у конституционного права свой собственный, четко очерченный особый предмет. Фундаментальное системо-, формо- и смыслообразующее (морковкино) место конституций в системе права обусловлено значением этого предмета среди всех общественных отношений, подлежащих правовому регулированию. И все же все остальные отрасли считают конституцию своим источником. Потому что от того, как устроена власть в соответствии с ее целями и задачами, от того, каковы принципы и механизмы ее взаимодействия с человеком и обществом, зависит вся правовая система. Это те самые наиболее значимые, типичные и устойчивые отношения в превосходной степени, которые дают жизнь, определяют цели, задачи, принципы и содержание всех без исключения отраслей права. Поэтому конституции называются основными законами. Поэтому права и свободы человека, обозначенные в конституциях, тоже называются основными. Они определяют параметры всех остальных взаимоотношений государства и личности.

В этой статье я поразмышляла всего лишь о нескольких нюансах тонкой конституционной материи. На самом деле таких нюансов гораздо больше. И каждый из конституционных «секретов» очень важен. Без их глубокого понимания и учета конституции не будут конституциями, не смогут выполнять тех задач, которые ставит перед ними современный мир. Поэтому меня берет оторопь, когда я вижу проекты конституций, созданные людьми, не прочитавшими ни одной серьезной кни-

ги по конституционной теории. На авторов конституционных текстов возложена огромная ответственность. Они не просто должны осознавать место и значение конституции в системе права и в системе законодательства. Они должны точно понимать, что является предметом конституций, максимально предвидеть возможность конституционных искажений и превентивно закладывать в эти тексты механизмы их предотвращения. На вопрос о том, всякий ли ученый (философ, политолог, историк etc.) или, например, практикующий юрист может написать хороший конституционный проект, я ответственно отвечаю — нет. Такой ответ требует отдельного исследования и доказательств. И этим я обязательно займусь, поскольку эн-тиазиастов-создателей конституций сегодня стало много.

Abstract. This article is an attempt to fill the gap in domestic constitutional and legal science on the place and role of constitutions in the legal system and in the legislative system. It examines the legal nature of the constitution, its features as a fundamental law, the relationship with other laws and by-laws, the specifics of mono-constitutional and poly-constitutional legislative systems, the relationship between constitutions and international treaties, the role and place of constitutions in the system of sources of law in the context of the subject of constitutional law.

Key words: constitutional culture, protection of the constitution, constitution in the legal system, constitution as a source of law, legal force of the constitution, organic laws, constitutional laws, constitution and international treaties, drafting of constitutions, hierarchy of laws.

DOI: 10.55167/1c2f4d2e5409

О единорогах и тварях дрожащих: Животные в конституциях мира

Владка Кои

Кандидат юридических наук, профессор Свободного университета

Аннотация. Статья анализирует мировую практику конституционно-правового регулирования вопросов, связанных с животными, исследуя эволюцию норм от упоминания последних как части государственной символики до конституционного признания отдельных элементов их благополучия. В работе изучаются конституции различных стран мира, относящиеся к периоду с XIX по XXI век, проводится классификация конституционных норм о животных и обсуждаются некоторые концепции, обуславливающие развитие конституционно-правового регулирования взаимодействия человека и животных. Рассматриваются также ограничения действующих формулировок, их возможные правовые последствия и процессы учета актуальных представлений о благополучии животных в конституции.

Автор акцентирует внимание на различии между природоохранным и зооправовым подходами, отмечая, что традиционные природоохранные нормы не позволяют обеспечить благополучие отдельных животных, поскольку ориентированы на популяции и руководствуются интересами их выживания в том виде, в котором их застал современный человек. Высказаны соображения о сближении точек зрения юристов и философов по вопросу о «правах животных». В завершение статьи автор разбирает российскую конституционную новеллу 2020 года, якобы гарантирующую животным конституционную защиту.

Ключевые слова: конституция, животные, экологическое право, зооправо, охрана природы, мировой опыт.

К сожалению, мне не довелось учиться у Августа Алексеевича Мишина, с его исследованиями я знакома сугубо «заочно», по публикациям. Но это знакомство по-своему удивительно. В моем представлении А.А. Мишин относится к редкой категории ученых, умеющих достоверно и полно показать исследуемую область, несмотря на ограничения, диктуемые извне, будь то редакционная политика или господствующая идеология в целом. Сравнительно-правовые исследования в таких условиях могли оказаться выхолощенными агитками. Некото-

рые такими и были. Но юридическая наука жила и развивалась благодаря другим — глубоким, честным, во многом опередившим свое время — таким, как работы А. А. Мишина.

Именно сравнительно-правовая составляющая наследия Августа Алексеевича, во всем созвучная моим собственным методическим приоритетам, побудила меня пристальнее заняться темой, вынесенной в заголовок данной статьи. Не будучи конституционалистом, я не претендую на раскрытие тонкостей этой отрасли. Я постараюсь показать, как предмет другой, более знакомой мне и менее утвердившейся в юриспруденции комплексной области, охватывающей регулирование ответственного обращения с животными¹, упаковывается в конституционно-правовой контекст.

Бесправные единороги: животные в конституциях XIX–XX веков

В некоторых источниках² можно встретить утверждения, что появление животных в конституционных текстах — особенность последних десятилетий. Это не совсем так. Животные в конституциях упоминались и ранее. Однако, примерно до 1970-х гг. эти упоминания не были связаны с их благополучием: конкретные виды выступали там в качестве элементов государ-

1. Отчаявшись найти более точный термин, причастные к теме юристы все чаще называют эту область «зооправом». С позволения читателя и с уважением к русскоязычной аудитории журнала этот термин будет использоваться в настоящей статье как аналог более устоявшегося англоязычного термина «animal law». Также я буду использовать термин «анималистический» в значении «связанный с животными» как наиболее ясный и самодостаточный, хотя это его значение и не является повсеместно и безусловно признанным.

2. См. например: *Kempers E.B., Epstein Y. Animals in constitutional law — Symposium introduction* // IACL-AIDC Blog. International Association of Constitutional Law | l'Association Internationale de Droit Constitutionnel, 13.02.2024. URL: <https://tinyurl.com/2djppolt>. Дата обращения: 25.12.2024; *Le Bot O. Constitutional animal law*. Independently published, 2013. P. 11–12; *Eisen J. Animals in the constitutional state* // International Journal of Constitutional Law. 2017. 15(4). P. 909–954. DOI: 10.1093/icon/moxo88; etc.

ственной или национальной символики³ (например, орел как часть государственной печати в п. 2 ст. 14 Конституции Албании 1914 г.⁴ или корова как «национальный символ» в п. 2 ст. 6 Конституции Непала 1962 г.⁵), а «животные вообще» — как объекты сельского или лесного хозяйства (например, в положениях о запрете убоя без оглушения для всех пород скота — ст. 25bis Федеральной конституции Швейцарии в версии 1893 г.⁶, о рас-

3. Конечно, вопросы символики не обязательно решаются в конституции. Этот вопрос может регулироваться специальным законом (бобр как символ независимости Канады по Закону о национальном символе 1985 г., орлы и газели как часть герба Намибии — по Закону о национальных символах Республики Намибия 2018 г. и др.), королевским указом (например, гербы Дании и Канады) и даже межгосударственным договором (Акт об унии 1707 г., объединивший Англию и Шотландию в Королевство Великобритания). Существуют и неформальные «национальные животные», выбранные вне установленных государством процедур: так, божья коровка в 1996 г. стала национальным символом Финляндии по результатам опроса читателей журнала о животных. Государственная и национальная символика использует и множество других «биологических» элементов, включая части тела животного (голова льва как национальный символ Сингапура в ст. 8 Закона о национальных символах 2022 г.), мифических животных (единороги на гербах Великобритании и Канады, двуглавые орлы на гербах РФ, Албании, Армении, Сербии и Черногории), а иногда даже президента — как это произошло в Мавритании с принятием более чем спорного Закона о защите государственных символов 2021 г. Некоторое представление об этом применительно к центральноевропейским странам можно почерпнуть, например, из этого исследования: *Tóth Z.J. (ed.) Constitutional and legal protection of state and national symbols in Central Europe. Miskolc–Budapest, Central European Academic Publishing, 2022. DOI: 10.54237/profnet.2022.jeszcpfig.*

4. Statuti organik i shqipërisë, 1914. LiCoDU project — Consorzio interuniversitario di siti (COIS, Inter-University Consortium for sites). URL: <https://licodu.cois.it/?p=370>. Дата обращения: 25.01.2025.

5. Constitution of Nepal, 1962. ConstitutionNet project — International IDEA's Constitution-Building Programme (Hague, Netherlands). URL: <https://tinyurl.com/2dnqvndr>. Дата обращения: 12.01.2025.

6. Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung, betreffend die eidgenössische Volksabstimmung vom 20. August 1893 (13.10.1893). BBl 1893 IV 399. Schweizerisches Bundesarchiv Online-

пределении компетенции между органами власти, — ст. 117, 136 и ч. 2 ст. 131 Органического статута Албании 1914 г.⁷, об объектах личной собственности колхозного хозяйства — ст. 7 Конституции СССР 1936 г.⁸ или о принципах государственной политики по организации сельского хозяйства и животноводства — ст. 48 Конституции Индии 1950 г.⁹ и др.), а также транспорта (например, освобождение скота и животных, используемых для перевозки, от транзитных пошлин при перемещении между провинциями — ст. 11 Конституции Аргентинской Конфедерации 1853 г.¹⁰ или реквизиция «вьючных животных» в главе о вооруженных силах — ст. 158 Органического статута Албании 1914 г.¹¹).

В период разработки этих норм восприятие животных, — как в юриспруденции и философии, так и в естественных науках, развитие которых во многом обуславливает изменение подобных правовых норм, — еще во многом следовало механистическим представлениям Рене Декарта. Для разработчиков «старых» конституций животное юридически оставалось объектом, — одним из множества неживых объектов и символов, мыслившимся исключительно в инструментальном, утилитарном смысле, исходя из интересов человека. И хотя внеш-

Amtsdruckschriften. URL: <https://tinyurl.com/25o936kp>. Дата обращения: 18.01.2025.

7. Statuti organik i shqipërisë. Ibid.

8. Статья 7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). URL: <https://tinyurl.com/24nzlggq>. Дата обращения 12.02.2025.

9. Constitution of India, 1949. Правовая поисковая система Indian Kanoon. URL: <https://indiankanoon.org/doc/15096463/>. Дата обращения: 12.01.2025.

10. Constitución de la Nación Argentina de 1853. InfoLEG. Información Legislativa y Documental, Dirección Nacional del Sistema Argentino de Información Jurídica del Ministerio de Justicia de la Nación. URL: https://www.infoleg.gob.ar/?page_id=3873. Дата обращения: 12.02.2025.

11. Statuti organik i shqipërisë. Ibid.

нее физическое благополучие животных (непричинение боли, повреждений, травм, необоснованной смерти) привлекало внимание европейского законодателя, начиная с XVII в.¹², этот значимый для развития зооправа момент никак не отразился в конституционных текстах того времени. До второй половины XX века казалось достаточным отразить бурное развитие науки (разработки, появление клеточной теории, теории эволюции, законов наследственности, исследования в микробиологии и физике, развитие психологии и психоанализа и др.), системно меняющее представления об этическом в отношениях человека и окружающего его мира, на уровне законодательства и судебной практики, не затрагивая конституционных основ.

Должно было пройти время, чтобы сформировался критический массив факторов (в целом известных, но не обязательно позволяющих достоверно оценить вклад каждого), чтобы новые ценности встроились в фундамент государственных и мирового порядков. Эти процессы, запущенные гуманистами конца XVIII века, от постепенного признания прав и свобод человека (а также его обязанностей в отношении государства и/или общества) ко второй половине XX века, с ее растущей обеспокоенностью новыми технологиями и состоянием окружающей среды¹³, перешли к признанию обязанностей человека

12. An Act against Plowing by the tayle, and pulling the wool off living sheep, 1635. Chapter XV. P. 301. *Statutes passed in the Parliaments held in Ireland*. Vol. 1. Dublin: George Grierson, 1794. URL: <https://books.google.si/books?id=VYRRAAAAYAAJ>. Дата обращения: 07.01.2025. В составе русскоязычных источников первое упоминание животного вне связи с его имущественной ценностью обычно приписывают ст. 90 Воинского артикула, принятого спустя 80 лет после ирландского акта и предусматривающего наказание тому, кто «вне учрежденного места скотину бить будет»: Артикуль воїнскій купно съ процесомъ надлежащій судящіймъ. СПб, 26.04.1715. С. 65. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/artikul-voinskii-1>. Дата обращения: 05.01.2025. Задачи настоящей статьи не предполагают исследования точности этих атрибуций.

13. См. например преамбулу к Рекомендациям Парижской межправительственной конференции экспертов по научным основам рационального использования и сохранения ресурсов биосферы 04-13.09.1968. — Recommendations. Intergovernmental conference of

в отношении его «нечеловеческого» окружения: окружающей среды, природы и ее отдельных элементов.

Очевидно, что эти понятия включают в себя и животных. Однако животные никогда напрямую не упоминаются в конституциях этого периода. Даже знаменитые индийские конституционные поправки 1976 г.¹⁴, первыми установившие требование «проявлять сочувствие к живым созданиям» в качестве основного права каждого гражданина Индии, не требуют проявлять сочувствие именно к животным. Конечно, сама идея закрепления сочувствия всем живым существам в качестве базовой государственной, конституционной ценности сама по себе была революционной, ибо отражала совершенно новый уровень осмысления отношений между «живыми созданиями» — отношений, в которых эмоциональное наполнение взаимодействия активного актора с «другими» и этическая (деонтологическая) оценка этого взаимодействия занимают свое значимое и официально признанное место. Кроме того, с позиций современного зооправа эта конструкция звучит актуальнее и более емко, чем многие сегодняшние формулы, ибо благодаря своему неконкретизированному характеру, не выделяющему человека из сообщества «живых созданий», избавлена от упреков в одном из главных грехов человеческого законодательства: антропоцентризме.

Несмотря на то, что в отдельных конституциях упоминания отдельных компонентов охраны природы можно было встретить и ранее¹⁵, основной массив «природоохранных»

experts on the scientific basis for rational use and conservation of the resources of the biosphere. UNESCO. Paris, 4 — 13 September 1968. Education Resources Information Center (ERIC), Institute of Educational Sciences, U.S. Department of Education. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED047952.pdf>. Дата обращения: 11.01.2025.

14. Constitution (Forty-second Amendment) Act, 1976, s. 10, 11. URL: <https://tinyurl.com/23v5gpn9>. Дата обращения: 11.01.2025.

15. Например, ст. 9 Конституции Италии 1947 г. определяет, что Республика, среди прочего, «Защищает ландшафт...». Costituzione della Repubblica Italiana (gu serie generale n.298 del 27-12-1947). Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <https://tinyurl.com/2yyrl7x3>. Дата обращения: 03.02.2025.

норм впервые проникает в конституции на протяжении 1960–1970-х гг. Так, в 1962 г. Швейцария всенародным референдумом (не путать с «голосованием») добавляет в свою конституцию статью 24e¹⁶, возлагающую на кантоны ответственность за сохранение природного и национального наследия, а на Федерацию — обязанность защищать, среди прочего, «местный ландшафт... природные и культурные памятники и, если общие интересы перевешивают, сохранять их в целостности». Кроме того, федеральное правительство получает возможность (но не обязанность) «поддерживать усилия по защите природы и наследия посредством взносов, а также может приобретать или закреплять за собой природные заповедники... по контракту или путем экспроприации». В 1971 г. к этим положениям добавляется статья 24f, согласно которой «Конфедерация издает постановления по защите человека и его естественной среды от вредных или раздражающих воздействий», что включает борьбу с загрязнением воздуха и шумом. Обеспечение соблюдения этой нормы делегировалось кантонам, если закон не оставлял это за федеральным правительством.

Интересно, что Индия, считающаяся¹⁷ пионером конституционного закрепления сочувствия к животным благодаря установлению обязанности «иметь сочувствие к живым созданиям» в качестве основной для каждого гражданина Индии, упаковала эту и все остальные «природоохранные» поправки 1976 г. в один пакет с очень спорными «политическими» изменениями (централизация власти в пользу федерального центра, расширение полномочий исполнительной власти по изменению конституции, резкое сужение компетенции Верховного

16. Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung über das Ergebnis der Volksabstimmung vom 27. Mai 1962 betreffend den Bundesbeschluss über die Ergänzung der Bundesverfassung durch einen Artikel 24sexies betreffend den Natur- und Heimatschutz (15.06.1962). BBl 1962 I 1456. Plattform zur Veröffentlichung des Bundesrechts (Fedlex). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/1962/1_1456__de. Дата обращения: 12.01.2025.

17. *Le Bot O.* Is it useful to have an animal protection in the constitution? // *US-China Law Review*. 2018. 15(1). P. 54–59. DOI: 10.17265/1548-6605/2018.01.004.

суда, запрет отмены законов о запрете «антигосударственных» объединений и др.) — практически столь же спорными, как и российские поправки 2020 г. Да и сами «природоохранные» конституционные новеллы 1976 г. своей декоративностью весьма напоминают российские. Так, новая ст. 48a¹⁸ обязывала государство «стремиться защищать и улучшать окружающую среду, охранять леса и дикую природу страны». Стоит ли говорить, что эта норма никак не конкретизировалась далее на предмет того, какие именно органы государственной власти, в каком объеме и с помощью какого инструментария должны воплощать это «стремление». А рядом с этой новеллой появляется статья 51a, пункт «g»¹⁹, который в качестве основополагающей обязанности перекладывает на граждан все усилия по защите и улучшению природной среды, «...включая леса, озера, реки и дикую природу». Чтобы даже случайно нельзя было предположить, что власть взяла на себя какие-то «природоохранные» обязательства.

Всего на год младше обновленной индийской довольно прогрессивная для своего времени конституция СССР 1977 г., где меры по «охране и научно обоснованному, рациональному использованию природы», равно как и по обеспечению «воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды» впервые упоминались в разделе об основах общественного строя и политики²⁰. Полномочия по реализации мер были разделены между Союзом (общее планирование)²¹, Совмином (разработка и осуществление)²² и Советами народных депутатов (координация и контроль)²³. Не были забыты и граждане — обязанность «беречь природу, охранять

18. Constitution (Forty-second Amendment) Act, 1976.

19. Ibid.

20. Конституция СССР 1977 г. (исходная редакция). Ст. 18. URL: <https://tinyurl.com/26fve9rm>. Дата обращения: 11.01.2025.

21. Там же. П. 5 ст. 73.

22. Там же. Ст. 131.

23. Там же. Ст. 147.

ее богатства» предписывалась им в числе хоть и не почетных, но — основных²⁴.

На протяжении 1960–1990-х гг. «природоохранными» конституционными нормами²⁵ обогатилось большинство европейских стран, а также отдельные государства в других регионах мира. Таким путем к началу третьего тысячелетия большинство государственных конституций в той или иной форме упоминало охрану природы и так или иначе распределяло связанные с нею полномочия и обязанности. Особняком в этом ряду стоит разве что Швейцария, в 1999 г. украсившая свою конституцию ст. 120 о защите человека и его окружающей среды от неправомерного использования «генной инженерии, не связанной с человеком».

Сама по себе эта норма вполне обычна, учитывая глобальную обеспокоенность генно-инженерными технологиями в 1970–1990 гг.²⁶ Другое дело, что для большинства стран при-

24. Там же. Ст. 67.

25. Отметим кратко, что независимо от языка, эти нормы оперируют достаточно широкой «природоохранной» терминологией (окружающая среда, среда обитания (habitat), природа, природные ресурсы, природные богатства, экосистема и др.), иногда даже в составе одного акта (конституция тут не исключение). Ее составляющие далеко не всегда определены (в этом или других актах либо судебной практике), несмотря на то, что они заметно отличаются по объему, составу, назначению и др. (так, мы вряд ли отнесем леммингов к природным ресурсам, а саранчу — к природным богатствам, хотя они вполне могут быть частью окружающей нас среды, природы вообще и конкретной экосистемы в частности). К сожалению, подробный анализ этих различий, в том числе и с точки зрения обуславливающих их причин, а также их роли в развитии эко- и зооправа, выходит за рамки настоящей статьи. Некоторое представление об этом можно составить на основе таких работ, как: Vetter S., Özsvári L., Boros A. Protection of animals in the constitutions of the European countries // Pro Publico Bono — Magyar Közigazgatás. 2020. 1. P. 170–189. DOI: 10.32575/ppb.2020.1.9.

26. См. подробнее об этом: *Safety evaluation of foods derived by modern biotechnology: Concepts and principles*. Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD). 1993; Bull A. T., Holt G., Lilly M. D. *Biotechnology: international trends and perspectives*. Organisation for Economic Co-operation and Development, 1982.; Berg P., Baltimore D.,

вычнее было раскрывать ее предмет в специальных законах. Поэтому до конституций он обычно не добирался.

С точки зрения же зооправа, особенность этой конституции заключается не в обязывании правительства заниматься регулированием новых технологий, а в том, что п. 2 ст. 120 предписывает ему учитывать при этом «достоинство созданий». Эта формула была настолько новаторской для своего времени, что на некоторые иностранные (для Швейцарии) языки переводах ее даже затруднились корректно перевести. Спустя четверть века мы можем с уверенностью сказать, что большинство стран до сих пор не подняли идею достоинства живых существ как многовидового сообщества на уровень конституционно признанной ценности. До 1999 г. термин «достоинство» из всех видов применялся только к человеку.

Тем не менее, в большинстве остальных конституций животные как таковые оказывались более или менее тщательно скрыты внутри «природоохранной» терминологии. Даже в одном из двух редчайших для своего времени случаев дословного упоминания «животных»²⁷, содержащее его конституционная норма говорит об их «защите», то есть остается в рамках «природоохранной» парадигмы.

Второй из этих случаев, представленный подп. VII ч. 1 ст. 225 Конституции Бразилии 1988 г. о возложении на правительство обязанности запрещать виды деятельности, «подвер-

Brenner S., Roblin R. O., Singer M. F. Summary statement of the Asilomar conference on recombinant DNA molecules // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1975. 72 (6). P. 1981–1984. DOI: 10.1073/pnas.72.6.1981, и др.

27. Ст. 80 конституции Швейцарии версии 1999 г., наделившая Конфедерацию полномочиями по регулированию защиты животных, а кантоны — ответственностью за обеспечение его соблюдения (если эту обязанность закон не возложил на Конфедерацию). Bundesbeschluss über eine neue Bundesverfassung vom 18. Dezember 1998. AS 1999 2556. Die Publikationsplattform des Bundesrechts. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/oc/1999/404/de>. Дата обращения: 13.01.2025.

гающие животных жестокому обращению»²⁸, идеологически располагается ближе к уже упоминавшемуся п. «g» ст. 51а конституции Индии версии 1976 г. с его требованием «сочувствия к...». Трудно не согласиться, что одним из результатов сочувствия, эмпатии к другому действительно может быть отказ от жестокости в отношении него. Более того, без исключения жестокости невозможно достичь благополучия, по крайней мере — для животных и в том виде, как это предусмотрено широко известной концепцией «5 свобод»²⁹, относящей к критериям благополучия отсутствие голода, жажды, дискомфорта, боли, болезней, травм, страданий и страха, а также свободу проявлять свое нормальное поведение.

Однако Бразилия развивает эту идею, причем сразу по двум направлениям. Во-первых, предположительно впервые в истории конституционного права упоминая животных непосредственно в тексте государственной конституции, тем самым обособляя и легитимизируя их как один из «показателей» соблюдения акторами признанных государством ценностей. И во-вторых, смещая, а точнее распространяя фокус этической оценки происходящего с психической деятельности актора, односторонне проявляющего одобряемое обществом «сочувствие» (Индия), на характер и последствия взаимодействия актора с животными (Бразилия). Одновременно для оценки этих последствий предлагается более емкий и перспективный концепт «жестокости»³⁰, потенциально открытый для вклю-

28. Constituição de 1988 — Publicação Original. Câmara dos Deputados. URL: <https://tinyurl.com/sp2ttn6>. Дата обращения: 12.01.2025.

29. Обзор современного понимания концепции см., например: Webster J. Animal welfare: Freedoms, dominions and “A Life Worth Living” // *Animals* (Basel). 2016. 6 (35). P. 1–6. DOI: 10.3390/ani6060035. Официальный источник концепта: Farm Animal Welfare Council. December 5, 1979. URL: <https://tinyurl.com/22hmdcbf>. Дата обращения: 15.01.2025.

30. Еще одна норма о «жестокости к животным» того же периода содержится в ст. 72 Конституции Словении 1991 г., однако там она имеет отсылочный характер, устанавливая, что «Защита животных от пыток регулируется законом». Закон о защите животных действует в Словении с 1999 г. *Ustava Republike Slovenije* (URS). Uradni

чения не только физических (физиологических), но и психических процессов (в т. ч. — эмоциональных реакций), причем не только на стороне актора (как в случае с проявлением сочувствия), но и у животных, с которыми он взаимодействует в ходе оцениваемой деятельности³¹.

Отметим здесь, что не только закрепление нормы о запрете жестокого обращения с животными в конституции, но и само применение понятия «жестокое обращение» к животным было на тот момент в определенном смысле новаторским, ибо ранее оно упоминалось только применительно к человеку (в т. ч. и конституционными нормами).

При этом ни в индийской, ни в бразильской норме еще нет доказательств выделения индивидуализирующего анималистического фокуса из обобщающего «природоохранного» представления о животном. Однако предпосылки для этого налицо. Благодаря ряду публикаций эти процессы изменения подходов в лингвистике, культуре, политике, а затем и в гуманитарных, а также социальных науках получили общее название «анималистический поворот» (animal turn)³², хотя, как мы

list RS, št. 33/91-I. URL: <https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=USTAI>. Дата обращения: 23.12.2024.

31. К слову, это вполне соответствует периодизации развития биоэтики. Если в Индии 1970-х гг. более логичным ощущалось «сочувствие», перекликающееся с американской биоэтической идеей «милосердия» (beneficence), высказанной тремя годами позже принятия индийских поправок, то бразильская модель больше напоминает европейский концепт биоэтики, с его признанием уязвимости, целостности и достоинства. См.: *Beauchamp T., Childress J.* Belmont Report: Ethical principles and guidelines for the protection of human subjects of research. Report of the National Commission for the Protection of Human Subjects of Biomedical and Behavioral Research, 1979. URL: <https://tinyurl.com/y78gupcl>. Дата обращения 13.01.2025; The Barcelona Declaration on Policy Proposals to the European Commission on Basic Ethical Principles in Bioethics and Biolaw (adopted in November 1998 by Partners in the BIOMED II Project). Human Rights Library, University of Minnesota. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/instree/barcelona.html>. Дата обращения: 11.01.2025.

32. *Peters A., Stucki S., Boscardin L.* The Animal Turn — What is it and why now? // *Verfassungsblog*, 14.04.2014. URL: <https://tinyurl.com/2yjhsmc>. Дата обращения: 02.02.2025; *Ritvo H.* On the Animal Turn //

видим, в области регулирования (особенно конституционного) масштабным этот поворот не был.

Но ведь никто не спорит с тем, что животные — часть природы (и даже — часть окружающей человека среды)³³. Почему же сегодня дискурс о регулировании благополучия животных часто обходит «природоохранные» нормы стороной?

Экоправовой парадокс: защита природы от нее самой

Секрет... — конечно, не секрет, но тем не менее причины — лежат в особенностях объекта природоохранных норм (или как минимум в его трактовке экологическим правом³⁴). Прежде всего, эти нормы ориентированы на «коллектив»: популяции,

Daedalus. 2007. 136(4). P. 118–122. DOI: 10.1162/daed.2007.136.4.118. Дата обращения: 05.01.2025.; Weil K. A report on the Animal Turn // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 2010. 21(2). P. 1–23. DOI: 10.1215/10407391-2010-001.

33. Подробнее об этом можно прочитать, например: *Hemptinne J. de Animals as part of the environment* // *Animals in the international law of armed conflict* / eds. Peters A., de Hemptinne J., Kolb R. Cambridge University Press, 2022. P. 109–128.; *Stilt K. Rights of nature, rights of animals* // *Harvard Law Review*. 2021. 134. P. 276–285. URL: <https://tinyurl.com/229up7or>. Дата обращения 15.01.2025; *Clayton S. Environmental identity* // *Identity and the natural environment: The psychological significance of nature* / eds. Clayton S., Opatow S. MIT Press, 2003. P. 45–65; *Ingold T. From trust to domination: An alternative history of human-animal relations* // *Animals and human society* / eds. Manning A., Serpell J. Routledge, 1994. P. 61–76; *Rodd R. Animals as part of the environment* // *Biology, Ethics, and Animals*. Clarendon Paperbacks, 1992. P. 105–122. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198240525.003.0005.

34. В данном случае я позволю себе использовать термины «природоохранный» и «экологический» как синонимы в той части, в которой они применяются для характеристики группы норм, отметив при этом, что экологическое право по некоторым мнениям не исчерпывается природоохранными нормами, а включает также регулирование использования природных ресурсов и экологической безопасности. Вместе с тем множество норм не могут быть строго отнесены к «природоохранным» или «нормам об использовании природных ресурсов», поскольку сформулированы как «охрана природных ресурсов» (а не природы), «использование богатств природы» и проч., что делает

сообщества, виды и другие «объединения» живых существ, тогда как зооправо сосредоточено на конкретном животном. Многие, если не большинство, феноменов, являющихся системообразующими для зооправа (способность чувствовать, испытывать и проявлять эмоции, наличие сознания, обучаемость, использование орудий и др.), а также понятия, которыми оно оперирует (моральная ценность, достоинство, интересы и др.), не свойственны предмету природоохранного регулирования, поскольку являются в основном индивидуальными.

Мы, конечно, можем говорить, например, о благополучии популяции. Но это будет несколько иная парадигма, отличная от зооправовой, и ситуация с отдельным животным в ней может быть сколь угодно далека от зооэтических и зооправовых представлений о благополучии (мы поговорим о них чуть ниже). Природоохранная парадигма удивительным образом глуха к страданиям, лишениям, даже к убийству, причем жестокому убийству отдельного животного, если это отвечает интересам популяции или, скажем, целой экосистемы³⁵ (а через них — интересам человеческой популяции; да, интересы человека для экоправа тоже существуют лишь «коллективные», индивидуально в нем лишь бремя: обязанности и ответственность), либо как минимум не затрагивает их.

Соответственно, цели и результаты применения «природоохранных» и «зооправовых» норм могут не совпадать, конкурировать или даже прямо противоречить друг другу. Замечательные примеры таких ситуаций приводит проф. Шарлотта

невозможным их формальное разделение по этим группам. Термин «экоправо» используется как сокращение от «экологического права».

35. Осознавая спорность и дискуссионность термина, используя его здесь не только ввиду его широкой известности и интуитивной понятности, но и потому, что примерно его нередко можно встретить в законодательстве (где-то с пояснением его значения, где-то нет), включая и конституции (от 1980-х гг. и далее). Законодательные интерпретации этого термина более или менее укладываются в трактовку, приведенную, приведенным в статье «Экосистема» БЭС: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000.

Блаттнер³⁶ в своей монографии об экстратерриториальном применении зооправа: массовые убийства инвазивных животных в целях поддержания биоразнообразия; обеспокоенность сохранением популяции слонов при игнорировании проблем здоровья и выживания конкретных животных; оценка боли и страданий как необходимых элементов естественного отбора; игнорирование животных, не относящихся к исчезающим или находящимся под угрозой исчезновения, и др. Впрочем, иногда эти две области перекрестно опыляются³⁷, вследствие чего источники экологического права заодно содержат и нормы о запрете жестокости (обратное встречается реже).

Кроме того, природоохранные нормы традиционно и интуитивно понимаются как нормы прежде всего или исключительно о природе дикой. Соответственно, животные, спрятанные в этих нормах, — прежде всего дикие животные. Эти нормы ни прямо, ни косвенно, ни даже с натяжкой не охватывают, например, ни животных-компаньонов, ни сельскохозяйственных животных во всех их ипостасях и ролях. Еще менее они касаются лабораторных животных, наиболее целенаправленно страдающих во благо человека и при этом наименее защищенных какими-либо нормами права (включая и зооправо). То есть среднестатистическая природоохранная норма применительно к животным крайне избирательна, узкоспециализирована и не может считаться «нормой о животных», но лишь о части животных, возможно — о единственной их категории. Поэтому в зооправовом дискурсе экологическое право участвует фрагментарно: наиболее ожидаемо — в проблематике обращения с дикими животными.

В этом смысле богатый, хорошо проработанный объем «природоохранного» регулирования (не только и прежде все-

36. Blattner Ch.E. Comparative vantage points of extraterritorial animal law // Protecting animals within and across borders: Extraterritorial jurisdiction and the challenges of globalization. 2019. P. 319–364. DOI: 10.1093/oso/9780190948313.003.0010.

37. Подробнее об этом см., например, в: Platvoet V. Growth from common ground: Animal welfare in wild animal law // Journal of International Wildlife Law & Policy. 2025. P. 1–25. DOI: 10.1080/13880292.2024.2441614.

го не конституционного), сформировавшегося за предыдущие полвека, не столько помогает, сколько мешает разработке подходов, хотя бы в какой-то мере решающих «зооправовые» задачи. Создается иллюзия, что «все уже украдено до нас»: зачем защищать диких животных какими-то новыми нормами, если они уже настолько основательно защищены? Трудно сказать, способна ли сегодня человеческая наука просчитать все, особенно далеко отсроченные последствия слабой интегрированности этих двух областей для экономики, экологической устойчивости, общественного здоровья и др. Представляется, однако, что их более тесное сотрудничество могло бы обогатить обе стороны, гармонизируя и углубляя доктрину и правоприменительную практику обеих.

Упрекают природоохранные нормы и в объективизации, а также в патернализме, не отвечающих общей для зооэтики и зооправа тенденции отхода от инструментализма и спесицизма. Действительно, в большинстве этих норм природа и ее составляющие (включая животных) выступают как объект: заботы, усилий, обязанностей и проч. В рамках «природоохранной» нормы животные никогда не самостоятельны, и вопрос об их собственных интересах, а тем более субъектности, чаще всего³⁸ не обсуждается и даже не возникает. Но изнутри па-

38. Отдельные исключения касаются в основном культурно-религиозных традиций, признающих субъектность за «Матерью Природой», «Матерью Землей» или ее отдельными элементами. См. об этом подробнее, например: *Muñoz L.* Bolivia's Mother Earth laws: Is the ecocentric legislation misleading? // *ReVista. Harvard Review of Latin America*. 06.02.2023. URL: <https://tinyurl.com/255kftku>. Дата обращения 03.02.2025; *Darpö J.* Can nature get it right? A study on the rights of nature in the European context. European Union, 2021. URL: <https://tinyurl.com/263gu7ll>. Дата обращения 11.02.2025; *Whittenmore M.E.* Comment. The problem of enforcing Nature's rights under Ecuador's Constitution: Why the 2008 environmental amendments have no bite // *Pacific Rim Law & Policy Journal*. 2011. 20(3). P. 659–691. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol20/iss3/8>. Дата обращения: 14.01.2025; Ecuador first to grant nature constitutional rights // *Capitalism. Nature. Socialism*. 2009. 19(4). P. 131–133. DOI: 10.1080/10455750802575828, и др. Конституция Эквадора: Constitución de la República del Ecuador Actualizado a: martes, 11 de febrero de 2025. LEXIS: un referente en búsquedas legales en Ecuador. URL: <https://www.lexis.com/ec/biblioteca/constitucion>

терналистической парадигмы и невозможно ни увидеть, ни допустить мысль, что природа (а вместе с нею и животные) имеют интересы, отличные от приписываемых им наблюдателем. Условно говоря, в природоохранной парадигме природа (и животные) всегда «сыты и в шапке», но при этом их действительные интересы не только абсолютно не изучены и не известны, но и неинтересны их «человекомаме», а потому и не учтены и к учету не планируются. При всей полезности природоохранной парадигмы в качестве значимой ступени на пути осознания и урегулирования отношений человека с окружающим миром эта ее особенность существенно затруднила и продолжает осложнять развитие зооэтики и зооправа.

Наконец, «природоохранные» нормы прежде всего и в конечном счете исходят из интересов человека. Неизвестно, так ли уж нужна природе популяция, условно, ящериц желтопузиков (*Pseudopus apodus*), жуков-кузек (*Anisoplia*), выхухолей (*Desmana moschata*) или ежемух (*Tachinidae*). Но человек их застал — и решил, что природе они нужны, а потому должны быть сохранены. Есть ли у нас весомые основания, чтобы и далее постулировать оптимальность или даже «правильность» (?) той конфигурации природы, с которой человек столкнулся в своем «сознательном возрасте»? Как вообще — и можно ли — определить, если не наилучшую, то хотя бы оптимальную или «достаточно хорошую» (good enough) конфигурацию, чтобы принять ее за эталонную — то есть за ту, относительно которой мы будем оценивать масштабы и характер отклонений и на которую будем ориентировать процессы восстановления? Эти вопросы, к сожалению, безусловно, лежат за рамками не только предмета данной статьи, но и в целом моей предметной сферы. Но, может быть, биологи, экологи и другие профильные специалисты уже частично знают ответ?

republica-ecuador. Дата обращения 10.02.2025; Закон о правах матери земли (Боливия): De derechos de la madre tierra. Ley n° 071 de 21 de diciembre de 2010. Ministerio de Planificación del Desarrollo. URL: <https://tinyurl.com/28tu04p4>. Дата обращения: 15.01.2025; Закон о признании правосубъектности природоохранной зоны Уревера (Новая Зеландия): Te Urewera Act 2014. New Zealand Legislation. URL: <https://tinyurl.com/2c8s8poj>. Дата обращения: 11.02.2025.

Между тем, мы вроде бы не располагаем ни доказательствами совпадения нашего понимания с тем, как на эти вопросы отвечает для себя сама природа, ни инструментарием, чтобы их получить. Можно ли объективно установить, есть ли у природы интересы и в чем они состоят? Входит ли в них восстановление себя, и если входит — то какие критерии должны определить достаточность восстановления?

Несмотря на популярную в последнее время идею о «восстановлении природы» и о ее возвращении к «дикому» состоянию (rewilding)³⁹, никто, кажется, не предлагает восстанавливать ее до мезозоя или хотя бы до плейстоцена — а лишь до определенного состояния, более или менее конкретной совокупности условий. Возможно, как раз потому, что именно при этих условиях человечество более или менее успешно существует и пока не вымерло⁴⁰. О других же вариантах у него представлений не больше, чем о потустороннем мире. Возможно, восстановление целесообразно до состояния, в котором природа пребывала прямо перед тем переломным моментом, когда вмешательство человека оказалось для нее избыточно масштабным, глубоким или слишком системным для того, чтобы в природе запустились естественные процессы адаптации и/или восстановления. Или, например, до момента, после которого объем затрат и рисков перевесит предполагаемую пользу.

А если интересы природы, буде они существуют, состоят не в восстановлении, а в изменении и адаптации? Или у нее сложная матрица интересов, где восстановление сочетается с изменениями и адаптацией, включая отмирание более или

39. См. об этом подробнее: Mutillod C., Buisson É., et al. Ecological restoration and rewilding: two approaches with complementary goals? // *Biological Reviews*. 2024. 99. P. 820–836. DOI: 10.1111/brv.13046; Pettorelli N., Bullock J.M. Restore or rewild? Implementing complementary approaches to bend the curve on biodiversity loss // *Ecological Solutions and Evidence*. 2023. 4. P. e12244. DOI: 10.1002/2688-8319.12244; Hayward M.W., Scanlon R.J., et al. Reintroducing rewilding to restoration — Rejecting the search for novelty // *Biological Conservation*. 2019. 233. P. 255–259. DOI: 10.1016/j.biocon.2019.03.011.

40. Несмотря на движения за вымирание — такие, как VHEMT: <https://www.vhemt.org/>. Дата обращения 12.01.2025.

менее крупных элементов? А может быть, у природы вообще нет интересов, она индифферентна и нейтральна, и не заинтересована даже в существовании себя самой, и человек может принять решения выживать подходящими ему способами (в которых он, правда, не очень еще сам разобрался), не задумываясь об этической стороне вопроса?

Если верно последнее, то вся риторика об «охране природы» — априори антропоцентрическая риторика, в которой природа должна быть, если не удобной для человеческой популяции, то как минимум позволяющей ей выжить. Такой вот вопиющий утилитарный, объективизирующий, инструментализирующий эксплуататорский антропоцентризм.

С другой стороны, возможно, период увлечения охраной природы был в каком-то смысле необходим как переходный от чисто инструменталистского, механистического восприятия и полной диссоциации животного и человека — к их полной ассоциации, породившей предположения о возможности единых основ их философской и правовой репрезентации. Так оно или нет, но упоминавшаяся выше знаменитая концепция «5 свобод», лежащая в основе современных представлений о благополучии животных, зародилась и сформировалась именно в те самые «природоохранные» 1960–1970-е годы.

Животные в конституциях XXI века: ползем к благополучию?

Выше мы уже немного затронули новое тысячелетие, рассуждая о нетривиальных подходах к охране природы в целом или отдельных ее объектов. Но в контексте проблематики данной статьи период с 2000 г. характеризуется не только и не столько этим явлением.

Именно в этот период научные данные о способности разных видов животных к психическим переживаниям, сложным эмоциям, сознательной деятельности и др. позволяют прочертить (сначала в рамках соответствующих наук, а затем и в юриспруденции), пусть и временно, новую линию демаркации, отграничивающую виды, интересы которых человечество готово учитывать и защищать, от тех, чьими интересами оно

готово пренебречь. Для юриспруденции это прежде всего означает появление в законодательстве определений таких понятий, как «животное» (и отдельных его категорий — «домашнее», «служебное», «лабораторное» и др.), а также понятий «жестокость» («жестокое обращение»), «чувствительность» («способность испытывать эмоции», «способность страдать»), «ответственное обращение», «сознание» и др.

Чаще всего законодательная защита предоставляется позвоночным животным, в некоторых странах — рыбам, почти никогда — моллюскам или насекомым — они просто не упоминаются в определении «животного» для целей законодательства о благополучии животных. Во многих странах законодательная защита не распространяется на лабораторных животных, а дикие и сельскохозяйственные остаются в предметном поле прежнего регулирования (соответственно, лесного/водного/природоохранного и сельскохозяйственного), продолжающего развиваться без учета современных представлений о благополучии животных.

Все эти процессы, безусловно, затрагивают и конституции, хотя обычно с некоторым опозданием и почти без поражающих воображение решений. Несмотря на горячее желание зоозащитного сообщества, конституционные положения о животных 2000-2020-х гг. ограничиваются скромными утверждениями о необходимости защиты животных и распределении полномочий по этой защите между органами государственной власти, не демонстрируя принципиально новаторских идей.

Новых конституций, которые бы содержали запрет жестокого обращения с животными, с конца прошлого века не появилось. То есть идея защиты животных от такого обращения через включение соответствующего запрета в состав системообразующих (конституционных) государственных ценностей пока для большинства государств не выглядит ни необходимой, ни, возможно, уместной.

Нет в конституционном праве и свежих примеров норм о благополучии животных, хотя сама идея их благополучия за время, прошедшее с момента публикации отчета Брамбелла

в 1965 г.⁴¹, заметно углубилась и развилась. Тем не менее, на сегодняшний день основной уровень регулирования вопросов, связанных с благополучием животных и их защитой от жестокости — уровень специального законодательства. Как правило, это законы об ответственном обращении с животными (в некоторых странах — «о защите животных», «о благополучии животных» и др.).

Сегодня, наверное, уже никто не будет спорить с тем, что закрепление подобных положений в конституции существенно повышает их значимость, а, следовательно, улучшает и судебные перспективы по делам, связанным с обеспечением благополучия животных и защитой их от жестокого обращения — особенно в правопорядках, где эффективность обеспечения соблюдения законодательства низка. Однако до сих пор продолжаются дискуссии о том, насколько в принципе приемлем этот метод решения проблем эффективности контрольно-надзорной и/или судебной систем. Невозможно переносить в конституцию все, что не обеспечивается ввиду слабости системы enforcement'a. Конституции имеют совершенно иное назначение и смысл.

Кроме того, внедрение в конституционную ткань защитных норм о животных обостряет конкуренцию конституционных норм по вопросам, где интересы людей оказываются в противоречии с защищаемыми конституцией интересами животных. Даже там, где в конституции прямо оговорен примат прав человека, однако не ясно, соответствует ли такое положение дел духу проводимых реформ. Да и чисто технически внесение в конституцию столь инновационной нормы создает

41. Этот отчет считается первым документом, в котором были сформулированы так называемые «5 свобод» — принципы, положенные сегодня в основу представлений о критериях определения благополучия животных. *Brambell F. W. R. Report of the Technical Committee to Enquire into the Welfare of Animals kept under Intensive Livestock Husbandry Systems. London, 1967.* URL: <https://edepot.wur.nl/134379>. Дата обращения: 02.02.2025. В 2004 г. 5 свобод были включены в схему оценки благополучия сельскохозяйственных животных Welfare Quality® assessment scheme (EC). URL: <https://www.welfarequalitynetwork.net/>. Дата обращения: 02.02.2025.

необходимость пересмотра всей системы нормативных актов нижних уровней, затрагиваемых такой новеллой, во избежание конфликтов и патовых ситуаций, в том числе и благодаря изменению процедур. В каких-то случаях и по отдельным вопросам эта задача может решаться судами, но в целом такой пересмотр — долгий, трудный и очень недешевый процесс.

Нельзя не заметить и то, что новые конституционные нормы о животных, реализуясь в основном через «охранительные» формулировки, продолжают традиции патернализма, объективизации и апроприации, заимствованные у «природоохранных» норм. В XXI веке животные все еще не имеют своего голоса в демократических процедурах принятия даже самых прогрессивных конституций⁴², еще ждут своих суфражисток, способных добыть для них волшебную формулу представительства в законотворческом процессе.

Из всего вышесказанного можно заключить, что конституционные нормы о благополучии животных не столько *задают* его как основополагающую ценность для отдельного государства, чтобы затем имплементировать ее в национальное законодательство и практику, сколько *признают* и *юридически опосредуют* факт проявления его в этом качестве, факт его принятия народом, а часто и международным сообществом.

Тварь дрожащая, с правами и без

Несколько слов хочется сказать и про неутихающие попытки записать в конституции «права животных» — по образу и подобию прав человека. Безусловно, записать можно все. Да и история знает примеры приобретения правосубъектности теми, о ком недавно в этом контексте странно было подумать. Подобный путь проделали иностранцы и работники, женщины и дети, люди разного цвета кожи, инвалиды и проч. Однако всех их роднит друг с другом одно: они люди.

О людях мы можем судить достаточно достоверно и уж во всяком случае не опасаясь искажений, вызванных видовой апроприацией (при том, что риск других искажений, ввиду других оснований апроприации, безусловно, сохраняется).

42. Об этом можно подробнее прочитать, например, в: Eisen J. Ibid.

К сожалению, мы не можем сказать то же самое, если речь идет о животных. Поэтому необходима очень аккуратная конструкция, чтобы животные могли... нет, не получить права в их полном юридическом смысле, но получить защиту своих интересов через имеющиеся и доказавшие свою эффективность институты.

Неслучайно разработчики поправок законодательства о животных пробуют использовать термин «опекун» наряду с терминами «владелец», «собственник»⁴³ — там, где невозможно полноценное и адекватное представительство, опекуновство может быть не самым плохим решением. Впрочем, дальше терминологии эта идея пока в законодательстве не продвинулась. Что неудивительно, учитывая ее в большей степени «образовательные»⁴⁴ цели — популяризировать восприятие животных

43. См. например: только «опекун» в п. 1 ст. 5 Закона о защите животных Республики Словения версии 1999 г. и обе термина («опекун» и «собственник») — п. 22 ст. 5 Закона о защите животных Республики Словения в действующей версии 2013 г.; пп. 12 и 17 ст. 2 Закона Литовской Республики об уходе, содержании и использовании животных от 03.10.2012 № XI-2271, ст. 3 Закона Республики Молдова об идентификации и регистрации животных от 20.07.2006 № 231 и в ст. 4 законопроекта Республики Молдова о защите животных, а также в других нормативных актах: п. «f» ст. 10.04.010 Муниципальном кодексе Беркли (США), п. 16 Законодательства Род Айленда (США) и др. Подробнее об этом см.: *Hankin S.J.* Not a living room sofa: Changing the legal status of companion animals // *Rutger's Journal of Law & Public Policy*. 2007. 4(2). P. 314–410. URL: <https://tinyurl.com/248rrx6k>. Дата обращения: 12.02.2025; *Hogan M.* Standing for non-human animals: Developing a guardianship model from dissents in *Sierra Club v. Morton* // *California Law Review*. 2007. 95(2). P. 513–534. URL: <https://www.jstor.org/stable/20439100>. Дата обращения: 12.02.2025; *Seymour G.* Animals and the law: Towards a guardianship model // *Alternative Law Journal*. 2004. 29(4). P. 183–187. DOI: 10.1177/1037969X04029004. Тем не менее, сохраняющаяся вариативность терминологии от страны к стране пока вряд ли позволяет усмотреть в этом сложившуюся тенденцию, тем более — глобальную.

44. Впрочем, можно считать их также идеологическими и/или политическими, основанными на общем «анималистическом» повороте. Подробнее об этом применительно к опыту США см., например: *Hankin S.J.* Making decisions about our animals' health care: Does it matter whether we are owners or guardians? // *Stanford Journal of Animal Law*

как живых, чувствующих существ со своими интересами, уйти от объективизации и тем самым повлиять на снижение уровня жестокости к ним.

Кроме того, с требованиями дать животным права чаще всего (если не в подавляющем большинстве случаев) выступают... не юристы⁴⁵. В мире существует немало философов и иных более или менее далеких от права специалистов, по какой-то причине сосредоточивших свое внимание на животных. У философов для таких требований есть вполне весомые основания: философское представление о правах, положенное в основу современной конструкции прав человека. Однако толкование таких понятий, как «права», «субъектность» и др. в разных областях существенно отличается. Поэтому сам факт укоренен-

and Policy. 2009. 2(1). P. 1–51. URL: <https://tinyurl.com/2y7kp8fg>. Дата обращения: 12.02.2025.

45. Среди адептов и лоббистов идеи предоставления животным «прав» непросто найти юриста, но даже найдя его, мы часто обнаруживаем, что в основе своей перед нами философ — каковым, например, является известный сторонник «прав животных» проф. Г. Л. Франчони, получивший две степени по философии и лишь одну, позднее — по праву. И даже написанием печально известной Всеобщей декларации прав животных 1977 г., так и не состоявшейся в виде полноценно признанного международного документа, занимались не профессиональные юристы, а участники Международной лиги прав животных (International League of Animal Rights) во главе с социальным психологом Дж. А. Хойсом (G. A. Heuse). Как известно, несмотря на свою популярность в среде защитников животных, а также *обнародование* в ЮНЕСКО в 1978 г. и официальное ее представление Генеральному директору ЮНЕСКО в 1990 г., Декларация не была ни признана, ни принята ни одной межгосударственной международной организацией (включая и саму ЮНЕСКО). Подробнее об этом см. например: Neumann J.M. The Universal Declaration of Animal Rights or the creation of a new equilibrium between species // *Animal Law Review*. 2012. 19(1). P. 91–109. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol19/iss1/5/>. Дата обращения: 12.02.2025. Исключением из правила можно считать отдельные, но широко известные примеры из южноамериканской судебной практики (Аргентина, Эквадор), связанных с признанием обезьян субъектами права. Очевидно, что эти решения вытекают не столько из формальной юридической теории, сколько из местной культурной традиции, с ее специфическим восприятием природы и окружающего мира.

ности юридических терминов в их философских прообразах, увы, не означает совпадения и не обуславливает понимания производных конструкций без дополнительных пояснений. Не удивительно, что классические юристы часто, если и понимают, то не могут согласиться с этим достаточно абсурдным для них требованием.

Из таких разночтений в основном и происходит раскол⁴⁶. Хотя могла бы происходить синергия и обогащение позиций всех сторон — так, чтобы актуальные идеи из философии оперативнее проникали в правовой дискурс, побуждая юристов искать новые подходы в своей области — так, как это уже давно происходит с данными социологии или, скажем, биологии.

Так или иначе, представляется, что серьезная дискуссия о «правах» без участия юристов вряд ли возможна. Во всяком случае, ее результаты будут иметь куда меньше шансов на изменение формальных правил поведения, закрепленных в юридических актах.

Немного классификации

Как можно видеть из вышеизложенного, конституционные нормы можно классифицировать не только по уровню источника и функции, которую их упоминание в конституции призвано выполнять — как это сделано проф. Оливьером Ле Бо⁴⁷. Само собой напрашивается разделение конституционных норм о животных в зависимости от задач, решаемых их упоминанием. Таким образом, можно разделить эти нормы на следующие четыре категории:

46. Одним из ярких представителей этого раскола со стороны юристов является, например, проф. Дж. Р. Лавворн, в теории и в своей юридической практике отстаивающий возможность улучшения положения животных без извращения идеи «прав». См. подробнее: *Lovvorn J.R. Animal law in action: The law, public perception, and the limits of animal rights theory as a basis for legal reform // Animal Law Review. 2006. 12(2). P. 133–149. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol12/iss2/2/>. Дата обращения: 12.02.2025.*

47. *Le Bot O. Constitutional animal law. Ibid.*

1. «символические» — упоминающие животных лишь по форме, в связи с их включенностью в формальную государственную символику;
2. «инструментальные» — нормы, описывающие условия использования животных при полном игнорировании как их возможных коллективных и индивидуальных интересов, так и моральной ценности, носителями которой они являются, и совершенно никак не учитывающие возможное наличие у них своего «голоса» в демократических процессах;
3. «охранительные» — патерналистские, как правило, «природоохранные» нормы, прямо или, чаще, косвенно предписывающие защищать животных в интересах человека, природы и популяции, но без учета индивидуальных интересов, моральной ценности и «голоса» конкретного животного;
4. «велферистские» — ориентированные на учет всего вышеперечисленного (кроме голоса), исходя из ограничений современного научного знания о животных.

В идеале здесь видится еще и пятая категория — демократических положений, разработанных с учетом достоверной информации о коллективных и индивидуальных интересах животного, его «голоса». Однако пока это больше фантастика.

А что же Россия?

Российская конституционная норма о животных (п. «е.5» ч. 1 ст. 114)⁴⁸, принятая в пакете поправок 2020 года, безусловно,

48. Для удобства восприятия приведу здесь эту норму целиком: «...Статья 114. 1. Правительство Российской Федерации: ...е.5) осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным» (Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution/>. Дата обращения: 02.02.2025).

изложена патерналистским слогом, но в данном случае это ее наименьшая проблема (тем более, что мир в целом также пока не отказался от патерналистского ракурса). В процессе обсуждения ей почти не досталось внимания специалистов (что неудивительно, учитывая значимость и резонанс «политической» части новелл), и это явно не пошло ей на пользу. Впрочем, сложно требовать содержательности и эффективности от нормы, главным, если не единственным, назначением которой было стать ширмой, скрывающей от менее информированной аудитории несвежее исподнее тех поправок. Кто, в самом деле, будет против защиты зверюшек?

Так поправка «о животных» оказалась на обочине всех дискуссий. Аналитики критиковали политические изменения, широкая аудитория предпочла сосредоточиться на вопросах зарплат и пенсий. Заметили ее, похоже, одни зоозащитники.

Подобно индийским конституционным поправкам 1976 г., ст. 114 российской конституции также не обязывает правительство делать что-то конкретное для реализации отнесенной к его компетенции задачи по «формированию в обществе ответственного отношения к животным». Да, в ней упоминаются «меры, направленные на», но нигде более не говорится о том, как эти меры будут выглядеть: предполагают ли они разработку соответствующего законодательства или государственную программу, будет ли правительство отвечать только за разработку или также за реализацию, а может и за контроль, и др. Формулировка статьи отчаянно напоминает советские отписки в ответ на жалобы: «Меры приняты». И что вы тут стоите, гражданин? Проходите, не задерживайтесь.

Но даже если Правительство РФ действительно решило бы заняться «осуществлением мер, направленных на формирование в обществе» названного отношения, в конечном счете вину за его несформированность всегда можно было бы свалить на «общество»: извольте видеть, вот мы принимали меры, и меры были направлены на формирование... а оно бац — и не сформировалось. Такое некачественное общество нам досталось, невозможно работать, прямо беда.

Нет и ясности с использованным в новелле термином «ответственное отношение к животным», которое должно сфор-

мироваться у общества в результате... нет, не принятия правительством мер, а их «направления на». Формально термин «ответственное отношение к животным» не определен, хотя и мог бы быть истолкован на основании положений Федерального закона № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными...». Мог бы, но стоит ли оно тех усилий? И как можно назвать нормотворческую технику, порождающую такие задачи?

В 498-ФЗ фигурируют два компонента, пригодных для расшифровки новой конституционной нормы: (а) «обращение с животными» (предположительно — «ответственное», исходя из названия закона)⁴⁹; и (б) «отношение к животным»⁵⁰. В свою очередь, из всех упоминаний термина «отношение» в Законе для интерпретации конституционной новеллы подойдут лишь три: (1) подп. 3 п. 1 ст. 17: «гуманное отношение к животным без владельцев» как одна из целей деятельности по обращению с животными без владельцев; (2) п. 1 ст. 4 «отношение к животным как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания» (по сути, признание их способности чувствовать — *sentience*) и п. 3 ст. 4 «воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным» — как два из четырех «нравственных принципов и принципов гуманности», на которых согласно ст. 4 основывается «обращение с животными».

Итак, задачка со звездочкой — что же предполагалось сформировать и за чей счет?

Можно даже не пробовать разобраться в этом компоте произвольно составленных терминов — хозяйка кинула в воду все, что нашла. Как ни анализируй эти терминологические комбинации, вывод будет один: конституция не добавляет к нормам 498-ФЗ ничего существенного: закон итак требует от «обращающихся с животными», чтобы их действия по обращению, среди прочего, воспитывали (что видится несколько более человечным процессом, чем конституционное «формировали»)

49. П. 9 ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — 498-ФЗ).

50. Подп. 3 п. 1 ст. 17 и пп. 1, 3 ст. 4 498-ФЗ.

«нравственное и гуманное отношение», по смыслу закона понимаемое как компонент «ответственного обращения». То есть обращающиеся сами и обращаются с животными, и сами воспитываются, и еще население воспитывают. На все это согласно п. «е.5» ч. 1 ст. 114 конституции с отеческой строгостью взирает правительство, готовое в любой момент направить меры на формирование того, что не воспиталось.

Одно из редких содержательных отличий норм конституции и 498-ФЗ — в том, что по конституции объектом «формирования» выступает «общество» (субстанция без явной территориальной, — а при буквальном прочтении данной конституционной нормы — и государственной принадлежности), тогда как по закону объектом «воспитания» является «население» (общность, традиционно определяемую в национальном и международном праве через территориальную привязку⁵¹). Хотел ли тем самым законодатель расширить целевую аудиторию «формирующих» правительственных мер относительно указанных в законе воспитательных? Имел ли ввиду взаимодействие правительства с гражданским обществом в случаях, когда обращающиеся с животными не слишком эффективно воспитывают население и самовоспитываются? Вопросы, пожалуй, риторические.

Заметим к слову, что, в отличие от многих других конституций (включая и конституцию СССР 1977 г.), российская новелла не несет даже природоохранной (а с нею — и охранной для животных) функции, не говоря уже о том, чтобы распределять полномочия по ее внедрению в жизнь.

51. Некоторые рассуждения о том, что собой представляют понятия «население» и «общество» в российском конституционном и в международном праве можно встретить, например, здесь: Докторова А. Т. Народ и население как субъекты властеотношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 3–6; Ау Т. И. Общество как объект конституционно-правового регулирования: критерии и функции // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 36–40; Абашидзе А. Х. Население и международное право // Международное право. Учебник / Отв. ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухаммедов. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 227–228.

Да и сама характеристика мер как «направленных на» сдвигает с Правительства последние перышки ответственности за какой-либо результат. Меры были? Были. Мы их направляли на? Направляли. На этом указание п. «е.5» ч. 1 ст. 114 можно считать выполненным.

Конечно, это лучше, чем ничего. Моральное удовлетворение тоже что-нибудь значит. В конце концов, мы затащили тему животных на конституционный уровень, а это немало. С этой точки будет легче двигаться вперед, исправляя существующую норму, а не пробивая внесение новой.

Однако, ввиду отсутствия в п. «е.5» ч. 1 ст. 114 сразу и внутреннего содержания, и оснований для хотя бы минимального эффекта, некоторые специалисты вообще исключили бы ее из анализа конституционных положений о животных. Проф. Ле Бо⁵², например, считает, что в подобных случаях конституция «only evoke animals but do not protect them for themselves». И хотя приводимые им примеры мало похожи на российскую конституционную норму, может он просто не знал, что «так можно», что подобная норма вообще может оказаться в составе основного закона государства.

Список литературы

- Berg P., Baltimore D., Brenner S., Roblin R. O., Singer M. F.* Summary statement of the Asilomar conference on recombinant DNA molecules // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1975. 72 (6). P. 1981–1984. DOI: 10.1073/pnas.72.6.1981.
- Blattner Ch. E.* Comparative vantage points of extraterritorial animal law // Protecting animals within and across borders: Extraterritorial jurisdiction and the challenges of globalization. 2019. P. 319–364. DOI: 10.1093/oso/9780190948313.003.0010.
- Brambell F. W. R.* Report of the Technical Committee to Enquire into the Welfare of Animals kept under Intensive Livestock Husbandry Systems. London, 1967. URL: <https://edepot.wur.nl/134379>. Дата обращения: 02.02.2025.
- Bull A. T., Holt G., Lilly M. D.* Biotechnology: international trends and perspectives. Organisation for Economic Co-operation and Development, 1982.
- Clayton S.* Environmental identity // Identity and the natural environment: The psychological significance of nature / eds. Clayton S., Opatow S. MIT Press, 2003. P. 45–65.

52. *Le Bot O.* Constitutional animal law. Ibid.

- Darpö J.* Can nature get it right? A study on the rights of nature in the European context. European Union, 2021. URL: <https://tinyurl.com/263gu7ll>. Дата обращения: 11.02.2025.
- Ecuador first to grant nature constitutional rights // *Capitalism. Nature. Socialism*. 2009. 19(4). P. 131–133. DOI: 10.1080/10455750802575828.
- Farm Animal Welfare Council. December 5, 1979. URL: <https://tinyurl.com/22hmdcbf>. Дата обращения: 15.01.2025.
- Hankin S.J.* Not a living room sofa: Changing the legal status of companion animals // *Rutger's Journal of Law & Public Policy*. 2007. 4(2). P. 314–410. URL: <https://tinyurl.com/248rrx6k>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Hayward M.W., Scanlon R.J., et al.* Reintroducing rewilding to restoration — Rejecting the search for novelty // *Biological Conservation*. 2019. 233. P. 255–259. DOI: 10.1016/j.biocon.2019.03.011.
- Hogan M.* Standing for non-human animals: Developing a guardianship model from dissents in *Sierra Club v. Morton* // *California Law Review*. 2007. 95(2). P. 513–534. URL: <https://www.jstor.org/stable/20439100>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Ingold T.* From trust to domination: An alternative history of human-animal relations // *Animals and human society* / eds. Manning A., Serpell J. Routledge, 1994. P. 61–76.
- Kempers E.B., Epstein Y.* Animals in constitutional law — Symposium introduction // IACL-AIDC Blog. International Association of Constitutional Law | l'Association Internationale de Droit Constitutionnel, 13.02.2024. URL: <https://tinyurl.com/2djppolt>. Дата обращения: 25.12.2024.
- Le Bot O.* Constitutional animal law. Independently published, 2013. P. 11–12; *Eisen J.* Animals in the constitutional state // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. 15(4). P. 909–954. DOI: 10.1093/icon/mox088.
- Le Bot O.* Is it useful to have an animal protection in the constitution? // *US-China Law Review*. 2018. 15(1). P. 54–59. DOI: 10.17265/1548-6605/2018.01.004.
- Lovvorn J.R.* Animal law in action: The law, public perception, and the limits of animal rights theory as a basis for legal reform // *Animal Law Review*. 2006. 12(2). P. 133–149. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol12/iss2/2/>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Muñoz L.* Bolivia's Mother Earth laws: Is the ecocentric legislation misleading? // *ReVista. Harvard Review of Latin America*. 06.02.2023. URL: <https://tinyurl.com/255kftku>. Дата обращения 03.02.2025.
- Mutillod C., Buisson É., et al.* Ecological restoration and rewilding: two approaches with complementary goals? // *Biological Reviews*. 2024. 99. P. 820–836. DOI: 10.1111/brv.13046.
- Neumann J.M.* The Universal Declaration of Animal Rights or the creation of a new equilibrium between species // *Animal Law Review*. 2012. 19(1). P. 91–109. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol19/iss1/5/>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Peters A., de Hemptinne J., Kolb R.* (eds.) *Animals in the international law of armed conflict*. Cambridge University Press, 2022. P. 109–128; *Stilt K.* Rights of

- nature, rights of animals // *Harvard Law Review*. 2021. 134. P. 276–285. URL: <https://tinyurl.com/229up7or>. Дата обращения 15.01.2025.
- Peters A., Stucki S., Boscardin L. The Animal Turn — What is it and why now? // *Verfassungsblog*, 14.04.2014. URL: <https://tinyurl.com/2yjhsmc>. Дата обращения: 02.02.2025.
- Pettorelli N., Bullok J.M. Restore or rewild? Implementing complementary approaches to bend the curve on biodiversity loss // *Ecological Solutions and Evidence*. 2023. 4. P. e12244. DOI: 10.1002/2688-8319.12244.
- Platvoet V. Growth from common ground: Animal welfare in wild animal law // *Journal of International Wildlife Law & Policy*. 2025. P. 1–25. DOI: 10.1080/13880292.2024.2441614.
- Recommendations. Intergovernmental conference of experts on the scientific basis for rational use and conservation of the resources of the biosphere. UNESCO. Paris, 4–13 September 1968. Education Resources Information Center (ERIC), Institute of Educational Sciences, U.S. Department of Education. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED047952.pdf>. Дата обращения: 11.01.2025.
- Ritvo H. On the Animal Turn // *Daedalus*. 2007. 136(4). P. 118–122. DOI: 10.1162/daed.2007.136.4.118. Дата обращения: 05.01.2025.
- Rodd R. Animals as part of the environment // *Biology, Ethics, and Animals*. Clarendon Paperbacks, 1992. P. 105–122. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198240525.003.0005.
- Safety evaluation of foods derived by modern biotechnology: Concepts and principles*. Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD), 1993.
- Seymour G. Animals and the law: Towards a guardianship model // *Alternative Law Journal*. 2004. 29(4). P. 183–187. DOI: 10.1177/1037969X04029004.
- Tóth Z. J. (ed.) Constitutional and legal protection of state and national symbols in Central Europe. Miskolc–Budapest, Central European Academic Publishing, 2022. DOI: 10.54237/profnet.2022.jeszcpfeg.
- Vetter S., Ózsvári L., Boros A. Protection of animals in the constitutions of the European countries // *Pro Publico Bono — Magyar Közigazgatás*. 2020. 1. P. 170–189. DOI: 10.32575/ppb.2020.1.9.
- Webster J. Animal welfare: Freedoms, dominions and “A Life Worth Living” // *Animals (Basel)*. 2016. 6(35). P. 1–6. DOI: 10.3390/ani6060035.
- Wold C.C., Thompson P.B. Animal ethics and animal constitutionalism // *Politics and Animals*. 2018. 4(1). P. 1–7. DOI: 10.2752/204118618X15160389307994.
- Whittenmore M.E. Comment. The problem of enforcing Nature’s rights under Ecuador’s Constitution: Why the 2008 environmental amendments have no bite // *Pacific Rim Law & Policy Journal*. 2011. 20(3). P. 659–691. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol20/iss3/8>. Дата обращения: 14.01.2025.
- Абашидзе А.Х. Население и международное право // *Международное право: Учебник* / Отв. ред.: В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухаммедов. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 227–228.

Ау Т. И. Общество как объект конституционно-правового регулирования: критерии и функции // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 36–40.

Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000.

Докторова А. Т. Народ и население как субъекты властеотношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 3–6.

Нормативные правовые акты

An Act against Plowing by the tayle, and pulling the wool off living sheep, 1635. Chapter XV. *Statutes passed in the Parliaments held in Ireland*. Vol. 1. Dublin: George Grierson, 1794: 301. URL: <https://books.google.si/books?id=VYRRAAAAYAAJ>. Дата обращения: 07.01.2025.

Berkeley Municipal Code. General Code. URL: <https://berkeley.municipal.codes/BMC/10.04>. Дата обращения: 12.02.2025.

Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung über das Ergebnis der Volksabstimmung vom 27. Mai 1962 betreffend den Bundesbeschluss über die Ergänzung der Bundesverfassung durch einen Artikel 24sexies betreffend den Natur- und Heimatschutz (15.06.1962). BBl 1962 I 1456. Plattform zur Veröffentlichung des Bundesrechts (Fedlex). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/1962/1_1456_/de. Дата обращения: 12.01.2025.

Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung, betreffend die eidgenössische Volksabstimmung vom 20. August 1893 (13.10.1893). BBl 1893 IV 399. Schweizerisches Bundesarchiv Online-Amtsdruckschriften. URL: <https://tinyurl.com/25o936kp>. Дата обращения: 18.01.2025.

Bundesbeschluss über eine neue Bundesverfassung vom 18. Dezember 1998. AS 1999 2556. Die Publikationsplattform des Bundesrechts. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/oc/1999/404/de>. Дата обращения: 13.01.2025.

Constitución de la Nación Argentina de 1853. InfoLEG. Información Legislativa y Documental, Dirección Nacional del Sistema Argentino de Información Jurídica del Ministerio de Justicia de la Nación. URL: https://www.infoleg.gob.ar/?page_id=3873. Дата обращения: 12.02.2025.

Constitución de la República del Ecuador Actualizado a: martes, 11 de febrero de 2025. LEXIS: un referente en búsquedas legales en Ecuador. URL: <https://www.lexis.com.ec/biblioteca/constitucion-republica-ecuador>. Дата обращения 10.02.2025.

Constituição de 1988 — Publicação Original. Câmara dos Deputados. URL: <https://tinyurl.com/sp2tn6>. Дата обращения: 12.01.2025.

Constitution (Forty-second Amendment) Act, 1976, s. 10, 11. URL: <https://tinyurl.com/23v5gpn9>. Дата обращения: 12.01.2025.

Constitution of India, 1949. Правовая поисковая система Indian Kanoon. URL: <https://indiankanoon.org/doc/15096463/>. Дата обращения: 12.01.2025.

- Constitution of Nepal, 1962. ConstitutionNet project — International IDEA's Constitution-Building Programme (Hague, Netherlands). URL: <https://tinyurl.com/2dnqvndr>. Дата обращения: 12.01.2025.
- Costituzione della Repubblica Italiana (gu serie generale n.298 del 27-12-1947). Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <https://tinyurl.com/2yurl7x3>. Дата обращения: 03.02.2025.
- De derechos de la madre tierra. Ley n° 071 de 21 de diciembre de 2010. Ministerio de Planificación del Desarrollo. URL: <https://tinyurl.com/28tuo4p4>. Дата обращения: 15.01.2025.
- Lege Nr. 231, 20.07.2006 privind identificarea și înregistrarea animalelor. Registrul de stat al actelor juridice al Republicii Moldova. URL: <https://tinyurl.com/2cju8gy3>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Lietuvos Respublikos gyvūnų globos, laikymo ir naudojimo įstatymo pakeitimo įstatymas, 03.10.2012 Nr. XI-2271. eSeimas. Lietuvos Respublikos Seimas. URL: <https://tinyurl.com/2bljr2mm>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Section 4-19-2. Rhode Island General Laws, 2023. JUSTIA U.S. Law. URL: <https://tinyurl.com/29sp4qs4>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Statuti organici shqipërisë, 1914. LiCoDU project — Consorzio interuniversitario di siti (COIS, Inter-University Consortium for sites). URL: <https://licodu.cois.it/?p=370>. Дата обращения: 25.01.2025.
- Te Urewera Act 2014. New Zealand Legislation. URL: <https://tinyurl.com/2c8s8poj>. Дата обращения: 11.02.2025.
- Ustava Republike Slovenije (URS). Uradni list RS, št. 33/91-I. URL: <https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=USTAI>. Дата обращения: 23.12.2024.
- Zakon o zaščiti živali št. 001-22-160/99, 26.11.1999. Uradni list RS, št. 98/1999. URL: <https://tinyurl.com/28zmca9d>. 12.02.2025.
- Zakon o zaščiti živali št. 510-05/13-3/2, 24.04.2013. Uradni list RS, št. 38/13. URL: <https://pisrs.si/pregledPredpisa?id=ZAKOI353>. 12.02.2025.
- Артикуль войнскій купно съ процесомъ надлежащїи судящїмъ. Спб, 26.04.1715. С. 65. URL: <https://tinyurl.com/22ndo4vr>. Дата обращения: 05.01.2025.
- Конституция (Основной закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). СПС Гарант. URL: <https://tinyurl.com/24574xbt>. Дата обращения: 12.02.2025.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution/>. Дата обращения: 11.02.2025.
- Конституция СССР 1977 г. (исходная редакция). СПС ГАРАНТ. URL: <https://tinyurl.com/26fve9rm>. Дата обращения: 11.01.2025.
- Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

DOI: 10.55167/ddo3090c9512

Ограничения следственно арестованных, содержащихся в СИЗО, на связь с внешним миром

Анна Каретникова
Профессор Свободного университета

Тема нарушения прав следственно арестованных, содержащихся в следственных изоляторах, традиционно куда менее затронута исследователями, чем тема нарушения прав осужденных. Это обусловлено в первую очередь тем, что осужденных в каждый период времени существенно больше, чем следственно арестованных, ожидающих суда. Однако почти каждый осужденный к лишению свободы некоторое, и иногда чрезмерно длительное время, пребывает в статусе следственно арестованного. И именно в следственном изоляторе, СИЗО, в большинстве случаев формируется его текущее и будущее отношение к справедливости и полезности назначенного наказания, к сотрудникам уголовно-исполнительной системы как к проводникам воли государства, к тюремной субкультуре, сначала воспринимаемой как форма противостояния произволу администрации, а затем — как органичная часть этого произвола.

Отличие законодательства, регламентирующего правовое положение следственно арестованных от аналогичного для осужденных диктуется двумя довольно противоречивыми посылами. С одной стороны, правовое положение еще не осужденных людей не должно быть более строгим, чем положение осужденных, вина лиц, содержащихся в СИЗО, не доказана до вступления в законную силу их приговоров, и они не могут рассматриваться как несущие наказание. Они не носят униформу, не обязаны называть сотрудников учреждений «гражданин начальник», не привлекаются к обязательному труду,

для них не регламентировано число посылок и передач. Цель ограничений, налагаемых содержанием в СИЗО, — лишь воспрепятствование их избежанию правосудия и помехам, которые они могли бы причинить расследованию по своим уголовным делам, иными словами, — изоляция. Однако именно эта цель делает правовой режим более строгим даже в сравнении с колониальским.

Это находит свое отражение, к примеру, в незаметных, на первый взгляд, ограничениях прав, которые налагаются на сношения следственно арестованного с внешним миром, на любые формы передачи информации.

Значимость таких сношений велика и в силу необходимости обеспечения права на процессуальную защиту, и в силу ценности поддержания так называемых социальных связей с близкими и родственниками. Есть и еще один аспект, делающий связь исключительно ценной: уровень нарушений основополагающих прав, насилия, давления и шантажа со стороны следственных органов через недобросовестных оперативных сотрудников администрации не ниже, а, возможно, и выше всего перечисленного в исправительных колониях. Такая ситуация вызвана и интересом следствия к позиции следственно арестованного по уголовному делу, и особенностями организации криминальной субкультуры. Ценность легальных способов связи сложно преувеличить, и именно их использование арестантами, на мой взгляд, умышленно или по небрежности законодательно затруднено.

Особую значимость в последнее десятилетие получила связь следственно арестованных с внешним миром в контексте развязанных властью политических репрессий. Переписка с политическими заключенными¹ наряду с информационными кампаниями и сборами средств в их поддержку стала одной из безусловно важных инициатив, поддерживающей таких арестантов в условиях неволи и консолидирующей вокруг темы поддержки политзаключенных гражданское общество. Этому способствует гуманное, казалось бы, указание законодателя:

1. Руководство по определению понятия «политический заключенный». URL: <https://tinyurl.com/25f6924j>.

«Подозреваемым и обвиняемым разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем».

Российское законодательство не содержит запретов на связь политзаключенных с родными и даже с более широким кругом лиц, поскольку, как и любая диктатура, в принципе не признает существования политзаключенных. Казалось бы, это выгодно отличает ее и от репрессивного аппарата тридцатых-сороковых годов прошлого столетия, и от режима Лукашенко в Беларуси, где для многих политзаключенных введен режим «инкоммуникадо» — запрет для кого бы то ни было, включая близких, не только поддерживать связь с арестантом, но и даже знать что-либо о его местонахождении, судьбе и состоянии. Однако на самом деле действующее российское и ведомственное законодательство содержит множество недомолвок и уловок, которые позволяют властям, «сохранив лицо», лишить следственно арестованных (а затем и осужденных) легальных способов связи со внешним миром. Рассмотрим ниже эти очевидные или незаметные ловушки, касающиеся следственных изоляторов.

На переписку со следственно арестованными распространяются положения **ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»²**: *«Переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре».*

Поскольку никаких уточнений, указывающих на избирательность или исключительность случаев цензуры, в этой норме не содержится, на практике она читается как «вся переписка подвергается цензуре», и именно так подходят к этому вопросу сотрудники администраций следственных изоляторов. Такой подход представляется противоречащим положению **ч. 2 ст. 23**

2. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».
URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/1305540/paragraph/124018:0>.

Конституции РФ³, устанавливающей: *«Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения»*. Можно ли считать таким судебным решением постановление о заключении обвиняемого под стражу, в связи с которым его права будут ограничены, — либо же нет, остается вопросом правовой дискуссии.

В соответствии с **ч. 2 ст. 20 103-ФЗ**, *«цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело»*. При этом стоит заметить, что если для цензуры исходящих, как и входящих, отправок, осуществляемой администрацией, устанавливается трехдневный срок (**ч. 5 ст. 20 103-ФЗ**), то в случае передачи этой опции следователю срок цензуры никакими нормативными актами не определен. Таким образом, следователь может, направив письмо начальнику СИЗО, потребовать направления в его, следователя, адрес всей переписки конкретного следственно арестованного, а по получении — изучать ее бесконечно долгое количество времени без какого-либо процессуального оформления, что порождает простор для злоупотреблений. Разумеется, подобное положение вещей приводит к злоупотреблениям. Более того, нигде в 103-ФЗ не упоминается об обязанности администрации хотя бы уведомить отправившего письмо арестанта о том, что его письмо или жалоба были направлены не адресату, а в следственный орган или суд. В результате арестант, направивший кому-либо оплаченное письмо, может так никогда и не узнать, что к адресату оно не поступило, и лишь гадать, по каким причинам оно осталось без ответа. Таким образом, норма о цензуре, осуществляемой следствием или судом, на самом деле камуфлирует ограничение, или даже полный запрет на переписку без уведомления об этом следственно арестованного.

Впрочем, отправить письмо не адресату, а следователю или в суд администрация СИЗО может и по своей инициативе. **Часть 3 ст. 20 103-ФЗ** содержит положение о том, что *«письма,*

3. Конституция РФ. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/52419:0>.

содержащие сведения, которые могут помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, выполненные тайнописью, шифром, содержащие государственную или иную охраняемую законом тайну, адресату не отправляются, подозреваемым и обвиняемым не вручаются и передаются лицу или органу, в производстве которых находится уголовное дело». В данном случае совершенно непонятно, кто именно должен прийти к выводу о том, что письмо содержит подобные сведения, поскольку в большинстве случаев цензор СИЗО не обладает допуском к государственной тайне и уж точно не способен делать заключения о том, может ли письмо помешать установлению истины по неизвестному ему уголовному делу. Тем не менее, закон и в этом случае подразумевает ограничение переписки без уведомления отправителя письма и его адресата.

Кажется не менее удивительным, что цензуре подвергаются не только частные письма, но и жалобы следственно арестованного, направленные им своему адвокату, имеющие принципиально иную правовую природу, чем письма родным или знакомым. **Часть 2 ст. 21 103-ФЗ** содержит полный перечень лиц и органов, жалобы и обращения в адрес которых *«цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем подачи предложения, заявления или жалобы рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете».* Порядок же направления жалоб защитнику регламентируется **частью 3** той же статьи: *«Предложения, заявления и жалобы, адресованные в другие органы государственной власти, общественные объединения, общественную наблюдательную комиссию, а также защитнику, должны быть рассмотрены администрацией места содержания под стражей и направлены по принадлежности не позднее трех дней с момента их подачи».* Отсюда следует, что все письма защитнику по умолчанию подлежат цензуре. И, в соответствии с **частью 4 статьи 20**, к обращению арестанта к своему адвокату может быть применена норма о переадресации такого обращения следователю или в суд.

Далее судьба такого обращения не регламентируется никак: Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит норм, определяющих обязанности следователя, следственного органа или суда в области осуществления цензуры писем и обращений подследственных. При этом Конституционный Суд

в своем постановлении от 29 ноября 2010 г. № 20-П⁴ признал положения статей 20 и 21 рассматриваемого закона не противоречащими Конституции РФ. Суд указал, что, на его взгляд, цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений, либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, либо что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер. В таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

Разумеется, постановление, содержащее оценочную категорию «разумные основания», уголовно-исполнительной системой воспринято не было, и положения ч. 2 ст. 21 103-ФЗ о цензуре продолжают распространяться на все без исключения жалобы и обращения, адресованные адвокатам, как и на личную переписку следственно арестованных.

Дополнительно следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 20 103-ФЗ отправление и получение корреспонденции осуществляются за счет средств подозреваемых и обвиняемых, и в случае отсутствия приложенного к письму конверта с маркой письмо отправлено администрацией не будет. Даже в не терпящих отлагательства случаях — к примеру, возникновения необходимости срочного вызова защитника — на администрацию не возложена обязанность бесплатно предоставить следственно арестованному конверт.

Кроме того, как следует из ч. 6 ст. 40 103-ФЗ, лишен права на переписку следственно арестованный, водворенный в карцер. Максимальный срок содержания в карцере для совершен-

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“ в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова».

нолетнего мужчины не должен превышать 15 суток, однако администрация может продлевать его неограниченное количество раз — и это становится, таким образом, еще одной скрытой возможностью ограничить право арестанта на переписку.

К сказанному необходимо добавить, что отечественное пенитенциарное законодательство, неоднократно используя термин «письмо», не содержит его определения. В случае спора администрация учреждения использует бытовое или словарное значение термина: «написанный текст, посылаемый для сообщения чего-нибудь кому-нибудь», что позволяет администрации в нужных ситуациях изымать из писем любые документы и иные вложения как недопустимые.

В 2003 году в 103-ФЗ впервые для СССР и Российской Федерации были внесены поправки, предоставившие следственно арестованным такую форму осуществления коммуникаций как телефонные переговоры. Для своего времени это было прогрессивно, однако доступ к таксофону, в отличие от безусловного, на первый взгляд, права на переписку, обусловлен и искусственно затруднен целым комплексом решений и обстоятельств. Как следует из п. 6 ст. 17 103-ФЗ, подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в СИЗО, имеют право на «платные телефонные разговоры при наличии технических возможностей и под контролем администрации с разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда».

Таким образом, первым условием является «наличие технических возможностей» — собственно наличие таксофонов в учреждении, их исправность, наличие сотрудников для вывода следственно арестованных на телефонные переговоры и любое иное. Практика следственных изоляторов такова, что нормы, обеспечивающие права арестантов, но обусловленные «наличием возможности», могут исполняться в последнюю очередь либо вовсе не соблюдаться, а возможность или ее отсутствие — появляться по мере заинтересованности самих сотрудников СИЗО.

Второе условие — осуществление переговоров под контролем администрации. Собственно, это тоже форма цензуры, применяемая в ограничение также гарантированного ст. 23

Конституции РФ права на тайну телефонных переговоров. В соответствии с п. 200–201.3 Приложения 2 к Приказу Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»⁵, утвердившего ПВР СИЗО УИС, они *«прослушиваются сотрудниками и могут быть прекращены в случае попытки передачи сведений, которые могут помешать установлению истины по уголовному делу, оскорблений, угроз, призывов к расправе, совершению преступления или иного правонарушения, а также информации об охране СИЗО, его работников, способах передачи запрещенных в СИЗО предметов, веществ и продуктов питания, попытка передачи информации, направленной на причинение вреда охраняемым законом правам и интересам органов государственной власти, общественных объединений и отдельных граждан либо содержащей сведения, составляющие государственную тайну, или информации ограниченного распространения; использование в разговоре нецензурной брани, шифров, жаргонных слов и выражений, применяемых в криминальной среде; ведения телефонного разговора на ином языке, чем был указан в заявлении подозреваемого или обвиняемого»*.

Как следует из приведенной цитаты, сотрудники располагают довольно широким арсеналом возможностей прервать разговор в том случае, если будут заинтересованы в том, чтобы телефонные переговоры не состоялись. Например, к информации «о работниках» вполне может быть отнесена информация о нарушении конкретным сотрудником прав участника переговоров или третьих лиц. Кроме того, как и в случае с перепиской, в особо уязвимом положении оказываются следственно арестованные, не владеющие русским языком. Законодатель-

5. Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/404953247/paragraph/1:o>.

ство предусматривает приглашение переводчика для перевода писем и телефонных переговоров, однако в связи с тем, что в обоих случаях не регламентированы сроки такого приглашения, подобная опция администрациями мест лишения свободы не осуществляется. По сложившемуся в среде сотрудников поверью, закон гласит, что переписка и переговоры ведутся только на русском языке. Преодолеть без помощи адвоката или правозащитников это препятствие для не говорящего по-русски арестанта практически невозможно, таким образом права иностранцев на переписку и телефонные переговоры ограничиваются в подавляющем большинстве случаев.

Третье и вызывающее справедливое негодование арестантов и правозащитников условие телефонных переговоров — наличие разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда. Разрешения на телефонные звонки, как и на свидания, запрашиваются следственно арестованными путем подачи ходатайств, отказы в их предоставлении мотивируются следователями и дознавателями, как правило, формально. Согласно сложившейся практике, разрешения обуславливаются признанием вины, что делает всю процедуру еще одной формой манипуляции подсудимым. Арестант или арестантка могут провести в СИЗО несколько лет, находясь под следствием и оставаясь лишенным возможности общения с родными, включая несовершеннолетних детей, если отказываются от сотрудничества со следствием.

Остается добавить, что в соответствии с п. 196 Приложения 2 к Приказу 110 даже при соблюдении всех приведенных выше условий телефонные звонки будут предоставлены следственно арестованному только в том случае, когда у него наличествуют на лицевом счету денежные средства. При их отсутствии такая форма связи, как и переписка, невозможна.

Из сказанного следует, что возможности следственно арестованного в части связи с внешним миром ограничены куда более существенно, чем это может показаться. Нормы, регламентирующие возможность связи следственно арестованных со внешним миром, мало изменились с 60-х годов 20-го века. Однако на практике новой реальностью тюремной связи стала запрещенная мобильная связь. Затрудненность комму-

никаций приводит к тому, что следственно арестованные стремятся любой ценой получить доступ к запрещенным в СИЗО мобильным телефонам, их число в следственных изоляторах исчисляется десятками и сотнями, несмотря на то что при их обнаружении нарушители водворяются в карцеры и ставятся на профилактические учеты. Это подвергает риску самих следственно арестованных, их близких, пытающихся скрытно передавать телефоны в посылках и передачах, а также вовлекает в коррупционные взаимоотношения огромный пласт сотрудников следственных изоляторов. Кроме того, незаконное нахождение в СИЗО большого количества неконтролируемых мобильных устройств приводит к росту числа осуществляемых с их использованием преступлений мошеннической и вымогательской направленности, а также к попаданию следственно арестованных, не имеющих собственных денежных средств, в зависимость и от сотрудников администраций, и от представителей криминальной субкультуры.

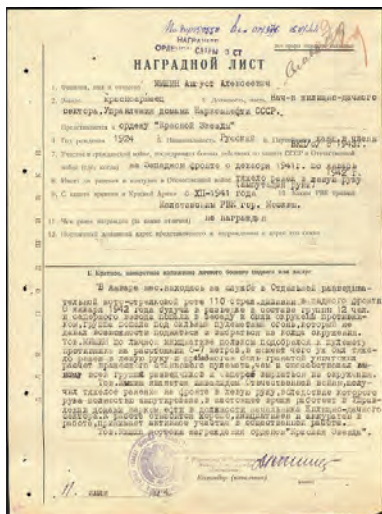
Сложно судить о том, были ли все описанные скрытые ограничения, либо, по крайней мере, их часть заложены в законодательство изначально, в связи с обвинительным уклоном следствия, либо небрежность законотворчества привела в ряде случаев к правовой неопределенности, существенно ограничившей права следственно арестованных на связь с внешним миром. Однако в любом случае их совокупность на практике может почти полностью, за исключением свиданий с адвокатом, лишить следственно арестованного любых форм легальной связи, не противоречащей интересам уголовного судопроизводства.

Впрочем, это не означает, что при расширении масштаба или ужесточении репрессий, желая прекратить общественные кампании поддержки политзэков, Россия не примет на вооружение опыт соседней Беларуси, где режим «инкоммуникадо» применяется к политическим заключенным по воле диктатора, а также не введет в закон дополнительных ограничений. С учетом того, что Беларусь во многих вопросах идет на шаг впереди России в наступлении на права и свободы человека, такая ситуация представляется вполне вероятной. Не очень верится, что российских законодателей остановит то, что, по мнению

многих авторитетных международных организаций, сильные психологические страдания не только самих следственно арестованных, но и их близких, не имеющих возможности узнать, живы ли их родные, могут быть приравнены к пыткам.

DOI: 10.55167/59544de867c1

Профессор Мишин в наших воспоминаниях

К(Г)ант(д)оны

Павел Ивлев, бывший студент юрфака МГУ (1987–1993)

Известно, что Август Алексеевич Мишин долгие годы работал профессором кафедры государственного права и советского строительства юрфака МГУ. В числе тем, изучаемых студентами по данному предмету, было территориально-государственное устройство Швейцарской Конфедерации, где субъекты конфедерации называются кантоны.

В этой связи в мою студенческую пору, то есть году так в 1990-м, рассказали мне следующую историю, похожую на быль, поскольку придумать такое сложно.

Идет экзаменационная сессия, в соседних классах юрфака принимают экзамены два близких друга: проф. Август Алексеевич Мишин по своему любимому государственному праву буржуазных стран и проф. Давид Львович Златопольский — по государственному праву зарубежных социалистических стран.

Вдруг в экзаменационную комнату к проф. Златопольскому, в которой сидит человек десять студентов, готовящихся к сдаче, а один студент непосредственно сдает экзамен, врывается Август Мишин и, обращаясь к своему коллеге, орет:

«Додик, тут Швейцарию на гандоны разделили!»

Как выяснилось, один из особо одаренных студентов, отвечая проф. Мишину на экзаменационный вопрос о территориальном устройстве Швейцарии, немного перепутал, как называются эти самые субъекты конфедерации, что вызвало искренний восторг профессора, и он решил срочно этой своей радостью поделиться с другом.

Трудно сказать, является ли эта байка на 100% правдой — лично я на той экзаменационной сессии точно не присутствовал. Бесспорно одно — Швейцарская Конфедерация по-прежнему состоит из процветающих и прекрасно самоуправляющихся кантонов, чего нельзя сказать о вскоре распавшемся Советском Союзе, равно как о его исчезнувшем государственном праве. Как говорится: ход истории необратим, и никакие додики не в силах ему помешать.

Август. Как нам упразднили бороду

Бывший студент

Его просто так звали: «Август», умер он тоже в августе, но еще до того, как мы стали понимать, что этот месяц имеет для России какой-то мистический смысл.

Лет двадцать назад на юридическом факультете МГУ прошла уютная конференция, посвященная его памяти: портрет профессора Августа Мишина в полной рыжей бороде лопатой был вывешен для сведения нынешних студентов, лишенных радости его знать. Получился хороший, теплый междусобойчик. Друзья вспоминали все хорошее и смешное. Он умер летом 1993-го, в самый разгар своей работы над тем, чему вскоре, несколько изменив и форму свою, и смысл, предстояло стать Конституцией России.

Тогда же, в августе 1993-го, в газете вышла заметка о Мишине с таким подзаголовком: *«Его борода была знаменем всех сумасбродов юридического факультета»*. Далее заметка в виде приложения была включена в учебник конституционного права, который написал Мишин. Учебник много раз переиздавался (искреннее спасибо издателям), газетная заметка тоже переиздавалась там внутри. Но в 2000 году «борода» как-то превратилась в «борьбу», а «сумасброды» просто в студентов. Получилось в результате такого редактирования: *«Его борьба была знаменем для всех студентов юридического факультета»*.

То есть абракадабра. В общем-то, Август (так за глаза его называли все, в том числе и те, кто боролся конкретно с ним) сам ни с кем так уж целенаправленно не боролся. Мне кажется (а я учился его понимать еще так, как ребенок понимает взрослого), он жил совершенно по принципу «Митьки никого не хотят победить». А знаменем для немногих сумасбродов была все же именно борода. Но и борьба там тоже была. Только велась она, вряд ли, «с кем-то» и, скорее всего, даже не «с чем-то», а во имя чего-то. И вот этим чем-то, что символизировала известная всему тогдашнему юридическому миру борода, была собственная внутренняя свобода и некоторая необузданность Августа, его необъяснимое положение и поведение гражданина

в государстве, которое само было начисто лишено всех первичных половых признаков гражданственности.

Может быть, для большей наглядности здесь стоит привести цитату из той, урезанной заметки: *«На фоне чахлых кустиков убогой и бессловесной советской профессуры Август Алексеевич вздымался могучим баобабом, что усиливалось впечатлением от его внешности: он был огромен, говорил и смеялся громоподобно, он размахивал своей единственной ручищей (левую потерял на фронте), он по-собачьи грыз трубку, из которой валил паровозный дым и сыпались огненные головешки. А, впрочем, может быть, не так уж его рост был велик, а голос трубен, сколько он не умел сутулиться, пригибаться и говорить вполголоса».*

В последнем юбилейном издании ставшего классическим учебника Мишина, в заметке, по-прежнему сопровождающей его в качестве приложения, весь этот текст тоже исчез вместе с бородой. И совершенно нет претензии к издателям, тут и речи нет ни о какой цензуре, просто текст чисто технически требовал сокращения. Вот бороду и сократили. Именно как что-то такое, что нам тут сегодня наименее нужно. Это жизнь так отредактировала, а мы не в претензии.

Однако это чисто техническое «сокращение бороды», которое, несомненно, имело место и на юбилейной конференции, привело к искажению образа. Все тут были люди и хорошие, и ученые, и честные, но все пытались юбиляра к чему-то приспособить и втиснуть в свои рамки. А он-то сам ни в какие рамки никогда при жизни не вписывался. Один ученый сказал, что Августу, знатоку Конституции США, не понравилось бы то давление, которое на нас сегодня оказывают из США. Другая ученая сказала, что инициативы президента Путина, если их рассмотреть через призму Мишина, являются «признаками наращивания парламентаризма». Общее мнение составилось такое, что Август, во всяком случае, был несомненным и почти оголтелым сторонником президентской формы правления, это выразилось в его проекте конституции, и вот это как раз было ему имманентно и присуще.

Да нет, позвольте-ка. Ничего такого ему присуще не было. На встрече с ним в 1993 году было видно, что он буквально заражен идеей сильного президента. Не исключено, что он этим за-

разился от Ельцина, с которым накануне встречался, но от того, образца 93-го, Ельцина, который еще был ему близок по духу свободы. Ведь Август был человек порыва. Но он не дожил ни до сентября, ни до октября, ни до указа № 1400, ни до стрельбы по парламенту, и неизвестно, как бы он к этому отнесся. Давления он точно не любил, но вряд ли счел бы таковым предвыборные мысли претендента Джона Керри по поводу ситуации в России. А сам ход мыслей ему бы скорее понравился. А вот за «наращивание признаков парламентаризма» профессор точно сразу вклеил бы два балла. Я могу об этом догадываться, не вдаваясь в теории, а просто так, как я когда-то понимал его, взрослого, ребенком, еще в той, давней компании, то есть на уровне чутья. Ведь в том, что сегодня у нас происходит, нет никакого духа свободы и гражданственности, а напротив, это все отдает какой-то мертвечиной, совершенно для Августа невыносимой.

А ведь ах, как не хватает сегодня именно конституции, именно права. Полно юристов, много умных, ученых и изощренных, но не видно среди них такого, за которым захотелось бы пойти. Куда он там позовет под знаменем своей рыжей с седыми проплешинами бороды. Август мог, конечно, и болеть, и ошибаться, и с ним всегда весело было почудить и подебоширить, но ни на что такое подлое он бы нас точно никогда не позвал. А сегодня есть юристы и называющие себя юристами, есть политики с нужным уклоном, есть талмудисты, мудрецы и тонкие дипломаты, но нет среди них ни одного сумасброда, одержимого гражданским духом свободы.

Меня давно занимает (как и большинство людей, я думаю) вопрос: почему такой-то человек умер не после, а прежде какого-то события, почему он с этим событием в истории не пересекся? Ведь как «не вовремя» умерли и Шукшин, и Высоцкий, и академик Сахаров. И профессор Мишин. За что это нам? Почему Бог нас не пожалел и их для нас не сохранил на нужное нам время? Возможно, Бог просто их пожалел, а нам уж самим тут что-то надо делать.

Короткий мемуар и долгая память

К Августу Алексеевичу Мишину меня привел Петя Баренбойм. Дело было в самом начале осени 1988 года, кажется, неделю или две спустя начала суда по «узбекскому делу». Я в этот момент работал в «Неделе» и отвечал за судебную хронику — и, естественно, самый громкий, как сейчас сказали бы, антикоррупционный процесс перестройки не мог не привлечь внимания. Баренбойм защищал бывшего предсовмина УзССР Худойбердыева, а другой участник визита к Мишину — Андрей Макаров — самую центральную фигуру процесса — бывшего зятя Брежнева Юрия Чурбанова.

Молодые адвокаты очень нуждались тогда в хоть какой-то поддержке СМИ — ведь традиционно у советских газет был ровно такой же обвинительный уклон, как и у судов. С Баренбоймом и Макаровым мы сдружились в перерывах судебных заседаний в Верховном Суде — и они стали моими проводниками в формальный и неформальный мир юриспруденции.

— Мы тебя познакомим с великим человеком, — сказал Баренбойм, заруливая на парковку около «профессорского дома» на Ломоносовском проспекте.

Дверь открыл высокий бородатый человек в ковбойке. В зубах он держал короткую трубку.

— А это что за юноша? — строго спросил он у Баренбойма, который протискивался мимо Мишина в глубины квартиры (Петя был корпулентный мужчина).

— А, Август Алексеевич, это Вася Гатов, журналист из «Известий» («Неделя», если кто не знает или запамятовал, была воскресным приложением к газете). — Он пишет про суды.

Мишин жестом одной руки (вторую он потерял на войне) указал мне путь в комнату-кабинет, и, пока Баренбойм что-то там колдовал с селедкой и бутербродами на кухне, расспрашивал меня о новых веяниях в газетной гласности: поскольку в этот период времени главные события состояли в том, что еще «разрешили» — какая тема перестала быть запретной, какая запрещенная литература стала разрешенной, все непричастные к редакционной деятельности люди немедленно начинали спрашивать именно о том «что еще разрешили». Воодушевлен-

ный, я распустил павлиний хвост и начал рассказывать о том, как гласность и перестройка выглядят из кабинета в здании «Известий» на Пушкинской площади.

Мишин, впрочем, не восхитился моим вдохновенным оптимизмом и, попыхивая трубкой, сказал: «Что-то это мне напоминает; ничем хорошим это не кончилось», — видимо, имея в виду хрущевскую оттепель.

Дальше Баренбойм притащил с кухни закуски, ввалился Андрей Макаров с какими-то еще молодыми адвокатессами, которые забились в уголок и с восхищением смотрели на Мишина и нас, составлявших его антураж.

После двух рюмок разговор всё еще вертелся вокруг перемен в СССР, при этом Мишин еще раз повторил, что его опыт не обещает ничего хорошего в будущем. Явно нужно было сменить тему, и Баренбойм это сделал под третью.

— А ты знаешь, — сказал он мне, — что профессор Мишин написал ту самую конституцию, по которой мы живем?

Это, безусловно, меня впечатлило, особенно в сумме с четвертой рюмкой.

Мишин недовольно резюмировал:

— Ну написал, не один, и кое-что туда не мы вписали. Писать законы не сложно, сложно сделать так, чтобы они работали. (В этот момент показалось, что и без того достаточно высокий Август Алексеевич еще вырос, переместился на виртуальную кафедру поточной аудитории и заговорил о том, что его действительно волновало).

— Законы (а конституция — это особый вид закона) пишутся с двумя целями: во-первых, зафиксировать то состояние общества и его внутренних отношений, которое есть, во-вторых — для того, чтобы создать рамки будущего — плохого или хорошего, это уж как получится. В случае с советской конституцией все просто: это не закон, а декларация, имеющая вид закона.

Две молодые адвокатессы в углу смотрели на Мишина так, как многие мужчины даже не мечтают, чтобы на них так смотрели. В этих взглядах было больше, чем почитание и обожание — в них было ощущение общения с богом.

Водка, между тем, закончилась, и Мишин достал из профессорского заглазника бутылку мескаля «с червяком». Адвокаты зацокали языками, адвокатессы умчались мыть рюмки, а Август Алексеевич продолжил профессорский разговор.

— Вот, например, Василий, вы знаете, почему американская конституция работает, а советская — нет?

Я не знал и, прямо говоря, боялся, что не узнаю.

— Вы знаете английский? — к счастью, английский я знал, и даже не очень плохо для средне-советского студента. Мишин снял с полки тоненькую книжку, вручил мне со словами: «Вот, почитайте, а я пока с Андреем и Петей про наши юридические дела поговорю».

Память моя почему-то сохранила следующий час или что-то около только как страницы The Constitution of the United States of America, которые я перелистывал, то ли стоя, то ли сидя на балконе мишинской квартиры (может быть, и не было балкона, но память такая странная штука...).

Когда я вернулся в реальность, Баренбойм и Макаров, равно как и две молодые адвокатессы (никаких намеков!) отсутствовали, а Август Алексеевич ждал меня за столом с налитой рюмкой.

— Ну что, стало понятно, почему это настоящая конституция, а то, что есть в СССР — (не помню дословно определения, но примерно, в современных терминах — «говно на палочке»), — спросил меня Мишин. Строго, как на экзамене.

Я что-то проямлил про разделение властей, выборы и power of the purse, но явно не попал в настроение профессора.

— Лучше бы у нас учился, чем у Засурского (который, как я потом узнал, был соседом), может быть, толк какой вышел, — резюмировал профессор Мишин и предложил мне червяка из мескаля.

После этого я бывал у Августа Алексеевича Мишина несколько раз, иногда в довольно формальной ситуации (ему приводили «знакомиться» каких-то новых «политиков» с конституционными идеями, скорее всего, это был Олег Румянцев); потом я познакомился у него с Василием Власихиным, соавтором

Мишина по фундаментальной книге «Конституция США: политико-правовой комментарий» — чтобы годы спустя узнать, что Власихин — одноклассник и друг моей нынешней тещи. И книжка Мишина и Власихина сопровождает меня во всех путешествиях в Америку, и сейчас тоже — скромный коричневый переплет и дарственная надпись — «Гатову, чтоб думал почаще и побольше. А. А. Мишин».

Думаю, это очень важное пожелание как мне, так и любому, кто вспоминает сейчас Августа Алексеевича.

Профессор Мишин веселый друг

Екатерина Мишина

Среди друзей профессора Мишина был рано ушедший адвокат Зиновий Басин. Очень, по папашиным отзывам, симпатичный, добродушный и даже кроткий человек. Чем, конечно же, пользовались его друзья. Как-то раз пригласил адвокат Басин всю эту юридическую банду к себе на день рождения. Накрыл стол и уселся ждать.

Раздается звонок в дверь. Приходит первый гость, вручает новорожденному балалайку и говорит:

— Вот тебе, Зонечка, подарок, играй и радуйся.

Адвокат Басин радостно хохочет и восхищается остроумием своего друга.

Снова звонок в дверь. Приходит второй гость, приносит балалайку и говорит что-то приятное и праздничное.

Адвокат Басин со смехом сообщает, что одна балалайка у него уже есть, но, тем не менее, подарок принимает с благодарностью.

Звонок. Третий гость. Третья балалайка.

Адвокат Басин вежливо улыбается и дивится такому чудесному совпадению. В этот момент в дверь звонит четвертый гость, в руках у которого, вы не поверите, балалайка.

Далее появляется пятая балалайка. За ней практически одновременно шестая и седьмая.

На девятой балалайке в нежную душу адвоката Басина начинают закрадываться нехорошие сомнения. На одиннадцатой он прозревает и сообщает своим активно праздную-

щим друзьям, что теперь ему совершенно ясно, чьи это пакости. Друзья радостно ржут, наливают новорожденному, но никакого раскаяния не испытывают.

Кстати, шутка с балалайками пошла настолько хорошо, что вскоре профессор Мишин стал регулярно получать по восемь экземпляров «Блокнота агитатора». Но, будучи человеком существенно менее наивным, чем адвокат Басин, совпадением это не считал.

В другой раз добрейший адвокат Басин пал жертвой непосредственно папашиных пакостей. Поехали они как-то раз с профессором Мишиным на несколько дней отдохнуть куда-то в деревню. Природа, речка, куры, гуси, свиньи, коровы, самогон... В особенности отдыхающим понравилось последнее из перечисленного, и употребили они этот продукт в изрядном количестве. В процессе употребления между ними возникли непреодолимые разногласия, урегулировать которые не удалось. Так и легли спать, сильно недовольные друг другом.

Ближе к полудню адвокат Басин проснулся и вышел из дома. По двору бродили куры и несколько свиней. На обоих боках каждой из свиней черной краской было написано «Адвокат Басин». Как вскоре выяснилось, мстительный Мишин встал пораньше, разжился некоторым количеством черной краски и кистью. После этого он приступил к ловле свиней, голову каждой зажимал между коленями и на боках делал указанную выше надпись. Будучи уличен, отпираться не стал, но отмыкать свиней отказался, сославшись на однорукость. Поэтому ликвидировать надписи пришлось кроткому адвокату Басину.

Услышав впервые эту историю, я стала очень переживать за незлобивого адвоката Басина и сообщила родителю, что на месте адвоката Басина я бы отмыла свиней частично и надпись «Адвокат Басин» переделала бы в «Профессор Мишин». Мишин внимательно на меня посмотрел, и в его глазах я увидела нечто, смахивающее на родительскую гордость.

Юридические шалости

Екатерина Мишина

В течение ряда лет веселая компания молодых кандидатов, а впоследствии докторов наук, в которую входили В. Никитинский, В. Туманов, О. Лейст, А. Мишин и другие, очень любила использовать для своих шалостей периодическую печать. Однажды Мишин и Лейст написали от имени пионера Вовы Туманова письмо в журнал «Юный натуралист». Пионер Вова Туманов высказал свою версию относительно того, зачем кошке усы, и предложил нетривиальное объяснение — чтобы, пролезая через дыру в заборе, сопоставлять размер дырки с размером головы. Письмо напечатали, и пионер Вова Туманов обрел популярность. Девочки писали ему письма и предлагали дружбу. Сам пионер был этим очень горд и с удовольствием пересказывал эту байку.

Иногда шалости облекались в поэтическую форму. Так, например, Лейст отправил куда-то от имени пионера Августа Мишина стихи, начинавшиеся словами «Летит ракета под ветра свист, а на ракете вымпел красный, он красивый и прекрасный». Злопамятный Мишин не остался в долгу и заслал от имени пионера Олега Лейста стихи «Раздался шум, раздался крик, в совхоз доставлен овцебык». Справедливости ради следует отметить, что творения обоих пионеров не достигли уровня популярности письма Вовы Туманова.

Много радости также доставляли подписки на периодические издания. Мишин в течение года получал по восемь экземпляров «Блокнота Агитатора». Вывести на чистую воду авторов затеи Мишин не смог, но чуял, что среди них есть Лейст. Поэтому Лейст вскоре стал получать журнал «Свиноводство». Туманов же, которому досталась подписка на тривиальную «Пионерскую правду», Лейсту очень завидовал. На высказанные по этому поводу претензии его добрые друзья ответили, что сферой профессиональных интересов Туманова являются усатые коты, но надлежащее периодическое издание, освещающее проблемы усатого котоводства, так и не удалось обнаружить.

Профессор Мишин и знаменитости

Екатерина Мишина

Отношения со знаменитостями у профессора Мишина складывались непросто. Не то, чтобы он ими совсем не интересовался, просто не всегда запоминал, как именно кто из великих выглядит. С совсем уж великими, которые широко представлены на портретах, было несколько проще: Петра Первого, например, он легко отличал от Карла Маркса, но в основном, конечно, по степени волосатости. Со здравствовавшими на тот момент знаменитостями, на которых можно было любоваться в телевизоре, дело обстояло существенно хуже — телевизора у нас в доме не было. В связи с чем приключались конфузы.

Когда Мишина начали выпускать за границу, одной из первых стала поездка в Париж. На пути обратно в самолете его посадили рядом с красивой блондинкой, которая показалась Мишину знакомой. Решив, что это Бриджит Бардо, куртуазный Мишин начал беседовать с ней на весьма посредственном французском. Бриджит Бардо беседу поддержала, но отвечала почему-то по-русски. Мишин оторопел и только когда увидел, что красавицу встречает Высоцкий, понял, что это Марина Влади.

Еще один конфуз приключился в ресторане Дома Кино, куда папаша с друзьями зашли на предмет выпить и закусить. Расположились за столиком, приступили к выполнению намеченного плана и изрядно в этом преуспели. Через какое-то время Мишин углядел за одним из соседних столиков мужика, который показался ему знакомым. Общительный Мишин подсел к мужику и поинтересовался:

— Слушай, ты в Институте права работаешь? Я точно тебя знаю, кажется, я тебя в ИГП АНе видел.

Мужик хитро на него посмотрел и заулыбался. Мишин не отставал.

— Не в ИГП АНе? А где? В ВЮЗИ?

Мужик начал ржать в голос. Но Мишин так просто не сдавался.

— Вспомнил! Ты в Горьковском филиале работаешь! Я там тебя видел. В ГЭЖе!

Мужик уже всхлипывал от смеха. В это время к столику подошел кто-то из папашиных друзей.

— Август, отстань от него, это Евгений Евстигнеев. Он в «Семнадцать мгновений весны» играет. Помнишь, ты рассказывал, как к Барабашеву ходил смотреть?

Когда в начале 1980-х профессора Мишина по непонятной причине засунули в группу деятелей советской культуры, отправлявшуюся в поездку по США, Мишин пригорюнился. Список группы ему, естественно, не дали, поэтому он велел мне ехать провожать его в Шереметьево. Группа должна была собраться под табло, и мне было поручено постараться идентифицировать как можно больше народу и папашу просветить. Я опознала Толкунову и Бабкину, о чем родителю доложила, правда, внятно объяснить, чем одна отличается от другой, не смогла. Но с ними все обошлось малой кровью. Опасность пришла откуда не ждали: вместо видного грузинского деятеля культуры в поездку отправилась его любознательная жена. Решив, что Мишин является передвижным вариантом Большой советской энциклопедии, она постоянно задавала ему вопросы.

— Август, скажите, а сколько в Америке штатов?

— Пятьдесят, — отвечал Мишин.

— А мне в Грузии говорили, что пятьдесят два!

Особенно тяжело профессору пришлось в некоем музее изобразительных искусств. Тетка двигалась за ним след в след, не отрываясь ни на минуту, и постоянно задавала самые разнообразные вопросы. В одном из залов, показав на висящую вдалеке картину, она спросила:

— Август, а что это за художник?

— Рене Писсуар, — ответил Мишин. И, не дожидаясь дальнейших вопросов, рассказал тетке биографию великого художника и перечислил его основные произведения. Тетке картина очень понравилась. На табличку с именем художника она даже не взглянула. Выйдя из музея, она прочувствованно поблагодарила Мишина за рассказ о Рене Писсуаре и выразила намерение купить альбом с репродукциями его картин. Надеюсь, ей это удалось.

Профессор Мишин и экзамены

Екатерина Мишина

Отправился как-то профессор Мишин в город Горький, где ему надлежало поучаствовать в работе государственной экзаменационной комиссии Всесоюзного Заочного Юридического Института. Приезжает, обустроивается, и тут в дверь его номера стучит дежурная по этажу и сообщает, что ему звонят из ВЮЗИ. Мишин идет вниз к телефону; звонит ему один из членов ГЭК, хорошо Мишину известный, и очень просит на следующий день явиться пораньше. Мишин просьбу выполняет и появляется за час до начала экзамена. Хорошо ему известный член ГЭК встречает профессора Мишина у входа в здание, показывает на стайку студентов, нервно топчущихся неподалеку, и шепчет.

— Видишь такую брюнетку, с длинными косами, высокую, в красной кофточке?

— Вижу, — говорит Мишин.

— Август, ну ты с ней... ну это... ты ее особо не спрашивай. Это моя любовница.

— А, — говорит профессор Мишин. — Договорились. Я ее вообще спрашивать не буду.

— Вот и отлично! — сияет хорошо известный член ГЭК и убегает в здание проверять, все ли готово к госэкзамену, а Мишин остается, чтобы покурить. В это время появляется еще один член ГЭК, Мишину знакомый, но не близко.

— Август Алексеевич, как хорошо, что я вас застал! — радуется он. — Собственно, у меня к вам небольшая просьба.

— Давайте, — говорит Мишин, беззаботно выпуская дым.

— Видите ли, сегодня будет сдавать одна барышня, с которой у меня очень тесные и близкие отношения. Она так волнуется, вы не могли бы ее особо не спрашивать?

— Мог бы, — говорит Мишин, которого эта ситуация начинает занимать. — А как я ее узнаю?

— А вон видите, такая черненькая, высокая, с косами, в красном?

— Вижу, — радостно говорит Мишин. — Будьте спокойны.

Третий член ГЭК, как выяснилось, тоже был профессору Мишину давно и хорошо знаком. Он подбежал к Мишину за 10 минут до начала экзамена, утащил его в угол и умоляюще зашептал, что сегодня сдает его баба, и чтобы Август ее не очень.

— Брюнетка с косами в красной кофте? — уточнил Мишин.

Третий член ГЭК оцепенел.

— Август! Откуда ты знаешь?

— Коля, я знаю твои вкусы, — ответил Мишин. — Не волнуйся.

Как оказалось, брюнетка в красном успела обработать решительно всех членов ГЭК. Поэтому папаша счел, что она заслуживает положительной оценки. За старательность.

Профессор Мишин юннат

Екатерина Мишина

Прилежным учеником Август Мишин не был, в отличие от младшего брата Июля. По его собственным словам, первый привод в милицию состоялся, когда он учился еще в начальной школе. Очень любил животных и даже уговорил родителей завести собаку — белого пуделя по имени Лукаш. Пудель оказался просто родной душой для юного Августа, настолько он был весел и проказлив. Довольно скоро пудель порезвился до непримиримых идеологических разногласий с суровой Лидией Даниловной, моей будущей бабкой. В итоге Лукаша отдали — ко всеобщему удивлению, в цирк, где перспективный пудель начал делать головокружительную карьеру. Однажды Мишины отправились в цирк всей семьей, дабы полюбоваться на одаренного песика. И полюбовались: единственной собакой, насравшей на арене во время выступления, был Лукаш.

В старших классах Август стал активным участником кружка юных натуралистов при Московском зоопарке. Его подшефным животным был удав-желтопузик, с которым Август ходил гулять в Парк Культуры, повесив удава на шею. Удав прогулки любил, но испуганные граждане в какой-то момент пожаловались в администрацию Московского зоопарка, и удава больше в Парк Культуры не отпускали.

Папа Август и широта взглядов

Екатерина Мишина

Как-то раз профессора Мишина пригласили в мою школу перед Днем Победы поделиться военными воспоминаниями. Он идти не хотел, но мама Зоя его убедила и даже уговорила надеть костюм и орденские планки. Те из моих одноклассников, кто не жил в нашем дворе и раньше моего папашу не видел, его испугались.

— Отец-то твой небось дома грозный? Лупит тебя за двойки-то? — опасливо поинтересовались они, когда высокий, однорукий, бородатый дядька наконец-то вышел из класса.

— Да ужас просто, — сказала я. Двойки я получала исключительно редко, так что влетало мне за тройки, причем от мамы Зои. Но говорить правду я не собиралась. Если бы я рассказала, что вообще-то она гораздо более грозная, чем профессор Мишин, они бы мне все равно не поверили, ибо внешность не бывает до такой степени обманчива. А уж если бы я хотя бы намекнула, какой невероятной широтой взглядов отличался суровый с виду папаша — тем более.

Широта взглядов профессора Мишина действительно вызывала изумление.

— Твоя мать считает, что ты куришь, — как-то раз задумчиво сказал он, дымя трубкой. Мы были дома одни, мама Зоя была в театре.

Я не то чтобы курила, но иногда могла подымить за компанию на сачке. Отношение мамы Зои к перспективе моего курения я прекрасно знала, но вот точка зрения профессора Мишина по данному вопросу мне была неизвестна. Поэтому я внимательно следила за дымом трубки. У этой фразы должно было быть продолжение.

— В общем так, — сказал Мишин и положил трубку в здоровенную черную пепельницу с символикой избирательной кампании 1980 года. — Мой родительский долг сказать тебе — не кури всякое говно. Когда у меня есть хорошие сигареты, я тебе всегда дам. Если нет — перебьешься. А мать пусть считает, что ты не куришь. Ясненько?

Когда летом после третьего курса я стала регулярно исчезать из дома на ночь, мама Зоя вызвала меня на ковер. Историю о том, что я, как переходящее красное знамя, перемещаюсь от одной подружки к другой, мне ей продать не удалось. Поэтому пришлось признаться, что я ночую у своего бойфренда. Мама Зоя пригрозила мне страшными карами, которым я буду подвергнута в случае, если об этом прознает родитель, и оставила меня в покое.

— Где шляешься-то? — поинтересовался профессор Мишин, через какое-то время обративший внимание на мои ночные отлучки.

— По делам, — буркнула я. Ничего более остроумного мне в голову не пришло.

— Я себе представляю, — сказал Мишин. — Да, кстати, все хотел спросить — а хахаль-то у тебя есть?

— А твое какое дело? — вежливо ответила я.

— Абсолютно никакого, — с достоинством сказал Мишин. — Просто хотел тебе сообщить, что в твоём возрасте не иметь хахаля уже в общем-то неприлично.

— Ну есть, — протянула я, внимательно следя за выражением папашиного лица.

— Ага, я так и думал, — просиял он. — Молодца. Да, имей в виду, Зойка считает, что я ничего не знаю.

— Будь спок, — сказала я. Мы никогда друг друга не выдавали.

Однажды, правда, широта профессора Мишина дала сбой. В тот вечер мама Зоя явилась домой с работы и поведала, что ее коллеги дружно смотрят по телевизору передачу некоего Кашпировского.

— Сегодня как раз очередной сеанс. Говорят, всем очень помогает. Прямо во время просмотра передачи. Он просто чудеса творит, — воодушевленно рассказывала она.

— Чудеса, говоришь? То есть этот Кашпировский может прямо из телевизора твою комнату убрать? — доброжелательно поинтересовался Мишин. Я хрюкнула в кулак и сделала вид, что это не я.

— Ограниченные мракобесы. Еще спасибо мне скажете. Будем смотреть, — безапелляционно заявила мама Зоя.

Мы с профессором переглянулись. Семейные вечера у телевизора у нас до этого момента как-то не приключались. У нас и телевизор-то появился всего несколько лет назад, маленький, черно-белый и усатый, как английский кокер-спаниель. Но спорить с мамой Зоей мы опасались. В назначенный час мы усадились у телевизора и уставились на экран. Минут через пятнадцать мы с папашей начали переглядываться и коситься на маму Зою. На лице у нее застыло примерно такое же выражение, как если бы ее застали ночью у холодильника. Глядеть в нашу сторону она избегала.

Передача закончилась. Мама Зоя по-прежнему на нас не смотрела. Мы же изучали ее с нежным вниманием двух грифов.

— Спасибо, Зойка. Благодаря тебе я теперь точно знаю, что я больше никогда не буду смотреть, — прочувствованно сказал профессор Мишин. — Вторая рука у меня не отросла, так что этот твой мудака на меня явно не действует.

Апофеоз широты взглядов Мишина приключился в середине лета 1991 года. Маму Зою мы куда-то сплавил и жили вдвоем. В то время у меня на царстве был джентльмен, который взял моду постоянно торчать на моей кухне до рассвета, дожидаясь открытия метро. Примерно через полторы недели профессор поинтересовался, почему этот длинный попросту не останется ночевать. Я передала длинному это предложение. Длинный вскинулся и сказал, что ввиду испытываемых ко мне чувств ночевать со мной в разных комнатах он не может, о чем я и проинформировала родителя.

— Так пусть ночует с тобой, — пожал плечами Мишин. — А то ведь ночью даже в сортир не выйдешь.

— Чем это он тебе мешает? — возмутилась я.

— Скорее я ему, — заметил Мишин. — Он так испуганно смотрит в мою сторону, когда я высовываюсь из своей комнаты, что я уже и не высовываюсь. Пусть ночует, мороки меньше.

Я передала длинному папашино пожелание. Вечером того же дня, вернее, ближе к двум часам ночи мы явились ко мне домой, повесили на двери в мою комнату плакат с надписью «Папа Август, не входи, тут мы!», приперли на всякий случай дверь стулом и легли спать.

Утром нас разбудило пение профессора Мишина. Пребывая в наиболее благодушнейшем настроении от сознания собственного демократизма, он гремел чем-то на кухне и громко распевал одну из своих любимых утренних песен — «Моя дочь Катя дура». Я убрала стул и робко высунулась в коридор.

Плакат по-прежнему висел на двери. Под нашим пламенным призывом не входить крупными буквами было приписано: «Очень надо!».

DOI: 10.55167/865b2cb1ee56

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Хроники Свободного университета. Зима 2024–2025

Елена Лукьянова

Профессор Свободного университета

Прошлые «Хроники» были дописаны в последний день осени 2024 года, а эти — в первые дни весны 2025-го. Событий за три месяца зимы у нас было немного, если не считать таковыми чтение 71 курса и двух обновленные магистерских программ, набор на которые прошел в сентябре. 28 курсов были новыми. Из них 11 подготовлены действующими преподавателями и 17 программ были приняты от вновь присоединившихся к университету профессоров. Так мы продолжали прирастать специалистами. К концу года мы «пересчитались». По последним спискам у нас оказалось 22 доктора наук, 66 кандидатов наук, 17 PhD и 3 MBA. Кроме того, пятеро преподавателей находились в процессе завершения докторских работ в разных университетах мира. 54 преподавателя признаны в России иностранными агентами.

Весной мы выпустили наших магистров — журналистов и юристов. У нас было время тщательно проанализировать результаты и усовершенствовать программы. Например, остро востребованными стали навыки преодоления журналистского выгорания в условиях релокации независимых СМИ и специфика военной журналистики. В публичном же праве все больше вопросов вызывают проблемы переходного правосудия и международно-правовой ответственности за военные преступления. Заодно мы поняли, какая еженедельная нагрузка и общая продолжительность программ являются оптимальными для получения лучшего результата. Да и вообще мы серьезно проанализировали нашу работу и занялись самосовершенствованием. По многим параметрам: по укреплению безопасности, улучшению внутреннего университетского общения и усилению междисциплинарности, разделению обязанностей членов

Ученого Совета и созданию рабочих групп, по поиску и написанию грантов, повышению качества рецензирования новых курсов и созданию системы обратной связи со студентами, созданию плана издательской деятельности. В общем, много вопросов накопилось, внимание к которым обычно «замыливается» в повседневной работе. Но мы не хотели позволить им «замылиться». И это здорово. Работа над самими собой всегда самая трудная, но, в итоге, самая результативная.

Самая большая прибавка в новых курсах и преподавателях произошла в Школе компетенции. Она стала настоящей Skill School с хорошим набором предметов, позволяющим получить новые практические навыки. Вот, например: «Коллеги, привет. Делюсь результатами курса „Введение в издательское дело“. Закончил на этой неделе. Заявок 130. На первую лекцию пришло около 90 слушателей. На последнюю — 40. Анонимный фидбек — пока 10 отзывов. Средняя оценка 9,6/10. Слушатели хотят продвинутый курс. Есть несколько вполне содержательных рекомендаций по дополнительному содержанию. Подумаю над перестройкой (расширением?) курса следующей осенью» (Владимир Харитонов, издатель, профессор Свободного университета). Как создавать коммерческую художественную галерею и управлять ей? Как организовывать фандрайзинг для НКО и медиа? Как обеспечить безопасность интернета? Как эффективно читать? Как приспособиться к изменениям климата? Как найти себя в условиях миграционных процессов в Европе? Все эти предметы, преподаваемые на хорошем академическом уровне, стали основой возрожденной школы, которая, наконец, осознала себя как серьезное подразделение дополнительного образования в университете.

28 ноября в Институте славянских и венгерских исследований Гумбольдтовского университета в Берлине состоялся круглый стол под названием «Публичная история в изгнании» (Public History in Exile).

Участники круглого стола — основательница первой в России на базе МВИШСЭН магистерской программы по публичной истории Вера Дубина и трое преподавателей Свободного университета, читающие майнор по публичной истории и исторической памяти — Александра Колесник, Александр

Русанов и Владислав Стаф — делились соображениями о том, как продолжать преподавать публичную историю на русском языке после 24 февраля 2022 года, как это делать, находясь в эмиграции, и какие перспективы существуют в будущем.

В России публичная история возникла сравнительно недавно, получив распространение в начале 2010-х годов как образовательная инициатива и профессиональное сообщество. В этот период расцвели многочисленные публикации, проекты и медиаплатформы, посвященные исторической рефлексии.

Полномасштабное вторжение России в Украину в феврале 2022 года стало поворотным моментом для и так едва успевшей сформироваться области публичной истории в России. Государственная историческая политика стала активно подавлять диалог о спорных аспектах прошлого, таких как Вторая мировая война и сталинские репрессии. Многие мемориальные и просветительские проекты, особенно те, которые соответствовали поддерживаемым государством нарративам, продолжали работать, но важнейшие инициативы оказались под угрозой закрытия. Уменьшились возможности для публичных выступлений, закрылись магистерские программы, а многие публичные историки были вынуждены покинуть Россию.

Пожалуй, главным выводом круглого стола стало то, что, несмотря на невозможность огромного количества проектов по публичной истории в России после 2022 года, продолжать исследования и преподавание на русском языке и для русских студентов все равно необходимо. Кроме того, из зала прозвучали призывы продолжить серию таких дискуссий — в формате круглых столов или как-либо ещё.

В день Святой Татьяны и московского студенчества, 25 января 2025 года, мы провели свою теперь уже традиционную ежегодную университетскую конференцию, ротировали и переизбрали руководящие органы и отчитались друг перед другом. Приветствовали новых преподавателей, спорили, выявляли проблемы и планировали их решения. Голосовали двое суток в режиме реальной конкуренции. Процедуры работают! В сентябре будем праздновать свой первый юбилей — пятилетие Свободного!

В итоге в январе мы объявили набор на 52 курса (новых курсов 18, из них 10 новых авторов). Получили около двух с половиной тысяч заявок на эти курсы и вновь приступили к работе.

Вот эти курсы.

Школа истории и исторической памяти

- История Первой мировой войны
- Прошлое в популярной культуре
- Политизированное и деполитизированное Средневековье: Медиевализм в современной культуре
- Русский национализм 1860–2022: Идеи, организации, публичная сфера
- Современная Россия: история раскола
- Политическая мифология
- Избранные темы в российской экономической истории

Цех политологии и права

- Strategies of Anti-Corruption Policy in a Comparative Perspective
- Структура исследования в политической науке
- Животные, этика, право
- Диспозитивность корпоративных отношений
- Права человека в практике высших судебных органов
- Современный Афганистан: политика, религия, международные отношения
- Сравнительное конституционное право: вертикальная компаративистика
- Политическая география
- Художественный текст как источник политическо-правового анализа
- Безусловный базовый доход: этика и политическая философия
- Сравнительное антикоррупционное право: рецепты успеха
- Оказание помощи следственно арестованным, практика и нормативные акты
- Современные политические режимы: теории и динамика

- Евроинтеграции
- Электоральные реформы как инструмент достижения общих и частных целей
- Криминалистика: теория и практика раскрытия преступлений
- Европейский единый рынок: взгляд через теорию общественного выбора

Свободные курсы

- Поэтика, критика и теория стиха: возможен ли ключ к определению качества текста
- Российская театральная цензура: история и современность. Введение

Цех социальных наук и гендерных исследований

- Мир социологической теории. Современность
- Введение в историю феминистских идей XX века

Школа точных и естественных наук

- Общая география
- Квантовая революция
- Основы биологии клетки
- Общая химия
- Во власти рынка: экономическая теории для практических решений

Цех филологии и наук о культуре

- Изучение читателя
- Литература эмиграции: русский Париж в межвоенные десятилетия
- Человек Музыкальный: История музыкального искусства от Неандертальца до Романа Сладкопевца
- Идея авторства в современной культуре
- Основы теории литературы
- Молодой Бах
- Introduction to American Regional Literature

Цех философии и религиоведения

- Философская система Я. Л. Морено и социодрама современности
- Онтология свободного действия
- В поисках нового героя. «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса

Школа компетенций

- Мастерская эффективного чтения
- Теории и практика мигрантского предпринимательства
- Moral Dilemmas (на английском языке)
- Климатический компас, навигация в новой реальности. Экологическая грамотность как ключ к успешному будущему
- Самоорганизация, самореализация, карьера
- Рисунок для начинающих

А еще мы философствовали и ностальгировали. Такая уж участь у университетов в изгнании. Вот небольшие зимние цитаты-зарисовки профессоров Свободного.

«В старом городе, построенном венецианцами, есть бар на пять человек, в котором за стойкой поет Эльза. Эльза делает сангри-ту, чтобы мы не пили текилу с лимоном, словно европейские варвары. Она переходит от Тейлор Свифт к „Порнофильмам“, „дайте мне белые крылья — я так соскучился“. Баром владеет Николай, который много лет жил в Новгороде. У нас находятся общие знакомые из позапрошлой жизни, части из которых нет в живых, а другая из хиппи превратилась в чиновников, обзавелась галстуками и животами, на которые их можно положить. Николай следит, чтобы в плейлисте на YouTube не проникали Шнуров и другие Z-личности.

В городе меня принимает Наташа из Петрозаводска, с которой мы познакомились накануне войны: я ездил в Карелию читать лекцию. Меня встречает Андрей из Ростова, которого я в последний раз видел много лет назад на нашем мирном юге, где еще не летали беспилотники, а госпитали не были полны

раненых. Продолжается переключка городов: кто-то здесь из новосибирского Академгородка, я сообщаю, что за мной — Кемерово. Бывший депутат из Екатеринбурга, арестованный за “оправдание терроризма”, рассказывает мне о своем плане, как спасти Россию. Всем городам, которые покинули эти люди, стало хуже без них.

Студенты университета в изгнании собрались на читку антивоенной пьесы, в соседнем книжном магазине Алексей Уминский отвечает на вопросы публики, а потом феминистки рассказывают о тендерном разрыве в медицине. Сергей из приграничного города рядом с Албанией выставляет на стол дистилляты, которые он делает сам: джин, абсент, безымянный напиток из аронии. За обедом из окна я наблюдаю, как двенадцать антивоенных священников, разбившись по парам, шествуют на диспут, словно ожившая картина Нестерова.

Это межсезонье, наши дни».

«...Одна из самых полезных инвестиций, которую Европа может сделать для долгосрочного устойчивого мира, состоит в том, чтобы не оставлять поколение молодых россиян наедине с цензурой. Сотрудничество с официальными университетами в России невозможно, но вот бросать людей не стоит. Поэтому наша «преступная» организация будет проводить лекции и планировать курсы, которые создаются европейскими учеными — для российских и русскоязычных студентов. Сегодня у нас публичная лекция профессора университета Паннонии (Венгрия) Сани Тевпавчевич о том, как выстраивались сообщества мигрантов после распада Югославии и СССР. Приходите!»

«...Полезно думать, что из нашего холода есть дорога к весне».

«Когда-то давно, много лет назад, был январь, второе число, если память мне не изменяет. Я возвращался домой. Ну то есть как: шёл к электричке с дачи одноклассника, где мы отмечали Новый год. Настроение было хорошее, сам я был приятно пьяненький...

Дело было днём, ещё достаточно светло. Дорога шла через поле. Было холодно и ветрено, из-под снега торчали сухие травинки. Ветер колыхал их, будто вот-вот переломит.

Впереди виднелся лес, а за ним, вдали, доносились гудки поездов.

И вдруг я остановился, будто услышав голос. Тихий, но отчётливый: „Остановись. Отдохни. Ляг на мёрзлую землю, свернись калачиком, закрой глаза, усни — и всё закончится“.

Я помню этот момент очень ясно. Лес впереди. Ветер, холод, зима и одиночество. Такая метафора русской жизни. Стоишь посреди холодного мёрзлого поля, где дует пронизывающий ветер, и ничего вокруг — только тишина и пустота. Но там, за лесом, слышны гудки поездов. Там жизнь. Там люди. Там электрички. И в то же время здесь, в этом поле, есть покой. Полный. Вечный. Последний.

Я тогда постоял и пошёл дальше. Потому что пока ты жив, должен идти. Через холод, сквозь мёрзлую землю, по едва заметной дороге. Ты просто идёшь, потому что знаешь: впереди есть железная дорога, есть люди, есть движение, а значит — есть смысл.

С тех пор, когда мне бывает тяжело, грустно, кажется, что сил больше нет, я вспоминаю это поле. Вспоминаю дорогу, хрустящий снег, травинки, дрожащие на ветру. И помню, что всегда есть выбор. Можно лечь, закрыть глаза и остановиться. Но можно идти дальше.

Я вспоминаю о книге Германа Гессе „Степной волк“. Там он описывал людей, которых называл „самоубийцами“ — тех, кто знает, что конец — это тоже одна из возможностей. Жить таким людям непросто, а ужиться с ними и того труднее. Но Гессе, по большому счёту, свою книгу не дописал. Недорефлексировал.

Жить в России — это всегда идти через мёрзлое поле. Всегда слушать, как вдали гудят электрички, и надеяться, что ты дойдёшь. Ведь идти-то всего ничего. А голос, зовущий отдохнуть — просто напоминает о возможности».

«Дезертир в интервью Екатерине Гордеевой говорит, что хуже всего на войне — это обувь. Она хорошая, удобная, но — после

первого раза пахнет. Как пахнет, спросите вы? Возможно, вы не очень хотели знать ответ. Когда война в определенной местности идет много недель или месяцев, а кругом минные поля, самый надежный способ идти воевать — шагать по трупам. Там, где они лежат, мин скорее всего уже нет. И вот ботинки пропитываются трупным ядом после того, как тонут, проваливаются в разлагающиеся тела убитых.

Когда я представляю, что кто-то отдал приказ идти на штурм по мертвым телам, я почему-то вспоминаю о Высшей школе экономики, где немало дебатов было проведено за пятнадцать лет об этике и профессионализме. Теперь отменные профессионалы, не переобуываясь, отправляют на фронт героических студентов-добровольцев. Это позволяет им быть на более хорошем счету у начальства и повысить свою эффективность по KPI.

В штабном окопе будто бы сидит ректор Анисимов, он в камуфляже, с веткой, воткнутой за ухо. Анисимов маскируется ученым, а на самом деле он на все согласный ушлепок, который, если это будет хорошо для карьеры, заставит ходить по трупам любого. Рядом с Анисимовым его верный доктор Ажимов, переквалифицировавшийся в эксперта по традиционным ценностям. Чуть поодаль профессор Чубаров, который сделал в прошлом году фальш-старт, чуть ли не лично вылетев в виде дрона на помощь пацанам в Краснодаре. Чубаров в итальянском пальто, Ажимов в жабо навроде романтического поэта. Где-то вдаль грузно дышит бывший ректор Кузьминов.

Они берут студента Высшей школы экономики и читают ему напутственную речь о пользе прогулок по трупам для академической культуры современного университета, а потом толкают его вперед. У студента удобные кроссовки, они еще не пахнут. Это 120 дней Содома».

«...Парный концепт, родившийся за три года, связан с отглаженными прилагательными уехавшие и оставшиеся. Между этими двумя сущностями, как предполагается, ведется экзистенциальная борьба, пропасть расширяется, нет ни общих слов, ни общих ценностей. Уехавшие и оставшиеся — пожалуй, самый странный кентавр, возникший для описания рас-

павшейся реальности, замечать которую — значит совершать преступление против государства РФ. В том числе за счет закрепившейся лексической формы, в которой действие или бездействие становится субстанциональным признаком и источником идентичности.

Концепт — следствие лжи, навязанной государством руинам довоенного общества. Группа эмигрантов несопоставима по своему объему с жителями страны, среди эмигрантов есть люди разных взглядов, как и среди жителей страны. Так же как фэйковая идентичность „иноагента“ возникает в результате государственного иллюзионизма (Вячеслав Володин как Амаяк Акопян), идентичность пассивного глагола „оставаться“ не указывает ни на какое реальное явление. Пропаганда продала людям пустышку, из которой теперь следует анализ-уроборос („они уехали и презирают нас“, „они остались и на все согласились“). Эту страну отглаголили.

Сначала были убиты те, кто действовал свободно. Затем сочувствие свободным и помощь было объявлено преступлением (адвокаты-экстремисты, журналисты-дискредитаторы). Это было обозначено как новые правила игры: солидарность преступна, коллективные действия граждан есть терроризм, каждый умирает в одиночку. Из общества, где социальные связи умирают на границах нуклеарной семьи, слежена машина для совершения военных преступлений. Маргиналов, не нашедших себя в жизни, отправят убивать за миллион, здоровые силы продолжают свой ежедневный труд и в нужный момент отвернутся. Группой, которая подлежит легальному осуждению, станут отглаголенные эмигранты. Мы приятно поссоримся с вами в социальных сетях о том, как они уехали и очерняют, чтобы не говорить о войне.

Но режимы молчания разнообразны. Можно молчать так, что молчание звучит приговором для государства. Многие молчат уже три года, они стали уехавшими в молчание. Однажды приговор будет оглашен».

DOI: 10.55167/317d45831cto

ЛЕКЦИИ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

«Palladium» публикует расшифровки публичных лекций, которые профессор университета и приглашенные спикеры читают студентам Свободного университета. Видео лекций доступно в канале университета на YouTube: https://www.youtube.com/@free_university. Расшифровка лекции Ирины Бусыгиной публикуется с комментарием Дмитрия Орешкина.

Россия на постсоветском пространстве: попытка сохранить имперский проект

Ирина Бусыгина

Сотрудник Центра Дэвиса Гарвардского университета (США)

Сегодня мы поговорим про имперский проект, который пытается поддерживать современная Российская Федерация. Речь пойдет о попытках удержания имперского влияния России на постсоветском пространстве.

Война против Украины чрезвычайно обострила интерес к российскому имперскому проекту, особенно за рубежом. Удивительно, но оценки последствий войны для этого проекта оказались полярными. Одни эксперты утверждают, что война показала умирание империи, и война — это ее болезненный распад. В частности, об этом пишет отличный знаток империи Анатолий Ливен в статье в «Foreign Affairs». Империи распадаются болезненно, в судорогах. И эта война и есть судорога болезненного распада империи. Это то, чего не произошло, то, чему мы так радовались во время распада Советского Союза: как это хорошо и прекрасно, что такая огромная империя распадается практически бескровно. Как это удивительно! Если мы вообще можем чему-то в этой жизни радоваться, то давайте радоваться. Структурные кризисы нас огорчают, а бескровность распада империи — радует. Но кажется, что это не так. Просто империя распадается частями, и это очень длительный процесс. Мы переоценили степень безболезненности, потому что приняли начало процесса распада за его окончание. Мы думали, что всё закончилось с возникновением нового независимого государства. Оказалось, что нет, и мы переживаем болезненный распад империи прямо сейчас и таким чудовищным образом. Вторая группа оценок описывает происходящее иначе: война показала, что империя жива, здорова и устойчива, что

российский имперский проект оказался чрезвычайно стрессоустойчивым.

Мне представляется, что, как это обычно бывает, истина, если мы можем на нее претендовать, лежит где-то посередине. Сама полярность оценок говорит о том, что, видя одно и то же, мы видим разное, делаем совершенно разные выводы из одних и тех же наблюдений.

Но зачем нам вообще вот термин «имперский проект»? Зачем нам понятие «империя»? Империй в мире больше нет, за исключением Японии, которая формально является империей без колоний. Конечно, Япония только формально империя, поскольку по структуре политических процессов, в ней происходящих, безусловно, она не является империей. Россия не империя потому, что нет императора? Путин кто угодно, но не император. Императором он себя не объявлял. Но почему мы все равно используем термин «имперский»? Но, мне кажется, от этого понятия отказываться нельзя. Понятие «имперский» указывает нам на ряд признаков политической системы во внутренней политике — в структуре институтов. И на особенности внешней политики — экспансионистские амбиции империи. Использование термина «имперский проект» позволяет обозначить комбинацию этих признаков, упрощая анализ вместо перечисления отдельных характеристик.

Империя — это особое пространство и структура особого типа. Империя — это, как правило, большое и многонациональное пространство. При этом империя принципиально отличается от современного государства (nation state). Но империя как полития, политическая система, отличается от государства ни своим размером (государства бывают большими и очень большими), ни многонациональностью. Империя — это универсальный проект, который стремится выйти за пределы своих границ. Не обязательно посредством захвата чужих территорий посредством грубой силы. Но, например, посредством создания разных форм зависимости.

Другой важнейшей чертой империи является доминирование центра и наличие периферии. Империя устроена на доминировании центра над периферией, которая никогда не станет центром. Разница между ними довольно причудли-

вая. Центр вовсе не всегда стремится подавить периферию или отнять у нее возможности для развития. Империя — чрезвычайно сложная конструкция, а управление ею — искусство, необходимое для удержания огромной территории. Периферия нужна империи, а центр — периферии. Но задача империи все время держать дистанцию, контролируя развитие периферии. Причем контролировать по-разному. Кому-то давать больше, кому-то — меньше, и по возможности играть этим контрактом. Но, несмотря на контракт, конечное решение всегда принимается центром. И в этом тоже суть империи. В империи есть только одна голова — центр, это не полицентрическая структура.

В том же направлении — от центра к периферии — развиваются и связи, вертикальные в ущерб горизонтальным. Империя, по выражению Александра Моттеля, напоминает «колесо без обода», где спицы (вертикальные связи) сильны, а обод (горизонтальные связи) слаб или его вообще нет. Понятно, почему это происходит. Последнее, чего хотел бы имперский центр, — это то, чтобы периферии скоординировались между собой в борьбе против центра и тем самым бросили ему вызов. И для этого вам нужно держать под контролем и препятствовать избыточному развитию горизонтальных связей. Империя выстроена на вертикальных связях.

Очень распространено представление о том, что империя — это жестко централизованная структура с вертикалью уровней власти, по которым команды идут сверху вниз, и уже внизу они реализуются. Но вы никогда не сможете сохранить централизацию такого большого пространства. Империя — это комбинация централизации и децентрализации. Под децентрализацией я ее имею в виду «децентрализацию» в демократическом смысле. Децентрализация — это не передача полномочий, в отличие от децентрализации, которая как раз и состоит в передаче полномочий от центра к периферии. Децентрализация — это сохранение полномочий на местах, в периферии, в регионах, которые сильно отличаются друг от друга.

Наконец, империя предполагает асимметрии. Централизованное государство не предполагает асимметрии, поскольку

периферии управляются центром одинаково. И в этом есть униформизм, равноположенность периферии, всех регионов государства. Ассиметричные решения всегда сложнее симметричных. А децентрализация всегда сложнее централизации. Империя — череда сложных решений. У империи есть основные параметры, но как именно они будут реализованы? Сколько централизации, сколько децентрализации, сколько симметрии и сколько асимметрии, сколько вертикальных связей и сколько горизонтальных (потому что хотя в некоторой степени они должны быть)? Эти вопросы империя решает постоянно. В этом отношении империя сложнее государства. Я могу ошибаться. Здесь мы можем поспорить и так далее.

На чем держится империя? Неверно считать, что империя — это всегда насилие и централизация. Империя держится на гибкости и правильных компромиссах. Империи необходимы компромиссы. Вопрос не в том, есть или нет компромисса, но в том, кто имеет последнее слово при урегулировании этих компромиссов. Компромиссы могут и обязаны существовать в империи, иначе вам не удержать такое пространство.

Может казаться, что в имперском проекте заинтересованы только элиты центра, а элиты периферии подавлены и несчастны, они бедные жертвы империи. Но вы не можете все держать на насилии: у периферийных элит есть своя заинтересованность.

Империя — это не только институты, то есть правила, структурирующие отношения. Институты — это и есть правила. Помимо них существует еще дискурс — нарративы, мифы, представления, которые генерируются элитами, внедряются в массы и т. д. Дискурс исключительно важен: без него имперские институты повисают в воздухе. Чтобы сделать империю и имперский проект легитимными, вам нужны какие-то внятные, здравые, приятные сердцу рассуждения, которые бы поддерживали имперские институты. Институты, в свою очередь, поддерживают дискурс. Они связаны так, чтобы усиливать и поддерживать друг друга. Имперские дискурсы всегда можно опознать: великая страна, особенная страна, не похожая на других, страна, непобедимая в войне, Россия — это странацивилизация.

Как всё сказанное об империи выглядит в отношении России? С моей точки зрения, существует два «имперских круга». Меньший круг — имперские институты внутри страны России. Большой — имперские институты за пределами страны, на постсоветском пространстве. Это разные институты, но они очень схожи и могут быть классифицированы как имперские. Меньший круг — конечно, условное название, учитывая огромность российской территории. Меньший, внутренний круг — это отношения между Москвой и регионами. В этих отношениях губернаторы не являются жертвами, они стейкхолдеры политической системы. В каждом российском регионе есть свой губернатор, и все они заинтересованы в существующей политической системе. На чем держится Российская империя? В чем источники стабильности и поддержания империи? В заинтересованности периферийных элит. То есть губернаторов, которые заинтересованы в поддержании статус-кво, заинтересованы в содержании и поддержании путинского режима. Губернаторы вовсе не являются пассивными агентами Кремля. Губернаторы с чрезвычайным энтузиазмом относятся ко всем инициативам Кремля и их поддерживают. Война это ярко продемонстрировала, оказавшись подходящим тестом. Почему они заинтересованы в такой поддержке? Потому что любая альтернатива для губернаторов хуже нынешнего статус-кво. Любая альтернатива может привести к появлению новых правил, а значит их политическое выживание окажется под риском. Я даже не говорю о реформах. Но если вдруг начинается демократизация или, если что-то невероятное, и начинаются реформы, и нынешняя модель взаимоотношений центра и периферии сменится в результате попытки восстановить подлинные федеративные отношения, то эти губернаторы оказываются не у дел, если не где-нибудь в более худших для них местах. Но даже если после Путина приходит новый авторитарный лидер, то с большой долей вероятности нынешние губернаторы не смогут считать себя в безопасности. Скорее всего, новый лидер поставит своих людей или, по крайней мере, введет новые правила. А значит нынешние губернаторы заинтересованы в поддержке существующей системы, в которой их политическое выживание, если не гарантировано, то, по край-

ней мере, менее рискованно в нынешней системе, с правилами которой они хорошо знакомы.

Эти правила задает Кремль, их не так мало, но они понятны. И с войной они стали еще более понятны. Потому что система, система Кремля, стала посылать более четкие сигналы о том, в чем он ждет от губернаторов. Но эта заинтересованность чисто имперского типа. У Москвы нет конкурентов в территориальной структуре России. Мы можем называть Питер второй столицей России, Нижний Новгород — третьей столицей России, какие-то еще города — четвертой, пятой столицей и так далее. Но это всё ерунда. В России есть одна столица, которая играет роль главного локуса, локуса, у которого нет конкуренции не только в политической сфере, но и в экономической, социальной, культурной жизни. Всё, в том числе культурные стандарты, установки, распространяются из Москвы. Это чисто имперская структура. Приоритет вертикальных связей — чрезвычайно старый паттерн, очень старая тенденция развития пространства. Здесь Путин ничего нового не придумал. Всё это было, было в Российской империи, так сказать, классической, всё это в Советском Союзе, который был тоже имперской политией. И всё это есть и сейчас. Единственная инновация — стимулы губернаторов. А структура пространства осталась прежней. У России в этом смысле чрезвычайно негативная история, которую совершенно непонятно, как преодолевать. Но вот это сочетание централизации и децентрализации — это то же самое, мы все видим сейчас. Повторю еще раз: когда говорят «вертикаль власти», то это заводит нас в тупик или, по меньшей мере, ведёт к неправильному восприятию. Примиитивизирует наши представления об отношениях между центром и регионами. Централизация есть в ключевых сферах. Например, предельная политическая централизация. Но за пределами стратегически важных сфер, выполнения национальных проектов, за пределами явки на выборы, результатов голосования за «Единую Россию» и Путина, за пределами этой ответственности у губернаторов довольно много свободы, способов управлять. Кто-то ведь должен это делать? Москва не может. Это просто практически недостижимо. Полная централи-

зация в российском масштабе вообще недостижима. Отсюда и эта комбинация централизации и децентрализации.

Есть ли в этой структуре асимметрия? Конечно, есть. Их мало, зато какие! Например, в отношениях Чечни и Москвы. Это абсолютно асимметричное отношение, выбивающееся из рамки отношений Путина с другими регионами. Очевидно, что это личная уния, личные отношения. Они выстроены совершенно по-другому, через личные контакты. Свобода действий Кадырова в Чечне несравнима со свободой маневра губернаторов в других регионах и в других республиках. Мы не должны забывать, что у нас есть так называемые русские регионы, есть и этнические регионы. Ни один из губернаторов и ни один из президентов до сих пор не говорил: «Путин — это мой идол, я цепной пес Путина». Можно найти примеры того, как Кадыров определяет свои отношения к Путину и как он вообще себя определяет. Это теснейшие отношения, и, думаю, они не вызывают восторга не только в Москве, но и в других регионах России. Но в имперском пространстве это не важно.

Такие асимметричные сделки в конечном счете определяются только Москвой: внутреннее довольство регионов никак не может быть канализировано. Нет институтов, через которые другие губернаторы могли бы действовать сообща, каким-то образом канализировать недовольство и превратить, конвертировать это недовольство во что-то действенное, тем самым повлиять на характер отношений.

Все признаки империи выполняются в отношении внутреннего, так называемого меньшего круга. Во втором круге на постсоветском пространстве институты другие, потому что речь идет не про одно государство — страну Россию, — а про группу государств. Здесь тоже происходит строительство институтов, которые имеют выраженную имперскую составляющую. Во-первых, это российский договорной активизм (*treaty activism*). Огромное количество интеграционных проектов после распада Советского Союза, начиная с Содружества независимых государств (СНГ) и т. д., и ОДКБ, и «евразийское пространство», и чего у нас там только не было. Всё это — попытка связать эти государства через структуру институтов. Самая последняя и амбициозная попытка, которую привела в действие

аннексия Крыма, — в движение. Проект обсуждался много лет до Крыма, до 2014 года, но фактически реализовался после — аннексия Крыма, санкции и угрозы изоляции резко ускорили появление ЕАЭС, Евразийского экономического союза, который начал функционировать 1 января 2015 года.

Обратите внимание, как это случилось после Крыма. Важный момент, что этот проект выглядит как многосторонний: государства договариваются. На самом деле это результат череды двусторонних сделок между российским лидером, то есть Путиным, и инкубентами, действующими президентами тех государств, которые вошли в Евразийский экономический союз. Многосторонний формат, в принципе, противоречит империи. Это очень важно. Но если бы это действительно был многосторонний формат, то... Если бы Россия и страны постсоветского пространства попытались выстроить что-то, подобное Европейскому Союзу, то имперскость проекта оказалась бы под огромным вопросом. Потому что многосторонние форматы не соответствуют тому, как строится империя. Но у нас нет здесь многостороннего формата. Точнее, он есть, но только в том же смысле, в каком у нас в России есть конституционный федерализм. Россия не является федерацией с точки зрения организации политического процесса. Также с ЕАЭС. Многосторонний формат региональной интеграции прикрывает двусторонние сделки. Возможность уступок тоже важна. Россия должна доминировать как центр в империи. Тем не менее, Россия идет и шла на довольно большие уступки меньшим постсоветским странам, которые были готовы присоединиться к Евразийскому союзу. И это были уступки разного характера. Россия демонстрировала весьма большую гибкость и весьма большие попытки заинтересовать этих инкубентов. Заинтересовать не только агрессией, не только потому, что мы боимся, но заинтересовать тем, что им это выгодно. Заинтересовать специальными энергетическими ценами, открытием своего рынка, в частности, открытием трудового рынка, как это происходило при договоренности с Кыргызстаном. Эта возможность уступок не должна нас обманывать, потому что доминирование России — это *sine qua non*, императивное условие существования этого проекта. Обратите внимание и ещё

вот на что: слабые связи между участниками, основная коммуникация через Россию. Посмотрите, как устроены торговые потоки. Ну, что общего между Белоруссией и Кыргызстаном? Между Кыргызстаном и Арменией? Фактически все выстроено и замкнуто на Россию. Роль Москвы остается ровно такой же, какой она остается в рамках российского пространства. Посмотрим на численность населения. У Москвы и близко нет конкурентов на постсоветском пространстве. Россия — абсолютная метрополия.

Как это свойственно имперским проектам, Россия стремится расширить состав участников ЕАЭС, скажем, на Узбекистан. Но при этом Россия понимает, что чрезмерно давить не нужно, нужно создавать зависимости за пределами самой рамки Евразийского союза. И для этого у России вполне хватает гибкости. Что касается асимметрии, то и здесь ее можно найти. Самый простой пример, похожий на отношения Путина и Кадырова, — это отношения Лукашенко с Россией. Это точно такая же асимметрия. У других участников в рамках Евразийского союза нет таких тесных связей. И при этом для каждой из стран постсоветского пространства близость к России является основным фактором внешней и внутренней политики, хотят ли или не хотят они этого. Но нигде, наверное, Россия так не сдерживала развитие другого государства, как это произошло с Белоруссией. Россия именно сдерживала, делала периферию, делала маргинальную страну. Ни у одной из постсоветских стран нет такой длинной истории, разве только, может быть, у Казахстана, как у взаимоотношений России и Беларуси. В конце концов, Союзное государство, которое появилось между Россией и Беларусью в двухтысячном, если я не ошибаюсь, году, существует тоже только в отношении России с Беларусью. Никакие отношения с другими государствами так не продвинулись. Это очевидная асимметрия, присущая империи. И эта асимметрия определенно будет сохраняться.

Итак, мы видим, что внутри России и вне России сохраняется и поддерживается структура имперских институтов — и тех, которые побольше, и тех, которые поменьше. Они остаются имперскими независимо от размера и манифестации. И внутри пространства Российской Федерации, и вне ее

пространства Российской Федерации имперские отношения очень вариативны, разный коридор возможностей. И это тоже проявление устойчивости. Все это разнообразие институциональных решений, разнообразие институтов, гибкости, асимметрии, заинтересованности — это огромный ресурс империи, если им правильно управлять.

Что показала война в Украине? Во-первых, сама война против Украины — это часть имперского проекта. Причем староимперского, из классического имперского репертуара. В ходе его реализации Москва реализует свой имперский территориальный императив — стремление физически расширить свою территорию. Для империи этот императив, эта стратегия чрезвычайно затратны. Вы не можете держать империю посредством принуждения и войны. Но вы можете посылать с помощью войны с нелояльной частью того, что вы хотели бы видеть империей, сигналы другим частям вашего имперского проекта, мотивируя их лояльность. И это то, что Россия делает, например, в отношении Казахстана, северных территорий Казахстана, преимущественно населенных русскоязычным населением. И позволяя из Москвы устами известных людей, в частности, государственных служащих, напоминать о том, что Россия принесла Казахстану государственность и может ее и забрать. И вообще казахстанская государственность — это был подарок от России. Ведя войну, вы можете в некотором смысле шантажировать других тем, что идет война.

Война в отношении имперских институтов внутри России показала чрезвычайную, удивительную устойчивость модели. Она продемонстрировала то, что по-английски называют *resilience*, то есть стрессоустойчивость, устойчивость к кризисам. Устойчивость ведь может быть и в нормальной ситуации — статус-кво, ничего не изменилось. И вот модель устойчива. Но реальную устойчивость модели тестирует кризис. Мы видим, что все губернаторы без исключения с энтузиазмом поддерживали войну, патриотическую повестку, новые зоны ответственности. Некоторая административная децентрализация. Что-то похожее происходило во времена пандемии — зоны ответственности губернаторов расширились. И это воспринимается с энтузиазмом. Они по-разному актуализируют патриотиче-

скую повестку, но все без исключения. Ни одного нелояльного губернатора в России не нашлось. Модель построена под кризис устойчиво, она способна выдерживать довольно большой шок.

Но вне России мы видим, что в региональной интеграции отсутствуют большие подвижки. Ничего амбициозного там сделать не удалось. Тем не менее, при сохранении формальной лояльности постсоветских инкубентов по отношению к России. Здесь возникает вопрос: происходит ли постепенный распад российского имперского проекта? Ответ на него более сложен. В основном эксперты говорят о том, что происходит распад имперского проекта, а война против Украины — это конвульсии при распаде.

И не надо забывать, что Россия играет много игр. Мы не должны думать, что все ограничивается попытками удерживать, поддерживать имперский проект. Это не так. Другая важная игра, которую тоже чрезвычайно актуализировала война с Украиной, — это БРИКС и Глобальный Юг.

Вопросы и ответы

Что, с вашей точки зрения, показывают та странная динамика, которая в целом происходит в разных странах бывшего постсоветского пространства? Особенно удивительна динамика сейчас в Закавказье, где, с одной стороны, в стране, с точки зрения международного права частично оккупированной Российской Федерацией, и жители которой во многом не испытывают никаких иллюзий о том, с кем им приходится иметь дело, избрало себе чрезвычайно пророссийское правительство, которое в Тбилиси буквально идет вслед за Владимиром Путиным с точки зрения организации управления и подавления инакомыслия. До некоторой степени можно сказать, что Грузия сделала серьезный шаг к тому, чтобы стать специфическим регионом Российской Федерации. Если не формально, то, по крайней мере, по сути. С другой стороны, есть совершенно противоположный трек Армении, которая движется прямо в противоположном векторе. В Армении только что принят закон о том, что официальная цель Республики Армения заключается в интеграции в Европейский Союз и, тем самым, в реальном бегстве от московского, российского имперского проекта. Как вы это объясняете, такие неожиданные процессы? Или, может быть, они, наоборот, для вас ожидаемы были? Насколь-

ко болезненна для Москвы потенциальная потеря Армении? Чисто в символическом ключе как демонстрация того, что есть страны, помимо стран Балтии, которые категорически ни при каких условиях не хотят быть частью российского проекта, несмотря на всё прошлое.

Представим себе чисто умозрительно мир, в котором нет ничего, кроме вас и российского имперского проекта. И вы либо присоединяетесь к нему, либо вы существуете сами по себе. Мы считаем, что элиты рациональны, что они не сошли с ума, что они более или менее знают, что они делают. И если нет альтернатив, кроме российского имперского проекта, то тогда вы, скорее всего, к нему присоединяетесь. Потому что вы понимаете, что в одиночку вам не выжить. Речь ведь идет — в случае Грузии и Армении (и особенно Армении) — о маленьких и структурно слабых странах, со структурно слабой экономикой. При этом у вас нет выхода к морю, вы плохо расположены географически, у вас нет ресурсов и т. д. Но у вас есть фактор, который все меняет. У вас есть другие коалиции. А фактор других коалиций чрезвычайно важен. Другой коалицией является Европейский Союз, страны, которые расположены на западном фланге от России. Все эти страны прошли через идею о сближении с ЕС, вступлении в Европейский Союз. Идея была актуализирована посредством инициативы «Восточное партнерство», которое появилось у Европейского Союза в 2009 году, и в которой речь шла не о вступлении, а о сближении, гармонизации законодательства, стимулировании, технологической помощи. Задолго до войны и аннексии Крыма. То есть альтернативный проект, который находится рядом, существует уже давно. Вопрос в том, что вы теряете, если есть угроза от России, если вы делаете принципиально иной выбор, имея в виду, что Европейский Союз не будет вас защищать в военном отношении. Это не НАТО, это не военный союз. То есть у вас должны быть серьезные основания для отказа от России? Ведь с Россией понятно гораздо больше.

Грузия же удивительная страна. В свое время Грузия была чуть ли не самой модернизированной, западной и демократической страной. Где прошли реформы, где — помните? — была такая книжка «Почему у Грузии получилось?»,

название которой намекало на то, что у России не получилось и не получается никак. Нам казалось, что фактор фактической оккупации Южной Осетии и Абхазии, политическое признание независимости этих регионов должно категорически препятствовать сближению Тбилиси с Москвой. Оказалось, что нет. Но Грузия — страна расколотая. Когда мы говорим, какой выбор сделала Грузия, я надеюсь, что мы еще не знаем, какой она выбор сделала, потому что раскол практически пятьдесят на пятьдесят. И это очень плохой раскол. Протесты не закончились, и выбор еще не сделан. И происходит странная игра правящей партии, которая говорит: нет, мы не отказываемся от европейского выбора, просто мы его немножко откладываем, а так мы вполне европейцы. То есть все равно будет сделана попытка достичь какого-то баланса.

С другой стороны, в Армении та же комбинация условий, но она выглядит по-другому. Казалось бы, Армении гораздо больше есть, что терять. Армения — страна довольно слабая экономически. Но там есть другой фактор — Нагорного Карабаха (или Арцаха) и того, как Россия себя повела при конфликте Армении и Азербайджана. И это поведение было расценено как предательство. У Армении сейчас очень жесткие отношения и с Лукашенко. Полную непоследовательность и полную импотенцию показали себе институты ОДКБ. Но Россия играет в игру с Азербайджаном и Турцией. Ведь помимо имперского проекта есть другие игры. Азербайджан, хотя это постсоветская страна, очевидно, не входит в российский имперский проект. Почему Россия настолько толерантна к тому, что делает Армения? Во-первых, потому что сложно что-то сделать в военном отношении. Войска туда вводить? Или санкции? Я думаю, что в Москве придерживаются идеи о том, что все равно никуда Армения не денется экономически. Кто инвестирует в армянскую экономику? Это не Европейский Союз и не Америка. Это Россия. То же самое происходит с Грузией. С точки зрения инвестиций и поддержания этих экономик на плаву выдающуюся роль играет Россия, а не западные страны. Западные страны могут быть близки как политический идеал, но реалии экономические выглядят так, что инвестируют в эти экономики российский бизнес и российское государство.

Вы говорили о том, что война — это агония империи. Мы знаем о влиянии Первой Мировой на Российскую империю. И мы знаем о влиянии войны в Афганистане на судьбу Советского Союза. Но кажется, что для империи вообще война — нормальное состояние. Если опираться на опыт отечественной истории, то в империи продолжительный мир редок. Потому в историографию так и вошел Александр Третий, поскольку мало воевал. Почему мы считаем, что эта война — агония империи, а не просто продолжение ее существования в том виде, который конструктивно органичен для империи? Экспансия, агрессия, насилие, навязывание каких-то правил вовне, трансляция имперской идеологии.

Первая Мировая война привела к распаду не только Российской империи, но фактически к распаду империи как европейского проекта. И мы не можем в одну корзину складывать Первую Мировую войну и Афганистан. Чтобы распались империи, нужны особые войны, войны особого масштаба. Что касается Афганистана, то это, конечно, не мировой конфликт, а региональная война. И не только она привела к распаду Советского Союза. И одна она не могла быть причиной этого распада. Советский Союз деградировал по многим направлениям. Старые империи были вполне совместимы с войной. Но обратите внимание, что нам вообще трудно рационализировать решения Путина о начале войны, потому что мы исходили из того, что современные имперские отношения строятся по-другому. Они все равно остаются отношениями зависимости, но более тонкими и изощренными. Война — характеристика вашей неудачи, неспособность решить проблему другими способами. Помимо прочего, война ведет к потере вашего престижа на мировой арене. И вы не можете поддерживать империю только войной. Кроме того, война затрудняет вам реализовать другие способы поддержания империи. Война хороша для устрашения, но это плохой способ поддержания нормальных отношений, или хотя бы псевдонормальных, которые вы все равно хотите в империи поддерживать.

Существуют ли какие-то способы трансформировать империю в национальное государство, которые могли бы сработать для России?

Исторический опыт показывает, что эффективный способ трансформации империи — это ее распад. Трансформация империи без потери территорий маловероятна. Империя должна «умереть», распавшись, чтобы на ее месте возникло национальное государство. Это, безусловно, чревато хаосом и сложностями, но других вариантов не просматривается.

Как вы считаете, можно ли трансформировать российскую модель федерализма через перераспределение полномочий снизу вверх от местного самоуправления к федеральному уровню так, что федеральная часть бюджета будет формироваться по остаточного принципу?

Идея перераспределения полномочий снизу вверх звучит привлекательно, но в российской ситуации это не сработает изолированно. Это было бы реализуемо, если бы федерализм был автономной политической системой внутри общей политической системы России. Проблема в том, что федерализм не является самоподдерживающимся порядком. Для его эффективной работы необходимы внешние гарантии, такие как демократическая политическая система, работающий конституционный суд и интегрированная партийная система. Нельзя реформировать федерализм в отрыве от других институциональных реформ. Необходим комплексный институциональный дизайн.

Насколько «нецентрализация» включает в себя расхождение правового и реального разделения власти, и достигается ли нецентрализация нечеткостью полномочий и усмотрением губернаторов?

В реальности Москва просто не может управлять всеми регионами. Представляете, какой был бы нужен аппарат, скажем, той же администрации президента, для того чтобы следить за всем, что делают губернаторы? Раз в десять, двадцать, тридцать раз больше, чем он реально есть. Поэтому губернаторы фактически могут управлять сами. В этом и выражается нецентрализация. Существуют, конечно, КРІ у губернаторов, огромное количество показателей эффективности их работы, которые беспрерывно пишет, меняет, расширяет, добавляет, убирает администрация президента. Наказывают ли губерна-

торов за неисполнение этих критериев? Нет. Это формальность. На самом деле губернаторы гораздо более грамотно делают то, что делает центр. И главный критерий — это доверие населения к власти. Он так и формулируется. Вот что хочет проверять и контролировать Москва, администрация президента. Все остальное она не хочет и не может контролировать. И может быть, может быть, она и хотела бы, но не может. Все остальное контролируется через министерства. То есть у губернаторов руки довольно свободны за пределами неких красных линий в политической сфере, и даже все время эти достижения наращивать. Поэтому и имеет смысл говорить о децентрализации, которая складывается из практической необходимости и практической невозможности все контролировать. Пока режим в состоянии поддерживать политическую централизацию, все остальное он может отдать губернаторам.

Как различать имперскую традицию и колониализм?

Империя и колониализм тесно связаны. Колониализм — это скорее политика и подход, в то время как империя — это институты. Различие заключается в фокусе: колониализм — на политике, империя — на институтах. Однако это разделение условно, и вопрос требует более глубокого рассмотрения.

DOI: 10.55167/b1bb565ede49

Феномен империи

Дмитрий Орешкин

Как большинство фундаментальных понятий типа «материя», «пространство», «время» и пр., термин «империя», во-первых, никогда не имел исчерпывающе точного определения, и, во-вторых, его общепринятый смысл менялся со временем.

Первоначально *императором* в древнем Риме назывался верховный главнокомандующий — это подчеркивает милитаристскую доминанту явления. После Юлия Цезаря (к моменту перехвата власти он как раз был *главнокомандующим*) этим словом стали называть верховного властителя — по умолчанию опиравшегося на военную мощь. В дальнейшем империей стали именовать любую обширную, мощную в военном отношении державу, захватившую и подчинившую соседние народы. Мыслители Новейшего времени привычно используют это римское по генезису понятие для обозначения целого ряда держав (включая более древние), которые сами себя так не называли и не могли — потому что не знали термина. Со временем на уровне интуитивной «очевидности» стали говорить о разных типах империй: *кочевые* (Чингисхан и его потомки) и *оседлые* (древний Рим, Византия, Британия, Россия, Австро-Венгрия...); *морские* («талассократии») и *континентальные* («теллурократии»). Оттенков становилось все больше, но ясности это не прибавляло.

Во второй половине XIX в. в европейских словарях появился термин «империализм» — одновременно с понятиями «капитализм», «милитаризм» и пр. — и это стало важным этапом не только в развитии терминологического аппарата, но и в понимании самого феномена. До того слово *империя* воспринималось скорее в позитивном ключе: мощь, величие, стабильность, культурный расцвет и технический прогресс, цивилизация. Властители разного масштаба упорно боролись за звание императора — это считалось престижным и по умолчанию

свидетельствовало о расширении европейского дискурса — обычно с отставанием по фазе на несколько поколений.

В первой половине XIX в. были провозглашены две империи Гаити (самая нищая, самая слабая и нестабильная страна Западного полушария — но при своем *императоре!*) До 1974 г. на востоке Африки существовала Эфиопская империя. Центральноафриканская империя была провозглашена в 1976 г. Императором назвался Жан Бедель Бокасса, также пробовавший себя в роли пожизненного президента, маршала, верного католика (дважды) и мусульманина (один раз), многоженца, каннибала, нестигаемого борца с колониализмом, большого друга СССР и откровенного подражателя Наполеону.

При этом британские монархи, действительно контролировавшие самую большую в мире промышленную и торговую империю, уже не считали нужным выпячивать свой имперский статус. Королева Виктория именовалась императрицей лишь Индии, но никак не Британии. Ни Ирландия, ни тем более Шотландия или Уэльс в империю не входили — по крайней мере, формально. Они оставались частями Соединенного Королевства, а это совсем другой статус и другие полномочия.

Петр Алексеевич Романов провозгласил Россию империей, а себя императором в 1721 г. — и это важно, поскольку свидетельствует о распространении европейской системы политических приоритетов на русскую элиту задолго до Азии, Африки и Латинской Америки. Царю Петру (кстати, термин «царь», как и немецкий «кайзер», тоже восходит к римскому «цезарь», «цесарь», «кесарь») не составило бы труда провозгласить себя ханом, шахом, эмиром, султаном и кем угодно еще по аналогии с восточными соседями. Но он хотел быть именно *императором*, чтобы сравниться с Цезарем, Константином, Карлом Великим — и дело здесь не только в христианской традиции (Юлий Цезарь христианином не был). Царей и царьков вокруг и в прошлом было в избытке (Астраханское царство, Казанское царство, Касимовское царство), титул девальвировался, а императоры оставались штучным товаром. И все как один тяготели к Европе — тогдашнему цивилизационному центру.

Через полтора столетия, на рубеже 60-70-х гг. XIX в., аналогичным курсом двинулась Япония. Как и в России, обретение

имперского статуса по умолчанию означало признание европейских приоритетов, сопровождалось догоняющей модернизацией и появлением в стране новых заимствованных с Запада технологий. Благодаря вестернизации Япония быстро перегнала огромный, но стагнирующий Китай, который, впрочем, в 1915 г. тоже попытался провозгласить себя империей — но неудачно. До этого в китайской политической культуре данный термин не использовался, хотя сама страна с точки зрения Новейшего времени была вполне себе империей.

Сама же Европа в это время скорее приближалась к закату имперского пафоса — сначала в теории, а затем и на практике. До XIX в. мало кому из политических мыслителей приходило в голову осуждать средневековых монархов за милитаризм, экспансию, угнетение и прочие грехи, связанные с именем империи. По умолчанию считалось (да так оно и было!), что эти политические практики свойственны всем странам, вовсе не обязательно имперским по статусу. Западные интеллектуалы взялись критиковать имперский дискурс (в рамках европейского представления о морали и праве!), когда задумались о причинах нарастающего разрыва между своими государствами и мировой периферией. Процесс начался за 4–5 поколений до реального распада имперских конструкций Европы.

В результате сегодня в понимании *империи* доминируют уже негативные коннотации. Вплоть до того, что последователь Л. Гумилева В. Махнач с раздражением констатирует, что понятие империи для современников выступает как синоним нечистой силы — и ничего более.

К сожалению, смена моральной оценки не добавила эпистемологической ясности. Ну да, «сила». Это и раньше было известно. Ну да, пусть «нечистая». А где в реальной истории имеются образцы «чистой силы»? Только просим не путать историю с мифологией и героическим эпосом, которые как раз подобными примерами изобилуют — начиная от народных былин и кончая «борцами за освобождение трудящихся», «героями национально-освободительной борьбы» и прочими беззаветными моджахедами. Но что дальше?! Что такое *империя* — вне зависимости от того, хорошо или плохо мы к ней относимся?

В Малой Советской Энциклопедии (1959 г.) статья под названием «Империя» состоит из 5 строк. Дословно: «назв. монархич. гос-в, главой к-рых является *император*. И. наз. иногда крупные монархич. гос-ва в древности (Римская И.), в средние века («Священная Римская империя»). См. также *Британская империя*». Соседняя статья «Империализм» в 70 раз длиннее и занимает 2,5 страницы.

Итак, нам объяснили, что империями являются *государства* крупного размера, с *монархической* властью и *императором*. Главным образом, из прошлого. Это всё. Про империализм же сказано, что он «*является монополистическим, загнивающим, умирающим капитализмом, кануном социалистической революции*». Среди современных империалистических государств перечислены США, Англия, Франция, ФРГ и др. Там расцвет эксплуатации, паразитизма, милитаризма, колониализма, реакции, человеконенавистнической идеологии и упадок культуры. Это понятно. Непонятно другое: почему перечисленные государства, среди которых лишь Англия (авторы статьи, видимо, разумели Британию) является *монархией*, и ни одно не возглавляется *императором*, проводят империалистическую политику, не будучи *империями* по формальному определению.

Приходится признать советское определение неудовлетворительным и вернуться к истокам. И. М. Бусыгина справедливо указывает на *комплексный характер* понятия империи. Это означает а) что объект характеризуется обширным набором разнородных признаков и б) он не сводится ни к одному из них или даже к их формальной сумме. Комплексность подразумевает некое новое качество, которое отличает империю от прочих больших, могущественных, многонациональных и т. д. государств. В свою очередь, это означает, что в любом формальном определении всегда будет скрыт некоторый элемент творческого произвола. Действительно, США с Трампом уже можно считать империей или еще нет? А СССР со Сталиным? Тот же В. Махнач (он к империям относится с симпатией) по не совсем понятным причинам отказывается признать Великобританию империей и неласково обзывает ее «самозванкой». Видимо, за ее неправильный торгашеский дух, тогда как истинная *империя*

в его творческом представлении — это прежде всего сверкающие сталью большие батальоны.

Среди необходимых (хотя вряд ли достаточных) признаков империи в современном понимании обычно отмечают следующие:

Большой размер. При том, что ни Канаду (второе место в мире по площади, 9,9 млн км²), ни Австралию (шестое место, 7,7 млн км²) империями до сего момента никто не называл. (Впрочем, скорее всего, еще назовут: борцы с империализмом/колониализмом не дремлют). Зато не раз приходилось слышать и читать про *империализм* Грузии времен Шеварднадзе (угнетает Ю. Осетию и Абхазию), *империализм* Югославии времен Милошевича (позже *империализм* Сербии — за угнетение Косова, Боснии и Герцеговины и пр.), *империализм* Армении или Азербайджана (Арцах/Карабах). Так что признак размера не универсален.

Полиэтничность. В современном мире и этот признак теряет значение, ибо моноэтничных государств практически не осталось. Правильнее было бы говорить о наличии в империи *территориальных образований*, построенных по признаку этничности/национальности. Например, Хивинское ханство, Бухарский эмират, Великое княжество Финляндское в РИ. Также национальные республики в составе СССР или республики (бывшие «автономии») в составе РФ. Заморские территории Британии и Франции столетней давности и пр.

Наличие колоний или доминионов. По сути, то же самое, что «национальные образования», но термин более размыт и относится скорее к морской колониальной системе («талассократии») — при все более явном преобладании негативных коннотаций.

Глобализм. В чисто географическом смысле, от слова глобус. Империи имеют общемировое значение, их политическое, силовое, экономическое и культурное влияние выходит далеко за пределы собственных границ. Империя без глобального веса — не империя, а пустой звук.

Авторитарная власть (в терминах советских энциклопедий — наличие *императора*). Определяющая или, по меньшей мере, значительная роль субъективного фактора в системе по-

литического менеджмента: Цезарь, Карл Великий, Петр, Наполеон... В неявной форме подразумевается культ личности, хотя диагностируется он не во всех империях.

Военная мощь и милитаризм. После Второй мировой войны силовая составляющая имперского влияния постепенно уходила на задний план, замещаясь «мягкой силой» — финансовым, культурным и технологическим лидерством. Но в самые последние годы — начиная с третьего срока В. Путина, наметился откат в архаику с антиэволюционной попыткой вернуть военное могущество на первое место. Это смотрится скорее как отчаянная попытка компенсировать проигрыш в «мягкой силе» возвратом к мифологизированному величию былых времен. Очень дорогостоящее заблуждение.

Экспансия. Завоевание и подчинение новых территорий, сырьевых ресурсов и рынков сбыта за счет военной силы. Оно тоже заметно утратило актуальность в последние десятилетия. Выгоднее и перспективнее оказалось расширение сферы влияния за счет финансово-экономических и культурно-информационных рычагов. «Геополитика площадей» заместились «геополитикой потоков» (денежных, информационных, сырьевых, миграционных и пр.) Инвестиции вместо оккупации. Административно-силовой контроль над территориями оказывается слишком дорогим и неэффективным в долгосрочном плане. В этом смысле интересно появление такого понятия, как технологические, финансовые и прочие «империи», вообще не имеющие государственного статуса, но обладающие многими имперскими чертами.

Стабильность и устойчивость на протяжении столетий. Скоротечная империя — почти что нонсенс; кейс Александра Македонского можно рассматривать скорее как частный случай абортированной империи, не успевшей укорениться должным образом.

Помимо перечисленных параметров, которые можно назвать общепринятыми, есть и не столь очевидные признаки. Заслуга И.М. Бусыгиной в том, что она сконцентрировала внимание именно на этих «внутренних» признаках. Это в первую очередь черты имперской инфраструктуры, институций

и традиций. Среди перечисленных ею и оставшихся за скобками упомянем следующие:

Симбиоз Центра и Периферии. Центр (Метрополия) в классической империи один, он выполняет базовые функции верховного политического менеджмента, а периферия весьма разнообразна в культурном, языковом и политическом отношении. Между Центром и Периферией сложный механизм взаимодействия, слабо изученный и вообще не отрефлексированный в доминирующих нарративах общественного мнения. Школьные шаблоны антиимпериализма, сложившиеся с XIX века, подразумевают, что Метрополия живет и богатеет за счет эксплуатации Периферии, выгребая оттуда природные и людские ресурсы. Весьма односторонний взгляд, сформированный модным в то время материализмом. На самом деле Центр выполняет свою, не менее важную роль в обмене. Она не так бросается в глаза, ибо в значительной мере нематериальна. Проекция силы, защита от внешнего врага, поддержание стабильности, доступ местным элитам и населению к образовательным ресурсам и правовым стандартам мирового уровня, к современному здравоохранению, технологиям, масштабным инфраструктурным проектам, финансированию и пр. Это отдельная непростая тема, исследование которой сильно затруднено прогрессистскими предрассудками. В любом случае этот асимметричный обмен — важнейшая особенность имперского механизма. Если Метрополия по каким-то причинам перестает отвечать постоянно растущим запросам Периферии — приближается системный коллапс.

Неравноправность различных субъектов Периферии. И. М. Бусыгина обозначает эту особенность термином «асимметрия», что, на мой взгляд, не очень удачно. Во-первых, термин уже занят: «по определению» асимметрична сама модель властных взаимоотношений Провинций и Центра. Во-вторых, особенно применительно к России, налицо выраженная географическая, а не только административная асимметрия территорий вдоль условной линии Запад-Восток. Термин «неравноправность» точнее отражает суть дела: разные национальные территории включены в состав империи на разных условиях и пользуются далеко не одинаковым набором полномочий. В этом принци-

пиальное отличие *империи* от *федерации*, где, по крайней мере формально, провозглашено равенство входящих в союз земель. Поскольку в империи первое лицо по определению обладает практически неограниченной властью, неправомерность земель в значительной степени зависит от личных отношений.

Имперская культура в широком смысле слова, включая *идеологию* (обычно она содержит элементы культа личности императора), язык, систему образования, право, «имперский дух» и универсализм, подразумевающий включение в имперскую элиту представителей периферийных элит. Все языки глобального уровня, с английского до китайского, включая и латынь, в анамнезе имеют имперскую составляющую. Имперский универсализм отражается и в материальной памяти антропогенных ландшафтов: древнеримские амфитеатры, сохранившиеся в Британии и Франции, характерная архитектура крепостей, масштабные инфраструктурные сооружения типа дорог, акведуков и пр.

Системообразующий этнос. В России это называется «государствообразующий народ». Специалисты этноцентричной школы Л. Гумилева пользуются термином «стержневой этнос». В тесном соседстве находится понятие главного и универсального языка («язык межнационального общения»), который последовательно насаждается имперскими институтами по всей подопечной территории.

По упомянутым ранее причинам этот набор признаков не полон, не абсолютен и не позволяет однозначно решить вопрос о том, является ли данное политическое образование империей или не является. Ситуация становится еще более сложной, если обратиться к эволюционному подходу.

В пузыре европейского дискурса, где со времен Петра I развивалась отечественная мысль, по умолчанию игнорировался вклад кочевых имперских традиций в политические институты, державную культуру и саму идею российской власти. В этом отношении надо отдать должное этноцентричным соображениям Л. Гумилева и его последователей, которые, в свою очередь, уходят корнями к трудам русских «евразийцев» начала XX века. Благодаря им существенно расширился понятийный аппарат и дискурсивное поле — с неизбежным

перекосом в сторону преувеличения и даже восторга перед «кочевой альтернативой», которая, как всегда случается с первооткрывателями, немедленно была раздута и мифологизирована. Евразийцы и вслед за ними Л. Гумилев, О. Сулейменов («Аз и я»), В. Махнач, А. Дугин и др. вообразили, что, вырвавшись в виртуальное пространство нетоптанных ковылей, где нет места догмам вульгарного марксизма, они обнаружили незамутненный источник человеческого счастья и воли. Гулкий топот табунов, пьянящие ароматы степных трав, скрип тележных колес, протяжные крики погонщиков, боевое равенство народов, всё такое...

За этими прекрасными миражами в стиле Рериха остается открытым простой вопрос: можно ли недолговечную державу Чингисхана, разорванную среди его многочисленных потомков, назвать *империей* или хотя бы *государством*? Плано Карпини (Giovanni da Pian del Carpine), первым из европейцев в 1246 г. посетивший сначала кочевую ставку хана Батыя в Сарае, а потом ставку хана Гуюка близ Каракорума (тот как раз обрел статус Великого Хана и возвысился над своим двоюродным братом и лютым врагом Бату вместе с его улусом), без тени сомнения обозначает Великого Хана термином *император*. А его державу, уже начинающую потихоньку расползаться на отдельные враждующие государства, — *империей*. Действительно, несколько ключевых признаков, начиная с огромного размера и многонационального состава, налицо; имперский статус признается большинством современных исследователей. Но при этом парадоксальным образом они не могут определить, можно ли эту кочевую *империю* назвать *государством*?

Большая группа историков и антропологов из разных стран (в России это, например, акад. Н. Н. Крадин и его коллеги) склонна квалифицировать империю Чингисхана как суперсложное *вождество* (chiefdom). От *государства* этот политический феномен отличается нестационарностью, отсутствием четких географических границ, устоявшейся бюрократии, налоговой системы, разделения властей (вождь замыкает на себя законодательную, исполнительную, судебную, военную и духовную власть). Он же заменяет все отсутствующие институты. Ушел вождь — уходит и временно стянутое его могучей

волей (и ниспосланной свыше харизмой — в случае Чингисхана она называлось Сульдэ) объединение нескольких родов, общин или племен, собранных, как правило, ради грабежа и общего похода на соседей. Отсутствует промышленность, разделение функций между Центром и Периферией. Нет и связанной с этим разделением территориальной инфраструктуры: столицы, сети городов более низкого ранга, крепостей и связывающих их постоянных дорог.

Получается, что империя может существовать как бы помимо государства? Советские энциклопедии в принципе не видят такой возможности.

Настало время задуматься и над тем, что же такое *Государство*. В России этот термин воспринимается в оптике XIX или XX в., как ровня понятию State. Отличие от Вождества более-менее понятно: оседлость, границы, города, бюрократия, устоявшееся право, институции, налоги и пр. Но точно ли это синоним State в современном понимании?

Начнем с этимологии: слово *Государство* выросло из Государя (Господарь) — а это в исходном смысле значит собственник или хозяин. «Господарь придорожного шинка в Валахии» = мелкий хозяин. («Хозяин», кстати, термин из Орды, изначально означавший влиятельного и уважаемого человека: «хозя», «ходжа»). Именно так, «по-хозяйски» суть государства понимал и Иван Грозный, который пенял кн. Курбскому, что де, бояре вместе с Курбским *«всю власть с меня сняте, и сами государилися, какъ хотѣли, а с меня есте государство сняли: словомъ язѣ былъ государь, а деломъ ничево не владелъ»*.

«Государить» — значило владеть. Владеть (влада — власть по-украински) значит властвовать. Владычество, Власть (волость) — здесь налицо и территориальный аспект. Арсенал средневековых терминов обширен; не будем углубляться, хотя язык (дискурс) русской власти очень интересен и красноречив. Тот же Иван IV других монархов на уровне чистой синонимии называет «володетели» = властители (волостели, властелины) = государи. Т.е. исходный термин *Государство* корнями уходит к самоочевидным представлениям того времени о власти как неограниченной собственности на территорию, население и ресурсы страны.

Применительно к России это позже стало называться *самовластием* (= неограниченная власть монарха). Иными словами, не просто монархия, а *абсолютная*, ничем не ограниченная монархия. Смысловым противовесом ей на закате империи Романовых (2–3 поколения в XIX в.) стало русское понятие «законной монархии» — не в том ошибочно-самоочевидном смысле, что власть была передана или получена «по закону», а в том, что власть *законом ограничена*. Закон как некая устойчивая институция в нее уже необратимо встроена. Правильный европейский синоним для русской «законной монархии» (которая противостоит *самовластию*) — конституционная монархия. Которая уже не является *государством* в исходном смысле Ивана Грозного: право монарха самовластно «*володеть и государить*» ограничено законом. Это уже скорее напоминает XVII–XVIII век применительно к Британии, Голландии, Норвегии, Швеции. Или, в меньшей степени, Францию и США.

Данную новую систему взаимодействия общества, элит и власти, мне кажется, было бы удобно обозначить общим термином *State* — при том понимании, что за последние 300–400 лет этот термин наполнился новым смыслом и заметно оторвался от русского *государства*, с которым в начале пути они были практически наравне. По-русски синонимом термина *State* служит «*правовое государство*»; конституционная монархия — одна из его разновидностей. Стоит отметить, что содержательное изменение термина, во-первых, происходит в европейском ареале недавних имперских метрополий; во-вторых, сопровождается быстро растущим значением правовых норм и ограничений; в-третьих, идет параллельно с укреплением института частной собственности и статуса личности. Любой гражданин *стейта* обретает субъектность и волен стать собственником, избирателем, инфлюэнсером, политическим лидером и пр. Никакой *государь* ему в этом не помеха. Понятно, не везде, не сразу и не каждому на пользу. В любом случае, в *государстве* процесс идет труднее, медленнее, в *стейте* он движется быстрее и за последние 2–3 столетия заметно оторвался.

«Государство — это я!! (L'État c'est moi) — сказал Король-Солнце. Фраза (скорее всего, апокрифическая) запомнилась как раз потому, что звучала парадоксально-вызывающе: «L'État» во

Франции XVII в. уже мыслилось (и звучало!) почти как *State* и по умолчанию включало в себя такие институты, как парламент, суд и пр.

Европейская общественность возропала, и только поэтому сюжет приобрел историческую силу. В России того времени никто бы такому высказыванию не удивился и не запомнил. Хотя благодаря оглядке на европейский мир идея ограничить *самовластие* чем-то вроде британской Карты Магна (1215) среди высших сословий России периодически проклеивалась. Но, во-первых, только среди высших сословий, и, во-вторых, без видимых результатов. Так называемые «народные бунты» же имели целью не оптимизировать систему управления, а скорее сорвать зло и заодно пограбить вдовость.

В середине XVI в. идею ограничения своих полномочий в лице Избранной Рады уничтожил государь Иван Васильевич — с помощью опричнины. В начале XVIII в. государыня Анна Иоанновна разорвала принятые по настоянию дворянства «Кондиции». В начале XIX в. государь Александр Павлович нейтрализовал тупиковую попытку декабристов. Сдвиг произошел только после поражения *государства* в Крымской войне и вынужденного начала догоняющих реформ Царя-Освободителя по образцу ушедших далеко вперед европейских *стейтов*.

Впрочем, как справедливо заметил Пушкин, «*что надо Лондону, то рано для Москвы*». В оптике средних веков *государство* и *стейт* почти не различаются и вместе противостоят архаичному *вождеству*: в обоих случаях налицо оседлость, довольно устойчивые границы, институты, налоговая система, развитая бюрократия и пр. В Новое и тем более в Новейшее время различия между *государством* и *стейтом* делаются все более значимыми. Однако не очевидными. Тем более при взгляде из отставшей стороны, которая до последнего верит, что ничем не хуже. А может, даже и лучше — особенно если речь о войне! Эта дискурсивная асимметрия систематически недооценивается в современной политологии. В том числе потому что изменения проявляются не столько в материальном разрыве, сколько в такой трудноуловимой сущности как ПРАВО, поведенческие нормативы, политические правила и мораль.

В общем, если пользоваться пушкинским языком, речь о *нравах народных*.

Нравы?! Да кому они нужны, ваши нравы! Великий вождь, созидающий Великую Империю, плевать хотел на вас вместе с вашими нравами. Лучше скажите, сколько дивизий у вашего папы Римского!

Пушкин о *нравах* пишет дважды, оба раза под конец жизни, и ровно в одних и тех же выражениях: «Путешествие из Москвы в Петербург» (1835), полемизируя с Радищевым, и «Капитанская Дочка» (1836). Сам тезис он, чуть модернизовав, заимствовал у Н. М. Карамзина. Формула Пушкина: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» Формула Карамзина (почти на полвека раньше): «Утопия (или царство счастья) будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания добрых нравов... Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот» («Письма русского путешественника», ч. III, письмо из Парижа от 1790 г.)

Карамзин, насмотревшись кровавых эксцессов Французской революции в сравнении с весьма скудными и спорными ее достижениями в смысле *счастья народного*, решительно утвердился в мысли о постепенном преобразовании политических структур *сверху*. В частности, о перерастании *самовласти* в *законную монархию*. Или, в нашей терминологии, о преобразовании *государства в стейт*. Привычнее для современного уха звучало бы «преобразование авторитарного государства в правовое государство» — но это лишняя тавтология и путаница.

Пушкин вслед за Карамзиным уловил нечто весьма важное: эволюция властных систем («политий») в Новое время, после многих поколений резни, внутренних и внешних войн и пр. определяется не формальными различиями типа «республика-монархия», «социализм-капитализм», «империализм — народная демократия», а чем-то более глубоким. Близким, но другим. И вовсе не обязательно связанным с классовой борьбой. Это можно было бы назвать *уровнем социокультурного развития*,

по умолчанию включив сюда понятие *правовой культуры*. Или *нравов* в широком смысле слова. Имея в виду в первую очередь нравы элит.

В Российской Империи (и тем более в СССР) быстрая социокультурная эволюция, сопровождающаяся опережающими темпами экономического развития («истинно американские темпы роста» пореформенной России, подчеркивал В. Ленин в книге «Развитие капитализма в России», 1899 г.) развернулась вспять после 1917 г. Элитные носители европейских ценностей были почти целиком уничтожены. Те, кто остались и выжили, обречены были приспособляться к деградации *нравов*. Соответственно, развернулась к архаике и эволюция *государства*, которое, еще оставаясь *империей*, с 1860-х гг. уже быстро продвигалось к стадии *стейта*.

С первых дней революции, и в особенности с конца 20-х годов XX в. в идеологии и практике Советской власти прослеживаются все более очевидные признаки отката назад, к нравам *вождества*. Не углубляясь, наскоро перечислим наиболее очевидные.

Култ личности. Отказ (практически сразу, в 1917–1918 гг.) от разделения властей, от частного права и частной собственности, от денежного оборота (замена *товарообмена*, подразумевающего денежную оплату, на безденежный *продуктообмен*). Полностью реализовать эту бредовую затею, вдохновенную идеалами «первобытного коммунизма» и меновой торговли, по счастью, не удалось. Однако ущерб экономике был нанесен колоссальный... Отказ от уважения межгосударственных границ, глобальная экспансия (прикрытая лозунгом «мировой революции»). Уничтожение свободы слова и научной дискуссии. Замена органов правопорядка произволом вооруженных групп «представителей народа». Варварское поклонение мумии обожествленного вождя. Возврат к принципу солидарной ответственности (по «классовому признаку»). Откат дискурсивного единства к лексике родо-племенного уровня: «Отец народов», «Родина-мать», «братские народы», «братья и сестры»... И, конечно, появление в державной титулатуре термина *вождь*, немыслимого в дискурсе *стейта*. «Вождь великого британского народа Маргарет Тэтчер» звучит дико. Примерно как и «вождь

великого немецкого народа Олаф Шольц». Между прочим, еще и потому что подразумевает семантическое унижение британских и немецких граждан до уровня *племени* или *орды*. Вождь — это все-таки для дикарей... Но ведь всего три поколения назад применительно к Адольфу Гитлеру звучало вполне органично. Как и для Муссолини, Ленина, Сталина, Троцкого.

Выигрыш от катастрофы 1917 г. если и был, то лишь в смысле массовой мобилизации и беззаветной милитаризации. Примерно как империя Чингисхана, уступая в культурном, технологическом и любом другом отношении Европе эпохи Возрождения, была сильнее в отношении военном и мобилизационном. Так и СССР, победив (ценой немыслимых для Европы и для царской России человеческих потерь) в военном столкновении 1941–1945 гг., быстро и неотвратно проиграл мирную конкуренцию в области культуры, технологий, качества жизни и пр. Это стало очевидно руководству страны уже в первой половине 80-х гг. прошлого века.

Иными словами, *Империя* Николая Романова в начале 20-го века была ближе к состоянию *State* чем мы сейчас, в XXI веке. Хотя бы потому, что за всеми политическими институтами тогда стояли реальные акторы, имеющие политический вес, политический интерес и политический ресурс, чтобы этот интерес защищать. Как раз поэтому русский термин *государство* уже не стоит переводить как *state*: за последние 300–400 лет понятия существенно разошлись на путях дивергенции — прежде всего в понимании феномена *права* и *нравов*.

Результатом привычного неразличения понятий (что само по себе есть следствие возврата советского дискурса к первобытному синкретизму) стали систематические неудачи в попытках применить западные шаблоны к постсоветской России. Формулы типа «*общественный договор*» (А. Аузан), «*сервисное государство*» (Е. Шульман), «*права человека*», «*оппозиция*» и пр. заимствованы из дискурсивного пузыря уровня *стейта*, но никак не находят себе отклика в дискурсе *государства*. Какая оппозиция возможна *самовластному* государю?

Это важно. Не углубляясь в важный вопрос о различиях примордиализма (из него растет гумилевский этноцентризм) и конструктивизма, ограничимся констатацией: концепция

конструктивизма за последние три поколения заняла доминирующие позиции. А раз так, идеи (мечты, пожелания, представления о благе, *нравы*, в конце концов), которые всегда лежат в основе любых конструктивистских проектов, приобретают ключевое значение в реальной политике. От того, как политические акторы понимают смысл бытия, величие, славу и т. п., решающим образом зависят их цели и достижения. А значит, и условия жизни обычных людей.

Вопреки материалистическим утверждениям советской школы, миром правят *идеи*, и как раз советский опыт сокрушения материальной действительности ради идеи (пошлой и глупой) коммунизма эту простую мысль подтверждает со всей очевидностью.

Империя всегда *конструируется*. Чаще сверху, чем снизу. Путем перехвата или узурпации власти, захвата соседских территорий, войны. Александром Македонским, Юлием Цезарем, Петром Первым, Гитлером, Сталиным, Путиным, Трампом(??)— всегда некоей супер-амбициозной *личностью*. Лепится из того, что было. Сталин, по свидетельству Хрущева, в доверительных беседах между своими называл народ говном (Хрущев, по-пролетарски трепетно относящийся к печатному слову, использует термин «навоз»), из которого лишь выдающаяся личность лепит нечто достойное. То есть *конструктивизм* чистой воды. Следовательно, феномен *империи* не есть нечто навсегда отбывшее, как рабовладельческий строй или феодализм в нехитрой схеме марксизма-ленинизма. Личность, возомнившая себя великой, может предпринять попытку учреждения *империи* на любом этапе социальной эволюции — будь то вождество, государство, стейт или что-то еще. Другое дело, насколько удачной будет эта попытка, насколько организованным окажется сопротивление социокультурной среды и сколько в итоге придется заплатить стране и населению. Смогут ли американские или европейские стейт-институты остановить вполне прозрачные стремления Путина и Трампа к имперскому величию?

Империя — более широкое и потому расплывчатое (синкретическое) понятие, чем *государство* (по-русски). И. М. Бусыгина говорит, что *империя* не может быть *государством* («национальным государством», как следует из контекста). Это верно,

но я бы предпочел выразиться иначе. «*Национальное государство*» (при понимании нации не в этническом, а гражданском смысле), равно как и «*правовое государство*», «*государство гражданского договора*», «*сервисное государство*» и т. п. и т. д. — всего лишь разные ипостаси того, что на самом деле *государством* уже не является. А является качественно новым феноменом под условным названием *стейт*, от которого в современной России остались рожки да ножки, с большим искусством вылепленные из административного папье-маше. Выборы, парламент, партии — все как у больших, но игрушечное.

Если освободиться от терминологических иллюзий, все становится на свои места: институты, характерные для *стейта*, в России не приживаются и закономерно превращаются в потемкинскую деревню; *империя* в понимании И. М. Бусыгиной действительно не есть *стейт* — и не может им быть. С другой стороны, мы избавляемся от необходимости изобретать множество имитационных прилагательных к термину *государство* и потом объяснять, почему они не работают: потому что в нашей постсоветской реальности слишком мало от *стейта* и слишком много от *вождества*. И наоборот: чтобы приобрести величественный (и архаичный) титул *империи*, *стейту* придется пройти мучительный путь попятной деградации, отказываясь от множества завоеваний в правовой, культурной, экономической, научной и пр. сферах. Отказ будет сопровождаться физическим уничтожением или бегством значительной части продвинутого населения, в услугах которого *стейт* нуждался, а *империя* уже/еще не нуждается. Сначала репрессии, а потом и террор — естественные ступени на пути преобразования *стейта* в *империю*.

Что же касается *государства* в чистом виде, без инновационных прилагательных, то оно (при достаточной мощи и размерах) может быть или не быть *империей* без каких-либо трансцендентных усилий. Просто по щелчку административного тумблера. Какая сила (кроме гипертрофированной осторожности) могла бы помешать В. Путину или И. Сталину провозгласить себя императором? Только беспримерная личная скромность обоих. Трампу же на этом пути придется всего за четыре года сокрушить множество препятствий — с нарастаю-

щим риском сломать себе шею. Его путь назад и вниз круче и длинней.

Наиболее значимые особенности эволюции, взаимодействия и возможных переходов между разными типами политической организации можно представить в виде следующей таблицы. Естественно, она неполна, нуждается в исправлениях и дополнениях.

Вожжество

Базовые особенности. Размытость в территориальном и структурном отношении, нет границ. Структурообразующая роль вождя. Нет профессиональной бюрократии, налоговой системы, валюты, разделения властей. Фундаментальный милитаризм: каждый человек — воин. Экспансия вместо интенсификации. Слабая материальная инфраструктура или ее полное отсутствие. Нет урбанизации, столицы, понятий центра и периферии: где вождь — там и центр. Непосредственное военное насилие как замена повседневной службы правопорядка. Присваивающее хозяйство, дань, рэкет и работорговля с элементами реципрокной экономики. Отсутствие промышленности и связанных с ней институций. Минимальное преобразование среды обитания: пространство не меняется.

Культура и право. Синкретизм. Миф, вера и знание едины. Героический эпос вместо истории. Пространство доминирует над временем, время мыслится как кольцо. Письменности нет или она заимствована. Обрядовый символизм, имя неотделимо от явления. Власть харизмы; культ личности и силы. Население (племя, люди, народ, язык) синонимично территории (земля, сторона, улус). Родо-племенная идентичность. Коллективизм, солидарная ответственность за содеянное. Общинное и обычное право. Нет понятия частной собственности, прав человека и сопутствующих прав.

Переход к Империи. Постоянная готовность к переходу: вопрос силы воли и амбиций. Перманентный милитаризм как норма быта; каждый человек — воин; пленные — рабы. Военная организация власти. Орда и вождь. Экспан-

сия как экономическая основа; перманентный Великий Поход. Глобализм — «всюду, куда достигнут копыта монгольских коней». Мобилизация племен и народов в Великий Поход, кооптация их элит. Нестационарность, быстрое формирование и распад. Отсутствие метрополии и центров роста. Улус (народ + земля) как основной объект территориального менеджмента; «переселение народов». Рыхлая инфраструктура. Материальная память ландшафта остается пустой.

Государство

Базовые особенности. Стационарность. Выделяются центр и периферия, институты регионального менеджмента. Структурообразующая роль столицы. Границы их укрепление. Оборонительные сооружения, крепости и стены. Промышленность и урбанизация. Устойчивая транспортная инфраструктура. Профессиональная бюрократия, система сбора налогов/пошлин, государственная валюта, первые признаки разделения властей. Разделение труда и рост производительности. Выделение ключевых сословий: «воины», «работники», «идеологи». Рыночный обмен продукции. Регулярная армия. Активное преобразование среды обитания, накапливается материальная память ландшафта.

Культура и право. Государственная религия и язык; обучающие центры, письменность. Идеи этноса и нации. Инстинктивная геополитика. Документальная история вместо эпоса, развитие науки и технологий. Появляется идея развития (время как вектор). Печатные средства массовой коммуникации. Переписи населения. Персональная субъектность, растет ценность индивидуума. Укрепляется частная собственность (сначала для высших сословий) и ее правовая защита. Принцип индивидуальной ответственности. Писанные юридические нормы: законы, кодексы. Конкуренция властей и институций, формирование групп интересов («классов») и политических партий. Промышленность, рыночная инфраструктура.

Переход к Империи. Свободный переход. Метрополия становится генератором культурного, научного, технологического развития. Расширение имперского правового поля. Рост населения. Милитаризм из перманентного становится циклическим. Завоевание пространства сопровождается освоением. Появление системы территориального менеджмента, колоний и доминионов. Распространение инноваций на присоединенные территории. Неравноправность земель. Универсализм больших инфраструктурных проектов. Богатая материальная память ландшафта: города, соборы, производственные и оборонные комплексы.

Стейт

Базовые особенности. Разрушение сословий, классов и самодостаточность личности. «Общественный договор». Гражданское общество. Феномен оппозиции и сменяемость власти. Избирательная система. Появление демографической и экологической политики. Конкуренция как норма. Ограничение и перераспределение полномочий первого лица. Растущая роль неправительственных объединений. «Средний класс». Полицентричность. Появление федеративных и конфедеративных моделей территориальной организации. Города и крепостные стены утрачивают оборонительное значение. Интенсификация обитаемого пространства доминирует над экстенсификацией.

Культура и право. Рационализм и просвещение. Гражданин как ценность и цель развития. Определяющая роль права и договорных отношений. Конституционализм. Права человека, независимый суд. Множественность персональных идентификаций, оформление новых течений и массовых групп влияния: аболиционизм, суфражизм, феминизм, «зеленые», зоозащитники, вегетарианцы и пр. Коммуникационная и информационная революция, появление общественного мнения и манипулирующих им инфлюэнсеров.

Переход к Империи. Невозможен переход без болезненного разрушения ключевых институций и прав. Возврат к импер-

скому статусу требует деградации культуры, системы международных договоренностей, базовых политических институций. Возвратная милитаризация, серьезные демографические и экономические потери. Коллапс инфраструктуры, одичание обитаемого пространства.

DOI: 10.55167/f873478a7b4f